

**Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ)
Краснодарское отделение Российского общества
интеллектуальной истории
Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)**

***КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ***

**XIV Международная научно-практическая
конференция (г. Краснодар, 2 июня 2023 г.)**

УДК 93/94;(091)

ББК 63.3

К 88

К 88 Кубанские исторические чтения: Материалы XIV Международной научно-практической конференции (Краснодар, 2 июня 2023 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – 230 с.

ISBN 978-5-00202-289-2

Оргкомитет конференции

Курусканова Н.П., к.и.н., доцент – *председатель*

Улезко Б.В., к.и.н., доцент – *зам. председателя*

Елеуханова С.В., к.и.н., ассоциированный профессор (Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан, г. Караганда)

Гарунова Н.Н., д.и.н., профессор (Дагестанский государственный университет, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала)

Гребенкин А.Н., д.и.н., доцент (Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Россия, г. Орёл)

Кулаков В.В., д.и.н., профессор (Финансовый университет, г. Москва)

Штырбул А.А., д.и.н., профессор, эксперт РАН (Омский государственный педагогический университет, г. Омск)

Ответственные редакторы: **Курусканова Н.П., Улезко Б.В.**

В сборнике опубликованы материалы XIV Международной научно-практической конференции “Кубанские исторические чтения”, состоявшейся в г. Краснодаре 2 июня 2023 г. В конференции приняли участие ученые, преподаватели, соискатели из ряда регионов Российской Федерации и Казахстана. Обсуждались актуальные проблемы развития исторического знания. В сборник вошли материалы 7 секций.

Доклады и сообщения публикуются в авторских вариантах.

Для специалистов – историков, аспирантов, всех, интересующихся проблемами исторической науки.

ISBN 978-5-00202-289-2

УДК 93/94;(091)

ББК 63.3

© Авторы публикаций, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Для участия в XIV Международной научно-практической конференции «Кубанские исторические чтения» подали свои заявки 46 ученых, преподавателей, соискателей из 21 города Российской Федерации, Казахстана: Москвы, С.-Петербурга, Караганды, Армавира, Геленджика, Гусь-Хрустального, Евпатории, Екатеринбурга, Елизово, Карачаевска, Краснодара, Липецка, Майкопа, Махачкалы, Набережных Челнов, Новокузнецка, Омска, Орла, Перми, Самары, Сочи.

Работа конференции «Кубанские исторические чтения», состоявшейся 2 июня 2023 г. в Краснодаре, проходила по 7 секциям: «Актуальные проблемы мировой истории», «Актуальные проблемы российской истории», «Историческое краеведение: современное состояние и тенденции развития», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Методика преподавания исторических дисциплин в средних и высших учебных заведениях», «История русской и мировой культуры», «Проблемы историографии и источниковедения». В данном сборнике представлены 38 докладов 46 участников конференции, которые расположены с учетом хронологии событий.

Организаторами конференции «Кубанские исторические чтения» выступили Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ), Краснодарское отделение РОИИ, редколлегия Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник» (г. Краснодар). Членами оргкомитета конференции стали известные ученые и преподаватели из ведущих вузов Москвы, Кубани, российских регионов, Республики Казахстан.

Оргкомитет конференции приглашает участников конференции продолжить сотрудничество с нами и в дальнейшем. Свои страницы для публикации статей по гуманитарным наукам предлагает Всероссийский сборник научных трудов «Социально-гуманитарный вестник» (г. Краснодар) (см. сайт: <http://www.soc-gum-vestnik.narod.ru>).

Желаем участникам конференции успехов и научных достижений!

Оргкомитет

УДК 94(44).026

НУЖДИН О.И.,
Россия, г. Екатеринбург

**«Так называемый дофин де Вьеннуа»:
об одном аспекте договора в Труа 1420 г.**

Статья посвящена изучению значения выражения «soy disant», которое присутствует в тексте договора, заключенного в Труа в 1420 г. В ряде произведений средневековых авторов, а также в современных исследованиях его трактуют как указание на незаконнорожденность сына короля Франции Карла VI дофина Карла. В ходе исследования удалось установить, что данное выражение во время гражданской войны арманьяков и бургиньонов являлось инструментом пропаганды враждующих сторон. Оно указывало на отсутствие у носителя титула или должности права именовать себя в соответствии с ними. В применении к дофину Карлу выражение «soy disant» означало, что он именовал себя так вопреки воле короля Карла VI.

Ключевые слова: Столетняя война, Валуа, Ланкастеры, договор в Труа, дофин Карл.

**Nuzhdin O.I.,
Russia, Ekaterinburg**

**“The so-called Dauphin de Viennoy”: on one aspect
of the treaty at Troyes 1420**

Article is devoted to the study of the meaning of the expression “soy disant”, which is present in the text of the agreement concluded in Troyes in 1420. In a number of works of medieval authors, as well as in modern studies, it is interpreted as an indication of the illegitimacy of the Dauphin Charles, the son of King Charles VI of France. During the study, it was possible to establish that this expression during the civil war of the Armagnacs and Bourguignons was a propaganda tool of the warring parties. It indicated that the bearer of a title or position did not have the right to name himself in accordance with them. When applied to the Dauphin Charles, the expression “soy disant” meant that he called himself so against the will of King Charles VI.

Keywords: Hundred Years War, Valois, Lancasters, Treaty of Troyes, Dauphin Charles.

Печально известный договор в Труа, подписанный 21 мая 1420 г. между королем Франции Карлом VI и королем Англии Генрихом V, устанавливал новый порядок наследования французского престола, пе-

редавал его от династии Валуа к Ланкастерам. Этим документом последний из сыновей Карла VI – дофин Карл – был лишен права занимать престол. В 29-й статье договора присутствует выражение «le soy disant dauphin de Viennois», которое можно перевести как «так называемый дофин де Вьеннуа» [1, с. 113]. Уже в XV в. эти слова стали предметом спора о том, как следует их трактовать в контексте передачи власти от одной династии к другой.

Для истории Франции это был факт беспрецедентный, и его пытались осмыслить как современники событий, так и исследователи нашего времени. Так, бургундский хронист Жан Шателен указывал, что будущий Карл VII был «лишен наследства... по согласию отца и вопреки природе», более того, «был оставлен своим отцом, отрекшимся от него как от незаконнорожденного» (*comme bastard*) [2, с. 149,150]. Папа Пий II также в своем сочинении «О знаменитых людях» передавал циркулировавший слух: поскольку Карл VII был слишком юным, когда скончался Карл VI, то не мог быть его сыном [3, с. 35]. О врагах, пытавшихся представить юного дофина бастардом, писали в своей монографии о Жанне д'Арк Р. Перну и М.-В. Клэн [4, с. 275].

Однако данные утверждения стали распространяться уже после заключения договора в Труа. В предшествующее ему время у современников не было сомнений в законнорожденности принца Карла, он являлся истинным сыном своего отца – Карла VI. Например, автор «Дневника парижского горожанина» именуется дофина «старшим сыном короля», повествуя о событиях 1418 г. [5, с. 89,191] Вместе с тем, не все исследователи обратили на это внимание, а некоторые, опираясь на фразу «soy disant», поспешили провозгласить дофина «плодом адюльтера» (*qu'un bâtard, produit de l'adultère*) [6, с. 213], а его мать Изабеллу Баварскую обвинили в легкомысленном поведении [7, с. 258; 8, с. 321].

В пылу гражданской войны, охватившей Францию в 1411-1415 гг., враждующие стороны – арманьяки и бургиньоны – нередко обменивались оскорбительными выражениями, одним из которых было как раз «так называемый». Объявив герцогу Бургундии Жану Бесстрашному «смертельную войну» (*guerre mortelle*), сыновья Людовика Орлеанского Карл, Филипп и Жан в своем письме от 18 июля 1411 г. назвали своего оппонента «Жан, который именуется герцогом Бургундским» (*Jean, qui te dis duc d' Bourgogne*) [9, с. 152-153]. В свою очередь, герцог Бургундии в ответном послании обратился к братьям: «Тебе, Карл, который именуется герцогом Орлеанским, тебе, Филипп, который именуется графом де Верту, тебе, Жан, который именуется графом Ангулемским» (*à toy Charles, qui te dis duc d'Orléans, à toy Phelippe qui te dis conte de Vertus, à toy Jehan, qui te dis conte d'Angoulesme*) [9, с. 153].

Более развернутая, но не менее уничижительная характеристика Жана Бесстрашного дана орлеанистами в письме, обращенном к королю Карлу VI, Парижскому университету и жителям столицы, составленном 9 июля 1411 г. В нем оппонент назван «Жаном, который именуется себя и утверждает, что он герцог Бургундский» (*Jehan qui se dit et afferme estre duc de Bourgongne*) [9, с. 125]. В другом послании, адресованном Карлу VI, он поименован как «некто, по имени Жан, именующий себя герцогом Бургундским» (*un pommé Jehan qui se dit Duc de Bourgoigne*) [10].

Тем самым сыновья Людовика Орлеанского хотели заявить, что Жан Бесстрашный, выступив против короля, интересы которого он должен был защищать, лишился законного права именоваться герцогом Бургундским.

В свою очередь, герцог Бургундии также отказал братьям в праве носить свои титулы, унаследованные ими от своего отца Людовика Орлеанского. Причина состояла в том, что тот имел «намерения... уничтожить монсеньора короля, нашего и вашего многоуважаемого сеньора и его благородное потомство» [11, с. 459], вследствие чего превратился в «лживого и нелояльного предателя» [9, с. 153]. Таким образом, выражение «именующий себя» в данном случае также не имеет отношения к законности или незаконности рождения.

В источниках встречается и само словосочетание «*soy disant*». Так, в сентябре 1408 г. в своей защитной речи аббат Тома де Серизи употребил словосочетание «*soy disant*» по отношению к королю Англии Генриху IV [12, с. 328]. Более того, он назвал его просто Генрихом Ланкастером, недвусмысленно дав понять, что тот не имеет законного права носить такой титул. Ангерран де Монстреле, процитировавший данное выступление, далее в своей хронике дал соответствующее пояснение: «Ричард, некогда король Англии, зять короля [Франции Карла VI], был убит обманым путем Генрихом Ланкастером, так называемым (*soy disant*) королем Англии» [9, с. 54].

Хорошо известно, что Генрих Ланкастер в 1399 г. совершил государственный переворот, сместил с престола своего предшественника Ричарда I и был провозглашен королем Англии. В глазах значительной части своих подданных, как и по мнению французов, он представлял собой узурпатора, человека, присвоившего себе чужой титул.

В таком же контексте употреблено словосочетание «*soy disant*» по отношению к Шарлю д'Альбре [9, с. 236]. Он в начале 1412 г. продолжал именоваться коннетаблем Франции, хотя с конца 1411 г. эту должность замещал граф Валеран де Сен-Поль. А спустя некоторое время, в апреле 1415 г. уже сам Валеран де Сен-Поль именуется как

«так называемый коннетабль Франции» (*soy disant... connestable de France*) [13, с. 67], что было вызвано возвращением должности в руки Шарля д'Альбре.

В сентябре 1414 г. в Парижском парламенте заслушали протест оруженосца Гийома де Доммениля, прево г. Шартра, против другого оруженосца – Симона де Моранвиллера – претендовавшего на ту же должность. В записях секретаря Парламента Никола де Бая первый обозначен все тем же словосочетанием «*soy disant*» [14, с. 143], что, очевидно, обусловлено отсутствием окончательного решения, за кем из двух претендентов останется в дальнейшем искомая должность прево г. Шартра.

В таком случае следует, видимо, обратить внимание на реплику хрониста Тома Базена. Тот утверждал, что основной причиной лишения дофина прав на престол стало его неподчинение отцовской воле и отказ возвратиться под его власть [15, с. 35]. И действительно, весь 1419 г. шли переговоры с дофином о его возвращении к отцу, издавались соответствующие ордонансы, которые Карлом игнорировались. Поэтому есть основания предполагать, что версия Тома Базена вполне соответствует действительности.

На основании источников, в том числе текста договора в Труа, П. Боненфан полагал, что выражение «так называемый» было связано не с подозрениями или обвинениями в незаконнорожденности, а обусловлено преступлениями, совершенными дофином и его советниками, среди которых самым страшным стало убийство герцога Бургундии Жана Бесстрашного, совершенное в г. Монтеро 10 сентября 1419 г. [16, с. 180] Действительно, в тексте договора в Труа присутствует соответствующее обвинение, сформулированное следующим образом: «Принимая во внимание ужасные и чудовищные преступления, содеянные Карлом на территории Франции» [1, с. 113].

И хотя здесь не говорится прямо, какие именно преступления ставятся в вину дофину Карлу, но королевские письма, отправленные в 1420 г. добрым городам Франции от имени Карла VI ясно дают это понять. Послания разъясняли, что дофин носит свой титул и осуществляет властные полномочия против воли своего отца и короля («именует себя, против воли короля, регентом королевства» [17, с. 349], «так называемый регент в нашем королевстве помимо нашей воли и желания, силой узурпировал нашу сеньорию» [18, с. 264]). В обоих письмах употреблено все то же выражение «так называемый» («*se disant*» или «*soy disant*»). Неподчинение королевской и отцовской воле усугубилось убийством герцога Бургундии Жана Бесстрашного («лживое и вероломное убийство, совершенное им и его сообщниками, предательски в

отношении личности нашего покойного дорогого и возлюбленного кузена герцога Бургундского») [18, с. 264].

В заключение можно сказать, что выражение «soy disant», по всей видимости, не имеет отношения к незаконнорожденности того, по отношению к кому оно употреблялось. В рамках политической борьбы его использовали для оспаривания права человека на ношение определенного титула или занятия должности. А договор в Труа еще раз зафиксировал эту ситуацию в отношении дофина Карла, который прежде считался наследником короны Франции, право на которую перешло к Генриху V.

Примечания

1. *Cosneau E.* Le grands traités de la guerre de cent ans. – Paris: Alphonse Picard, 1889. – 187 p.
2. *Chastellain G.* Oeuvres / publ. par. M. Kervyn de Lettenhove. – Т. I: Chronique 1419-1422. – Bruxelles, 1863. – 361 p.
3. Aeneas Sylvius Piccolomineus, qui postea Pius II. De viris illustribus. – Stuttgartiae: Sumtibus societatis litterariae stuttgartiensis, 1842. – 81 p.
4. *Перну Р., Клэн М.-В.* Жанна д'Арк / пер. с франц. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 523 с.
5. Journal d'un bourgeois de Paris. 1405-1449 / publ. A. Tuetey. – Paris: Chez H. Champion, 1881. – 470 p.
6. *Perroy E.* La guerre de Cent ans. – Paris: Gallimard, 1945. – 376 p.
7. *Kimm H.* Isabeau de Bavière, reine de France. 1370-1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses. – München: Stadtarchiv, 1969. – 476 s.
8. *Avout J. d'.* Querelle des Armagnacs et des Bourguignons. – Paris: Gallimard, 1943. – 432 p.
9. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400-1444 / par L. Douët-d'Arcq. – Paris: Jules Renouard, 1858. – Т. II. – 468 p.
10. Lettres de Charles Duc d'Orléans & de ses freres au sujet de la mort de leur pere, contre le Duc de Bourgogne, au Roy Charles VI // Histoire générale et particulière de Bourgogne / par Dom Plancher. – Dijon: Chez Antoine de Fay, 1748. – Т. III. – P. CCLXXVIII.
11. Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs a l'histoire de France / par J.-A.-C. Buchon. – Orléans: H. Herluison, 1875. – 260 p.
12. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400-1444 / par L. Douët-d'Arcq. – Paris: Jules Renouard, 1857. – Т. I. – 416 p.
13. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400-1444 / par L. Douët-d'Arcq. – Paris: Jules Renouard, 1859. – Т. III. – 429 p.
14. de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400-1417 / publ. par A. Tuetey. – Paris: Libraire Renouard, 1888. – Т. II. – 432 p.
15. *Basin, Th.* Histoire des règnes de Charles VII et de Louis XI / par J. Quicherat. – Paris: Jules Renouard, 1855. – Т. I. – 202 p.

16. *Bonenfant P.* Du meurtre de Montereau au traité de Troyes // Academie royale de Belgique: Mémoires, lettres. – 1957. – Т. 52. – 282 p.

17. *Pocquet de Haut-Jussé B.-A.* La France, gouvernée par Jean sans Peur: les dépenses du receveur général du royaume. – Paris: Presses Universitaires de France, 1959. – 405 p.

18. Lettre du roy Charles VI aux habitans de Paris contre le dauphin son fils // Félibien, M. Histoire de la ville de Paris. – Paris: Chez Guillaume Desprez et Jean Desessartz, 1725. – Vol. V. – P. 264.

316.663:64-055.2(73)''20''

ВЕРШИННИНА Д.Б.,
Россия, г. Пермь

Домоводство в контексте дискуссий о женских ролях в американском обществе первой половины XX века

Статья посвящена курсам по домоводству, которые рассматриваются в контексте эволюции представлений о гендерных ролях в формирующемся американском обществе потребления. На примере идей идеолога движения Э.Х. Ричардс рассматривается идея рациональной организации домашнего хозяйства и потребления, а также роль женщины в этих процессах. Уроки по домоводству вписываются в общие процессы эволюции американского общества первой половины XX в. Автор делает вывод о том, что в центре формирующегося общества потребления оказалась жена-домохозяйка, и курсы по домоводству играли значительную роль в формировании гендерных ролей в США.

Ключевые слова: домоводство, США, гендерные роли, санитарная наука, потребление, Э.Х. Ричардс.

**Vershinina D.B.,
Russia, Perm**

Home economics in the context of discussions about women's roles in American society in the first half of 20th century

Article is devoted to home economics courses, which are considered in context of the evolution of gender roles in the emerging American consumer society. On the example of the ideas of the ideologist of movement E.H. Richards the author analyzes the idea of rational organization of household and effective consumption, as well as role of women in these processes. Home economics lessons were fit into the general processes of the evolution of American society in the first half of 20th century. Author concludes, that the homemaker was at the center of the emerging consumer society, and home economics courses played a significant role in shaping gender roles in United States.

Keywords: home economics, USA, gender roles, sanitary science, consumption, E.H. Richards.

1960-е гг. были отмечены в США началом масштабных идеологических дискуссий, в центре которых оказалась, в том числе, судьба американских женщин и их прав. К этому моменту в американском обществе произошли значительные сдвиги в гендерных ролях, прежде всего, в отношении женщин, которые стремились к слому тех общественных ожиданий, что были характерны для предыдущих десятилетий. Действительно, первая половина XX века была временем, когда в США продолжали сохраняться традиционные представления о роли женщин в обществе, несмотря на активное вовлечение женщин в трудовые отношения в периоды Первой и Второй мировой войн и, как результат, остро вставшую проблему конкуренции на рынке труда, когда мужчины стали возвращаться с фронта. Как отмечает известная американская феминистка Б. Фридан, именно стремление властей вернуть женщин домой привело к тому, что даже в 1950-е гг., после периода активной женской трудовой активности в военные годы, женский жизненный сценарий предполагал реализацию традиционных ролей жены, домохозяйки и матери [1].

Развитие общества потребления при этом потребовало эффективного соединения принципов консьюмеризма с идеалом домохозяйки. И в американских школах первой половины XX в. наступила эпоха преподавания курсов по домоводству, в центре которых была девушка, готовящаяся к рациональной организации домашнего хозяйства.

Курсы по домоводству появились в американских школах еще в конце XIX в., когда в условиях нарастающей урбанизации и разрыва связей между поколениями перед американским обществом встал вопрос о том, чтобы готовить членов нуклеарных семей, прежде всего, женщин, к занятию домашними делами. В результате уже в 1908 г. в США возникла Американская ассоциация домоводства, которая со следующего года стала издавать специализированный «Журнал домоводства» [2]. Под таким названием журнал издавался до 1994 г., когда был переименован в «Журнал семейных и потребительских наук».

Ключевую роль в формировании идеи домоводства как специальной отрасли знаний сыграла химик из Массачусетского технологического института Эллиен Х. Ричардс (1842-1911), ставшая инициатором ежегодных конференций в Лейк-Плэсиде. Конференции проводились с 1899 г. по 1908 г. и сформировали первоначальное видение домоводства как науки о санитарии и питании в семье. Как отмечает Д. Филлипи, эти ежегодные конференции, в основном, привлекали женщин из самых разных профессий (учителей, диетологов, администраторов и т.д. – всего в них приняло участие до 700 чел. за 10 лет), но все участ-

ницы разделяли цель сделать работу по дому более научной и эффективной [3, р. 380]. Конференции привели к тому, что уже к 1920-м гг. степень институционализации движения была достаточно высокой: в 1923 г. даже было создано Бюро домашнего хозяйства при Министерстве сельского хозяйства США.

Эллен Ричардс, ставшая инициатором движения, была и его главным на тот момент идеологом. Критикуя евгенические идеи, Ричардс ратовала за развитие так называемой евтеники – науки, согласно которой, улучшение человечества должно было происходить не на основе расовых экспериментов, а на базе улучшения окружающей человека среды. В работе 1910 г. Ричардс утверждала, что развитие евтеники должно происходить через три направления деятельности:

- «1. Через санитарную науку.
2. Через образование.
3. Через связь науки и образования с жизнью» [4, р. IX].

Она полагала, что изучение санитарии в образовательных учреждениях позволит применять «эти законы, способы сохранения человеческих ресурсов и жизненных сил, которые приведут к богатству человеческой энергии» [4, р. IX], в повседневной жизни и создавать «правильные условия жизни», которые включают в себя «чистую пищу и безопасное водоснабжение, чистую и свободную от болезней атмосферу, в которой можно жить и работать, надлежащие жилье и инвентарь для работы, отдыха и развлечений» [4, р. X]. В результате, утверждала Ричардс, «обучение всех женщин принципам санитарной науки является ключом к прогрессу расы в XX веке» [4, р. 146]. По ее мнению, важно преподавать домашнюю экономику и в школе, и в университете, поскольку это приведет к истинной экономии в использовании времени, энергии и денег семьи, благодаря обучению женщин как главных менеджеров домашнего хозяйства.

Об этом же Ричардс вела речь и на страницах первых выпусков журнала Американской ассоциации домоводства. Так, в статье, представленной в выпуске 1911 г., она писала, что «пища есть фундаментальный расовый фактор» [5, р. 118]. Поэтому курсы по домашней экономике начинались именно с уроков готовки. Однако эволюция общественной жизни привела к трансформации домоводства в науку, которая учитывает новые процессы: «Завтра, если уже не сегодня, домохозяйка... должна будет стать инженером настолько, чтобы понять принципы работы машин [дома. – Д.В.]» [5, р. 122]. Впрочем, еще важнее социальная и моральная роль домоводства, писала Ричардс, ведь преподавание домоводства в школе и университете «даст людям чувство контроля над окружающей их средой и остановит чувство паники перед

будущим» [5, p. 124]. Родоначальница движения обращала внимание на то, что в новых обстоятельствах именно экономика потребления, а именно этика расходов, должна находиться в центре курсов по домоводству.

Идеи Ричардс, в которых принципы потребления были равнозначны идеям санитарии, способствовали тому, что к 1920-м гг. – периоду изобилия – именно потребление оказалось в центре всей домоводческой науки. К этому моменту, по закону Смита-Хьюза, принятому в 1917 г., предполагалось финансирование уроков домоводства в школах с целью повышения и расширения роли женщин в доме и в обществе. Таким образом, формирование домоводства как дисциплины в школах и колледжах напрямую было связано с распространенной в США и других странах в этот период концепцией отдельных (сепаратных) сфер, в соответствии с которой, именно женщина отвечала за домашнее хозяйство, а система образования должна была готовить девушек к их основной роли жены, матери и домохозяйки. Другими словами, программы по домоводству были ориентированы именно на женщин, воспринимаемых домоправительницами и потому больше всего заинтересованных в посещении подобных занятий, чтобы научиться рационально тратить семейный бюджет. Уроки домоводства предполагали восприятие женщины как основной потребительницы, что уже давно было осознано создателями американской рекламы, ориентировавшимися именно на женскую аудиторию. В этом смысле нельзя не признать, что домоводство имело значительный классовый аспект в своем развитии, поскольку навязывало детям из рабочего класса буржуазные взгляды на семейные функции и роли. В соответствии с ними, женщина несла полную ответственность за домашние дела, в том числе за определение рациона питания семьи. Поэтому уроки домоводства так активно вводились в государственных школах США. Однако конкретное наполнение занятий по домоводству отличалось не только от штата к штату, но и варьировалось в зависимости от цвета кожи обучающихся. Так, в середине 1920-х гг. в Далласе вечерние занятия в школе для белых предлагали занятия по отделке интерьера, модным изделиям, одежде и продуктам питания. К 1927 г. были добавлены занятия по планированию дома и мебели, цветовой гармонии, питанию и диетологии, старинной мебели и пошиву одежды. Вечерние уроки домоводства в мексиканских школах в других городах Техаса, как отмечает Ф. Палмер, охватывали такие предметы, как санитария, личная гигиена, одежда, кулинария, а в школах для чернокожего населения преобладали уроки по одежде и кулинарии, с уделением некоторого внимания работе по уходу за детьми [6].

Несмотря на институционализацию домоводства, финансирование уроков домоводства в обычных школах не приводило автоматически к росту часов, выделенных на освоение этих курсов. Так, в статье 1923 г. отмечалось, что курсы по домашней экономике были частью профессионального образования в средних школах, на которое выделялось лишь 6,31% учебного времени [7, р. 3]. Именно поэтому пропагандисты домоводства постоянно требовали пересмотра «педагогической философии» работников системы среднего образования [7, р. 3]. Они подчеркивали значимость уроков по домоводству в формировании правильного рациона питания, правильной санитарной среды и правильного бюджета семьи, а в конце концов – правильной гендерной роли женщины.

Примечания

1. *Фридан Б.* Мистика женственности. – М.: Прогресс, 1993. – 496 с.
2. *Journal of Home Economics: 1909-1993.* URL: <https://digital.library.cornell.edu/catalog/hearth4732504>.
3. *Philippy D.* Ellen Richards's Home Economics Movement and the Birth of the Economics of Consumption // *Journal of the History of Economic Thought.* – 2021. – Vol. 43. – № 3. – P. 378-400.
4. *Richards E.H.* Euthenics: The Science of Controllable Environment. – Boston: Whitcomb & Barrows, 1910. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/31508/pg31508-images.html>.
5. *Richards E.H.* The Social Significance of the Home Economics Movement // *The Journal of Home Economics.* – 1911. – Vol. 3. – № 2. – P. 117-125.
6. *Palmer Ph.* Housewives and Domestic Servants in the United States, 1920-1945. – Philadelphia: Temple University Press, 1990. – 161 pp. URL: <https://temple.manifoldapp.org/projects/domesticity-and-dirt>.
7. *Works G.A.* The Relation of Home Economics to the Rest of the Rural High School Program // *The Journal of Home Economics.* – 1923. – Vol. 15. – № 1. – P. 1-7.

УДК 930/94(73):32.101

БУРАНОК С.О.,
Россия, г. Самара

Образ «Нового Пёрл-Харбор» и международные отношения

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «"Русский Пёрл-Харбор": роль исторической метафоры в российско-американских отношениях 2001 - 2020 гг.» (МД-764.2022.2)

Метафора «Новый Пёрл-Харбор» и её вариант «Русский Пёрл-Харбор» – важный элемент внешнеполитического дискурса США и современных исследований. Его уникальность заключается в том, что он используется как для «внутреннего потребления» (политический дискурс), так и для внешнего. Причём в XXI в. данная метафора очень часто возникает при освещении и анализе современных российско-американских отношений. Изучение этой метафоры в США осуществляется по нескольким направлениям.

Ключевые слова: «Новый Пёрл-Харбор», «Русский Пёрл-Харбор», внешняя политика США.

**Buranok S.O.,
Russia, Samara**

The image of “New Pearl Harbor” and international relations

Work was carried out within framework of grant of President of Russian Federation “Russian Pearl Harbor: the role of historical metaphor in Russian-American relations 2001-2020” (MD-764.2022.2)

Metaphor “New Pearl Harbor” and its variation “Russian Pearl Harbor” is an important element of US foreign policy discourse and contemporary research. Its uniqueness lies in the fact that it is used both for “internal consumption” (political discourse) and for external. Moreover in XXI century this metaphor very often arises in coverage and analysis of contemporary Russian-American relations. The study of this metaphor in United States is carried out in several directions.

Keywords: “New Pearl Harbor”, “Russian Pearl Harbor”, US foreign policy.

В современном внешнеполитическом дискурсе США существуют не только принципиально значимые метафоры, но и устоявшиеся образы прошлого, актуализация которых используется для объяснения, понимания и, отчасти, формирования международной ситуации [1, с. 15]. Как правило, такие концептуальные структуры включают в себя целый набор метафор, символов и образов, глубоко укоренившихся в национальном самосознании. Одним из важнейших подобных элементов является концепт «Новый Пёрл-Харбор». Анализ эволюции образа «Нового Пёрл-Харбор» поможет не только в освещении имагологических сюжетов военной истории США, но и будет способствовать пониманию особенностей функционирования пропаганды, средств массовой информации, государственных и политических структур в периоды кризиса, а также даст основу для прогнозирования реакции социальных, политических, национальных и гендерных групп общества США на те или иные события [2, с. 656].

На протяжении всей второй половины XX в. данная метафора затмила собой остальные образы катастроф, став одним из центральных элементов во внешнеполитической пропаганде, сформировав в амери-

канском обществе страх нового, «ядерного Перл-Харбора» [3, с. 5]. А вариантами этого феномена стали в XXI в. страх перед «кибер Пёрл-Харбором», «экономическим Пёрл-Харбором», «русским Пёрл-Харбором». Следовательно, образ как «Старого Пёрл-Харбор», так и возможного «Нового» продолжает активно влиять на американское общественное сознание и, с исторической точки зрения, важно проследить не только истоки формирования этого феномена для более глубокого понимания информационных процессов в США, но и его эволюционный путь [4, с. 440].

Исходя из изложенных обстоятельств, актуальность и научная значимость изучения образа «Нового Пёрл-Харбор» обусловлена следующими причинами. Во-первых, необходимостью изучения методов, приёмов и способов информационного воздействия на американское общество в кризисные периоды через СМИ. Во-вторых, важностью изучения образов мира и войны, поражений и побед как средств манипуляции общественным мнением. В-третьих, для понимания специфики развития общественно-политических процессов в США важно определить место образа Пёрл-Харбор в информационной политике и закономерности его эволюции. В современных условиях традиция использования словосочетания «Новый Пёрл-Харбор» для мобилизации общества опирается на разнообразные методы и приёмы, выработанные при создании образов 7 декабря и 11 сентября [5, с. 98].

Анализ роли метафоры «Новый Пёрл-Харбор» во внешнеполитическом дискурсе США в начале XXI вв. показал, что в период 2001-2020 гг. она была значимым фактором в процессе формирования оценок и подходов к российско-американским отношениям. В ходе исследования рассмотрены как предметно-содержательная часть данной метафоры, так и общее значение, которое играл страх перед повторением Пёрл-Харбора (от ядерного варианта, до кибер-Пёрл-Харбора) в американском обществе [6, с. 70].

В контексте этого были определены исторические условия появления метафоры «Новый Пёрл-Харбор» и прослежен её эволюционный путь в процессе изменений внешнеполитического дискурса США в XXI в. Кроме того, удалось установить особенности трансфера метафоры «Ядерный Пёрл-Харбор» (а также «Космический Пёрл-Харбор», «Кибер Пёрл-Харбор») из американских СМИ во внешнеполитический дискурс США. В «Стратегии национальной безопасности США» угроза ядерного удара по Америке поставлена на первое место: «Мы должны предотвратить ядерные, химические, радиологические и биологические угрозы». После публикации «стратегии Трампа» «Ядерный Пёрл-Харбор» стал одним из самых обсуждаемых в СМИ США. Следова-

тельно, можно наблюдать закономерную картину, когда положения «Стратегии национальной безопасности США» интерпретируются в СМИ с использованием данной метафоры.

В ходе исследования также проанализированы особенности использования метафоры «Кибер Пёрл-Харбор» в американских СМИ в период глобальной трансформации мирового порядка после терактов 11 сентября [7, с. 377]. В «Стратегии национальной безопасности США 2017 г.» указано: «Сегодня киберпространство дает возможность государственным и негосударственным субъектам проводить кампании и атаки против американской политики, экономики и безопасности». При анализе и в процессе комментирования данного положения «Стратегии национальной безопасности США» американские СМИ однозначно трактовали данную угрозу как «Кибер Пёрл-Харбор»

Следовательно, изучение специфики понимания и использования понятия «Кибер Пёрл-Харбор» – важная и актуальная исследовательская задача, обусловленная положениями «Стратегии национальной безопасности США».

Особенности использования понятия «Новый Пёрл-Харбор» в американских СМИ в контексте российско-американских отношений показали, что практически любое внешнеполитическое действие России после 2001 г. оценивалось в контексте страха перед повторением Пёрл-Харбора [8, с. 848]. «Русской угрозе» уделено значительное место в «Стратегии национальной безопасности США»: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, стремясь подорвать американскую безопасность и процветание». А журналисты и редакторы (при анализе данной «Стратегии...») наиболее часто используют для мобилизации общества США метафору «Новый Пёрл-Харбор» [9, с. 165]. Таким образом, положения «Стратегии национальной безопасности США» раскрываются и дополняются в США именно через использование метафоры «Новый Пёрл-Харбор». Таким образом, в течение 2017- 2020 гг. ни одна другая политическая метафоры не находила столь частого применения в США при анализе международных отношений, внешней политики и национальной безопасности США.

Примечания

1. *Lakoff G.* Metaphorical Thought in Foreign Policy: Why Strategic Framing Matters. – Washington, 1999.

2. *Shimko K.* Metaphors and Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology.* – 1994. – Vol. 15. – No. 4. – P. 655-671.

3. *Campbell S.* The Role of Metaphors in U.S. Foreign Policy: Global Leadership and the Carter Administration // *American International Journal of Social Science.* – 2015. – Vol. 4. – P. 1-10.
4. *Brenner P.* The power of metaphor: Explaining U.S. policy toward Cuba // *Diplomatic History.* – 2010. – № 2. – P. 439-445.
5. *Nielsen C.* Pearl Harbor and 9/11: A comparison. – East Tennessee State University, 2008.
6. *Nelson J., Adams G., Branscombe N., Schmitt M.* The role of historical knowledge in perception of race-based conspiracies // *Race and Social Problems.* – 2010. – № 2. – P. 69-80.
7. *Stempel C., Hargrove T., Stempel G.* Media use, social structure, and belief in 9/11 conspiracy theories // *Journalism and Mass Communication Quarterly.* – 2007. – № 2. – P. 353-372.
8. *Manwell L.* In denial of democracy: Social psychological implications for public discourse on state crimes against democracy post-9/11 // *American Behavioral Scientist.* – 2010. – № 6. – P. 848-884.
9. *Sheridan L.* Islamophobia before and after September 11th, 2001 // *Confronting Islamophobia in educational practice.* – New York, 2004. – P. 163-176.

УДК 930/94(73):32.101

ТОКМАКОВА П.Д.,
Россия, г. Самара

**«Русский Перл-Харбор»: биохимическая угроза
в оценках американского общества**

*Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ
«"Русский Пёрл-Харбор": роль исторической метафоры в российско-американских отношениях 2001 - 2020 гг.» (МД-764.2022.2)*

В современном политическом дискурсе метафора «Перл-Харбор» на страницах американской прессы встречается все чаще как способ обозначить важное политическое событие. В статье исследуется развитие данной метафоры на протяжении первого десятилетия XXI в. на примере явления биохимической угрозы, страх перед которой усиливался или уменьшался в Соединенных Штатах в зависимости от исторического контекста. В статье также рассматривается роль России в теме биохимической угрозы, которую освещают американские СМИ. Специфика их развития позволяет изучать метафору «Перл-Харбор», которая может выступать ключом для понимания современных российско-американских отношений.

Ключевые слова: международные отношения, СМИ, США, Россия, биологическая угроза, химическая угроза, история США.

**Tokmakova P.D.,
Russia, Samara**

**“Russian Pearl Harbor”: biochemical threat
in the assessments of American society**

In modern political discourse, metaphor of “Pearl Harbor” on the pages of American press can be a way to denote an important political event. The article examines the development of this metaphor during the first two decades of the xxi century on the example of the phenomenon of biochemical threat, the fear of which increased or decreased in United States, depending on the historical context. Using the example of news articles, one can analyze the role of the attack on Pearl Harbor as a historical event in the domestic political sphere, and its impact on everyday life as a metaphor. The article also examines the role of Russia in the topic of the biochemical threat, which is covered by American media. There are several periods that allow us to consider the biochemical Pearl Harbor and “Russian Pearl Harbor” as a jointly developing phenomenon. The specifics of their development allow us to study the metaphor of “Pearl Harbor”, which can act as a key to understanding modern Russian-American relations.

Keywords: international relations, media, USA, Russia, biological weapon, chemical weapon, history of the USA.

7 декабря 1941 г. наложило неизгладимый отпечаток на историю США, который до сих пор отражается в современном внешнем и внутреннем политическом дискурсе Соединенных Штатов. Для американской нации атака на «Перл-Харбор» стала величайшей трагедией XX века. Прошло 80 лет, но название Гавайских островов, на которых расположена военно-морская база США все чаще встречается в статьях и новостях в контексте политических событий.

Начало XXI века для США прошло в борьбе против терроризма и исходящей от него биохимической угрозы. В связи с этим, метафора «Биологический Перл-Харбор» приобретает актуальность и на какое-то время становится темой в американских средствах массовой информации. В начале 2000-х гг. она, прежде всего, была связана с террористической угрозой. Однако буквально за несколько лет такое положение начало меняться настолько, насколько хронологически далеко американское общество двигалось от трагедии 11 сентября 2001 г. [1]

С течением времени страх перед терроризмом ослаб и, таким образом, появилась возможность для более трезвого взгляда и анализа действий администрации президента Джорджа Буша-младшего. Постепенно страх отступал и повестка менялась, а вместе с ней менялся и фокус общественного мнения. Возможная биохимическая угроза со стороны террористов стала восприниматься как преувеличение админи-

страции президента для поспешного проведения реакционной политики [2]. Тем не менее, она, как и проблема терроризма, воспринималась как «общая» война для всех стран против мусульманского мира. В соответствии с этим, и Россия выступала в качестве ближайшей союзницы в этой борьбе [3].

Примерно в 2007-2008 гг. фокус смещается на тему ядерных вооружений, в которых часто встречается Россия как одна из стран с большим количеством ядерного оружия. Несмотря на то, что обсуждение биохимической угрозы заметно снижается, в какой-то степени образ России, которая снова может представлять опасность, переносится и на тему биохимического оружия. Отметим также, что в это же время начинает складываться отрицательный образ России, который впоследствии будет перенесен и на проблему биохимической угрозы.

Эволюция метафоры «Биохимический Перл-Харбор» прошла несколько этапов в начале XXI века:

1) 2001-2007 гг. – активная эксплуатация данной метафоры в СМИ США в контексте информационного обеспечения «Войны с террором» [4]. Страх перед химическим или бактериологическим нападением на Америку используется в медиа дискурсе для объяснения причин войны в Ираке [1].

2) 2008-2016 гг. – период эпизодического использования метафоры и темы биохимической угрозы в СМИ США [5].

3) 2016-2021 гг. – «Биохимический Пёрл-Харбор» становится частью аналитических материалов и прогнозов о российско-американских отношениях, а также как возможный сценарий развития международной ситуации.

Тема страха, популярная в американских СМИ в 2001-2002 гг., сменяется (в контексте употребления изучаемой метафоры) историческими параллелями между современностью и событиями Второй Мировой войны. В «Стратегии национальной безопасности США» 2017 г. указано: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, стремясь подорвать американскую безопасность и процветание». В варианте «Стратегии...» 2021 г. формулировки стали еще жестче: «Россия по-прежнему полна решимости усилить своё глобальное влияние и играть подрывную роль на мировой арене. И Пекин, и Москва приложили значительные усилия к тому, чтобы проверить сильные стороны США и помешать нам защищать наши интересы и интересы союзников по всему миру».

Кроме того, и в «Стратегии национальной безопасности США» 2017 г., и в версии 2021 г. присутствуют прямые указания на то, что «биологические угрозы для нашей Родины – будь то в результате пред-

намеренной атаки, аварии или стихийного бедствия – растут и требуют действий по устранению их у источника». Таким образом, объединение двух угроз («биохимического нападения» и «русского Пёрл-Харбора») происходит в 2017-2021 гг. не только на уровне СМИ США, но и на уровне программных документов Белого Дома, в которых отражены подходы к основным внешнеполитическим линиям США.

Примечания

1. Selling the threat of bioterrorism. Los Angeles Times. – 2007. – 1 July. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2007-jul-01-na-alibek1-story.html> (дата обращения: 18.03.2022).

2. Langley, We Have a Problem. The New-York Times. – 2006. – 14 May. URL: <https://www.nytimes.com/2006/05/14/weekinreview/14weiner.html> (дата обращения: 24.02.2022).

3. Moscow: Ricin recipe found on Chechen fighter. CNN. – 2003. – 13 January. URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/europe/01/13/russia.ricin/index.html> (дата обращения: 16.03.2022).

4. World Trade Center and Pentagon attacked on Sept. 11, 2001. Los Angeles Times. – 2001. – 12 September. URL: <https://www.latimes.com/travel/la-xpm-2001-sep-12-na-sept-11-attack-201105-01-story.html> (дата обращения: 10.03.2022)

5. Transcript of Dick Cheney's remarks on national security. URL: <https://edition.cnn.com/2009/POLITICS/05/21/cheney.transcript/> (дата обращения: 13.03.2022).

УДК 94(519)

УЛЕЗКО Б.В.,
Россия, г. Краснодар

Производство станков с числовым программным управлением в КНДР

В статье показано развитие работ в КНДР по созданию и серийному производству станков с ЧПУ с 1980-х гг. и до настоящего времени. Приведенные автором факты демонстрируют, что такого рода оборудование широко распространилось во всех отраслях промышленности КНДР, хотя его применение начиналось с оборонно-промышленного комплекса. Сделан вывод о том, что КНДР также способна широко экспортировать станки с ЧПУ, но этому препятствуют различные санкции.

Ключевые слова: КНДР, наука, техника, промышленность, станки, ЧПУ, CNC, Ryonha Machinery.

Production of numerically controlled machines in DPRK

Article shows the development of work in DPRK on the creation and serial production of CNC machines from 1980s to the present. The facts cited by author demonstrate, that this kind of equipment has become widespread in all industries of DPRK, although its use began with the military-industrial complex. It is concluded, that DPRK is also capable of exporting CNC machines widely, but various sanctions prevent this.

Keywords: DPRK, science, technology, industry, machine tools, CNC, CNC, Ryonha Machinery.

В последние годы КНДР достигла впечатляющих успехов в развитии ракетно-ядерного арсенала, создав сначала потенциал минимального сдерживания, а затем перейдя к формированию потенциала гарантированного ответного удара. Также в стране создаются и передовые конвенциональные вооружения, в том числе высокоточные. Прогрессируют и гражданские отрасли хозяйства, а также сферы двойного назначения [1; 2; 3; 4; 5]. Обложенная со всех сторон санкциями, да еще и вынужденная самоизолироваться в связи с пандемией коронавируса, Северная Корея демонстрирует, тем не менее, высокий уровень научно-технического и производственного развития. В предлагаемой статье автор поставил задачу показать одну из важнейших причин столь убедительных успехов КНДР.

Обязательное условие создания и производства собственной передовой военной техники, равно как и сложной гражданской продукции и продукции двойного назначения, помимо развитой металлургии, материаловедения и электроники – наличие высокоразвитого машиностроения. Основой для него, в свою очередь, является наличие развитого станкостроения. Руководствующимися принципами чучхе (опора на собственные силы и самостоятельность), руководители и граждане КНДР эту истину усвоили давно и прочно. Начало было положено еще в годы правления президента Ким Ир Сена, который в 1982 г. выдвинул идею развернуть движение за наращивание производства станков. Известная особенность северокорейской государственности состоит в том, что идеи вождя там не остаются не услышанными. Через три года, после всесторонней проработки в Академии наук КНДР, был дан старт этому массовому движению. Его главным направлением стало внедрение электроники в станкостроение в виде Computer numerical control (CNC), или по-русски, – числовое программное управление (ЧПУ) [6].

Computer numerical control представляет собой современное направление в разработке техники различного назначения, базирующе-

еся на использовании цифровых электронных устройств в системе управления. В России оно известно как ЧПУ. В статье будут употребляться обе эти аббревиатуры. ЧПУ представляет собой компьютеризированный комплекс, управляющий рабочими органами оборудования и контролирующий исполнение задания. Любые перемещения исполнительных органов задаются специальной управляющей программой (УП) для данного станка. Компьютер сохраняет в своей памяти УП, поэтому оператор всегда может ей воспользоваться для выполнения конкретной работы [7].

Результатом стало то, что КНДР уже к концу 1980-х гг. стала экспортировать станки с ЧПУ не только в страны Азии и Африки, но и в СССР. Свойственная корейцам способность создавать аналоги того, что есть у других, побуждала их двигаться дальше. Как утверждают китайские и южнокорейские источники, еще в конце 1980-х гг. Ким Ир Сен поставил задачу создания универсального станка с ЧПУ нового поколения, что было озвучено в ходе поездки президента в индустриальный центр Чхонджин. Основатель корейского государства осознавал, что это задача невероятной сложности, которая будет выполнена уже не при его жизни, поэтому на достижение цели отводилось 10-15 лет. Так и случилось – рапорт о создании станка с требуемыми характеристиками принимал уже Ким Чен Ир в 2001 г. Причем тогда из северокорейских газет было трудно понять, о чем именно шла речь, все лишь заговорили о «факеле Ранама» – по названию предприятия горношахтного машиностроения, разработавшего станок. Конкретика стала известна лишь спустя несколько лет. Помимо этого, выпуск неплохих, даже по мировым стандартам, станков был налажен и на других заводах: в Кусоне, Хийчхоне, Хамхыне, а также в окрестностях Пхеньяна. Часть пути представители страны прошли благодаря сотрудничеству с СССР. В советские годы работало совместное предприятие с одним из станкостроительных заводов в Горьком (Нижем Новгороде). Часть технологий позаимствовали у соседних стран – были скопированы закупленные японские и тайванские станки. Несомненно, существенную часть продукции поглощает северокорейский военно-промышленный комплекс (ВПК), и именно в этом кроется секрет его успехов последних десятилетий [6].

По мнению западных экспертов по ядерному оружию, Северная Корея стала разрабатывать станки с ЧПУ собственных конструкций в начале 1990-х гг. в рамках усилий по созданию сложных ракет и ядерного оружия. Новые конструкции были созданы на основе изучения европейских, японских и советских станков, импортированных в КНДР. Первый станок с ЧПУ отечественной конструкции представили в 1995

г. Тогдашний лидер страны Ким Чен Ир дал машине название «Ryonha». Об этом много позже, в начале 2009 г. сообщила главная газета КНДР «Нодон синмун». Это был первый случай, когда государственные СМИ упомянули ЧПУ в качестве главного направления технического прогресса страны [8].

Новый этап, характеризующийся массовым производством оборудования с CNC и внедрением его в самые разные отрасли хозяйства, начался в конце первого десятилетия XXI в. О том, какое исключительно важное значение придавалось в КНДР новому для нее техническому направлению, свидетельствует интенсивная, разнообразная и яркая рекламно-пропагандистская кампания в местных СМИ. В 2009-2010 гг. они прославляли нового национального героя – того, который, как позже поняли внешние наблюдатели, стал в основе дальнейших технических достижений в промышленности, в том числе в ВПК республики. Этим героем оказался станок с числовым программным управлением [8]. В течение примерно двух лет граждане Северной Кореи находились под воздействием кампании, превозносившей достоинства CNC. Пропагандистский аппарат КНДР уделил огромное внимание теме станков с ЧПУ, используя инструменты в виде почтовых марок, произведений изобразительного искусства и патриотических песен [9]. Важнейшую роль играло телевидение. Так, на 1-м канале неоднократно транслировались часовые передачи, дававшие довольно подробные технические пояснения того, как эти машины работают. В совместной редакционной статье ведущих газет КНДР от 1 января 2011 г. говорилось, что «должностные лица и работники промышленного сектора должны неуклонно повышать уровень своих технических знаний и навыков, чтобы они могли умело эксплуатировать оборудование на основе CNC и другое современное оборудование, и соответствовать научно-техническим требованиям в своей производственной и деловой деятельности» [10]. В центре этой рекламной кампании с конца 2009 г. стала популярная песня, которая так и называется – «CNC», получившая быстрое распространение. Очень содержательный клип на эту песню читатель может посмотреть по приводимой ссылке [11]. В 2010 г. в Пхеньяне появились плакаты с надписью «CNC – миру!». CNC также упоминалось на самом массовом музыкально-гимнастическом представлении в мире – Arirang, когда 20 тыс. зрителей раскрывали свои цветные карточки и образовывали надпись: «CNC – сила индустрии чучхе» [10]. Таким способом руководство КНДР демонстрировало инженерно-техническим работникам и, в еще большей степени, подрастающему поколению, что «есть дело, которым стоит заняться».

Рекламная кампания постепенно угасла, потому что были достигнуты реальные значимые результаты, а технологии ЧПУ прочно вошли в хозяйственную жизнь КНДР, превратившись в повседневность. В 2010 г. на индустриальной выставке в Пхеньяне демонстрировался обрабатывающий центр с функцией пятикоординатной обработки заготовок. Именно такие изделия особо востребованы в аэрокосмической промышленности, современном машиностроении и в ядерной отрасли. В КНДР смогли наладить и производство сердца станков с ЧПУ – управляющих всеми движениями контроллеров. Теперь наличие широкого ассортимента современных станков позволяет КНДР в кратчайшие сроки осваивать новые виды продукции мирового уровня [6].

В новогодней объединенной редакционной статье ведущих газет в 2011 г. была подчеркнута необходимость для КНДР стать центром науки, технологий, знаний и экономики. Развитие оборудования с ЧПУ прямо соответствовало таким целевым установкам. В целом, ЧПУ является одним из самых передовых направлений в современной науке и технике, поэтому его часто называют «матерью машин». Это высоко развитая запатентованная технология, которую освоили лишь несколько стран мира, таких, как Германия (Siemens), СССР и Япония (Mazak, Fanuc). Несмотря на это, правительство КНДР прямо заявляет, что «наша технология ЧПУ прочно достигла самого высокого мирового уровня». И это не преувеличение, учитывая, что страна запустила спутники с помощью собственных носителей. Все это вполне доказывает, что северокорейские технологии ЧПУ уже находятся на высоком уровне развития [12].

Как указано выше, термин «станки с CNC» впервые прозвучал в Северной Корее, когда Ким Чен Ир использовал его в ходе своей рабочей поездки 29 апреля 1995 г. на предприятие «Ryonha Machinery». Позже и «Ryonha Machinery» стал распространенным термином, который обозначал передовые станки от различных производителей КНДР. Отчеты, раскрывающие рост возможностей Северной Кореи по созданию станков с ЧПУ, отражают разработку двух-четырёхосевых стандартных станков в 1990-х гг., пятиосевых токарных станков в середине 2000-х гг. Центральное информационное агентство Кореи (ЦИАК) 11 сентября 2010 г. сообщило о разработке девятиосевого токарного станка как самого современного станка с ЧПУ компании «Ryonha Machinery». Отметим, что количество «осей» или «координат», вокруг которых может вращаться обрабатываемая деталь, характеризует уровень совершенства станка или обрабатывающего центра. Таким образом КНДР добилась полной независимости в разработке восьми или девятикоординатных станков, а также пятикоординатных

инструментов, которые уже являются наиболее распространенными в передовых странах. По информации зарубежных источников, в КНДР к концу 2010-х гг. было освоено производство станков, способных одновременно производить обработку заготовок по одиннадцати координатам [6; 12].

Информации о текущем уровне точности северокорейских станков с ЧПУ пока не много. Однако в статье под названием «Технология ЧПУ» в северокорейской газете «Тонгил Синбо» за январь 2010 г. сообщалось, что «с 1980-х годов уровень точности 1/1000 мм, невообразимый ранее, стал обычным явлением, а сверхточная обработка до 100 нм стала нашей реальностью». Это означает, что северокорейские станки достигли уровня мирового класса, который может конкурировать с Германией и Японией. Данное предположение подтверждается и тем фактом, что в октябре 2005 г. США выбрали завод Korea Ryonha Machinery Joint Venture Corporation для введения санкций, чтобы северокорейские станки нельзя было экспортировать [12].

Как известно, технологии ЧПУ делятся на технологии механической обработки и технологии автоматического управления. В настоящее время Северная Корея применяет технологию ЧПУ на машиностроительных заводах, таких, как Пхеньянский завод текстильных машин, Кусонский станкостроительный завод, Кангеский тракторный завод, Машиностроительный комплекс Йонсон, Тхэанский комплекс тяжелого машиностроения и др. Кроме того, технология ЧПУ для автоматического управления внедрена на предприятиях по производству сладостей и продуктов питания, таких, как Пхеньянская фабрика «Коксан» и Пхеньянская мукомольная фабрика. Это устранило ручной труд, причем многие компании осознали потенциал обработки с ЧПУ для совершенствования производства. Сталелитейный комплекс «Чхоллима» реализовал ЧПУ на прессе мощностью 10 тыс. тонн. Важное обстоятельство заключается в том, что Северная Корея рассматривает технологию ЧПУ как символ прогресса и реальный способ освобождения от экономических санкций США, как фактор независимого развития [12].

Развитие технологии ЧПУ также создает образ будущего общества, формируемого в КНДР. Северокорейские компании пытаются обеспечить с помощью ЧПУ безопасность производства, что видно из таких примеров, как применение ЧПУ на сверхбольших станках на комплексе тяжелого машиностроения в Тэане, в процессах химического производства на комплексе «2.8 Vinalon». Конечная цель состоит в том, чтобы интегрировать и автоматизировать все производственные процессы, сократить физический труд и, в конечном счете, добиться беспилотного производства. Технология ЧПУ в КНДР достигла уровня

мирового класса и применяется в легкой промышленности и сельском хозяйстве, а не только в оборонной и тяжелой промышленности. Руководство страны заявляет, что «мы возродим нашу экономику заново, основываясь на самой передовой науке и технологиях, а не на исправлении недостатков» [12].

Компанией, которой было поручено производить и продавать ЧПУ, стала *Ryongha* через ее дочернюю компанию *Unsan*. У компании был стенд на Международной торговой ярмарке, проходившей в Особой экономической зоне Расон, граничащей с Россией и Китаем, осенью 2011 г. Стенд *Unsan* был сформирован вице-президентом компании и привлек большое внимание посетителей. Вице-президент заявил, что ежегодный экспорт станков с ЧПУ в Европу, Южную Америку и Юго-Восточную Азию составляет 30 млн. евро. Основной завод компании имеет площадь 40 тыс. кв. метров и является «самым большим в мире», по словам менеджера. На двух объектах – в Пхеньяне и Джагане, в общей сложности, 12 тыс. сотрудников. Существовали планы открыть производство и в Расоне, в идеале без иностранных инвесторов. Вице-президент компании *Unsan* назвал цены на одинаковые по параметрам изделия: 150 тыс. евро за станок с ЧПУ европейского производства и 52 тыс. евро за эквивалентный станок, сделанный в КНДР, с «тем же качеством» [10].

До введения в декабре 2017 г. всеобъемлющих санкций против КНДР зарубежные эксперты довольно активно обсуждали экспортные перспективы северокорейских станков с ЧПУ. Впрочем, они не рисковали прогнозировать, какое влияние компания «*Ryongha*» может оказать на мировую индустрию ЧПУ, поскольку и клиенты, и поставщики неохотно сообщали о том, где произведены их станки. Одним из последствий санкций стало то, что компании пытаются скрыть свои следы при ведении бизнеса с КНДР, даже когда отрасль не связана с санкционированными товарами. В результате северокорейские станки с ЧПУ сталкивались с понятными опасениями со стороны потенциальных покупателей. Западные обозреватели с большой уверенностью высказывались о значительном влиянии новой техники на внутренний рынок КНДР, прежде всего, в виде уменьшения необходимости тратить твердую валюту на импортные станки с ЧПУ из Китая и других стран. В 2017 г., по некоторым оценкам, в народном хозяйстве КНДР использовалось около 15 тыс. станков с ЧПУ [6; 10].

Приведенные в статье фактические и статистические данные указывают на то, что технологии CNC широко внедрены практически во все отрасли промышленности КНДР. С учетом сложившейся в Северо-Восточной Азии и, в частности, на Корейском полуострове ситуации,

наибольшее значение имеет то обстоятельство, что за счет передовой техники получил мощное развитие оборонно-промышленный сектор КНДР. Значимо также и то, что ускоряется развитие потребительского сектора экономики, способствуя росту уровня жизни населения КНДР. Успехи Северной Кореи в производстве оборудования CNC ярко демонстрируют неэффективность санкций против этой страны.

Примечания

1. *Улезко Б.В.* Военный потенциал КНДР: ракетно-ядерные и конвенциональные вооружения // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 28. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021. – С. 46-54.

2. *Улезко Б.В.* Развитие ракетно-ядерных сил КНДР в 2021 г.: все идет по плану // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 29. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021. – С. 33-41.

3. *Улезко Б.В.* Создание морских стратегических ядерных сил КНДР в контексте исторического опыта флотов великих держав // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 30. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 35-45.

4. *Улезко Б.В.* Жилищное строительство в столице КНДР Пхеньяне в 2012-2022 гг. // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 31. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 46-53.

5. *Улезко Б.В.* Производство ядерного оружия в КНДР: современное состояние и перспективы // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 32. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 49-57.

6. *Мельников Д.* КНДР: показательное выступление. 26.10.2020. URL: http://www.stoletie.ru/politika/kndr_pokazatelnoje_vystuplenije_764.htm.

7. Системы ЧПУ для автоматизации станков. URL: <https://vektor.us.ru/blog/chto-takoe-cnc.html?ysclid=lgwb29tkj7818679061>.

8. *Пирсон Джеймс, Шин Хёнхи.* Как самодельный инструмент помог ракетной программе Северной Кореи. 12 октября 2017 г. URL: <https://www.businessinsider.com/north-korea-missile-program-computer-numerical-control-machine-2017-10>.

9. *Льюис Джефффри, Ли Эмбер.* Счастье – это теплый станок с ЧПУ. 4 сентября 2013 г. URL: <https://www.38north.org/2013/09/jlewis090413/>.

10. Почему КНДР влюблена в ЧПУ? 7 февраля 2012 г. URL: <https://www.chosonexchange.org/our-blog/1388>.

11. Видеоклип на песню “CNC”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mCbdKHES0H8>.

12. *Чой Сон.* Северокорейское прецизионное производство разрабатывает компьютерное числовое управление (ЧПУ). 01.09.2012. URL: <http://www.koreaitimes.com/news/articleView.html?idxno=19301>.

УДК 94(47)''16/18''

ДОЛГИХ А.Н., ЛУПЕНКО Е.А.,
Россия, г. Липецк

**О судьбе института губных старост XVI – начала XVIII веков:
к вопросу о национальных особенностях российской реформы**

В статье рассматривается содержание законодательства эпохи Ивана Грозного: создание особых выборных органов для борьбы с «разбоями» – губных старост и их судьба, вплоть до упразднения при Петре I. Авторами высказаны суждения об их месте в системе судебных и карательных органов Московского государства.

Ключевые слова: губная реформа, губные старосты, борьба с «разбоями», Иван Грозный, Московское государство.

**Dolgikh A.N., Lupenko E.A.,
Russia, Lipetsk**

**About the fate of institute of lip elders of XVI - early XVIII centuries:
on question of national peculiarities of Russian reform**

Article examines the content of the legislation of Ivan Terrible era: the creation of special elected bodies to combat “robberies” – the provincial elders and their fate, up to the abolition under Peter I. Authors make judgments about their place in system of judicial and punitive bodies of Moscow state.

Keywords: lip reform, lip elders, fight against “robberies”, Ivan Terrible, Moscow state.

Вопрос о роли губных старост среди других правоохранительных органов Московского государства не является праздным, так как через его призму можно посмотреть на тенденции развития самого этого государства в XVI в. – начале XVIII вв., а также на его систему борьбы власти против нарушителей сложившегося тогда общественного порядка, вне зависимости от политической и социальной направленности их действий.

Изучение этого вопроса интересно еще и с точки зрения специфики российских реформ вообще, в том числе в контексте идей о культурно-исторических типах известного русского мыслителя XIX в. Н.Я. Данилевского [1, с. 469-509]. Проблема эта изучена явно недостаточно [2, с. 186-194, 254-255, 262-263, 286-288, 310-311, 329-330, 357-360, 398-401,

418-454,432-436; 3; 4, с. 43-46,66-69], прежде всего, в силу крайне малого количества сохранившихся письменных источников по данному вопросу [5, с. 173-226,247-249,301-306; 6, с. 230-247,410-432].

Вообще, развитие Руси/России на протяжении ряда веков в сфере государственного управления шло по линии сокращения влияния общества (что бы под этим именем ни понимали в те времена) на эти дела – от вечевых органов, серьезно ограничивавших власть князей в Киевской Руси, до авторитарного самодержавия со времен Петра I, не оставлявшего обществу ни единого шанса на влияние на дела страны. (Позднейшее развитие в данной сфере авторы не будут рассматривать, отмечая здесь только постоянные колебания в ту или другую сторону). Существенное влияние на данный процесс оказало ордынское завоевание и более, чем двухвековое иго, по крайней мере, в отношении Северо-восточной Руси, где и зародилось Московское государство. Фактическая ликвидация вечевых органов, замена их княжеской администрацией, опиравшейся, в том числе и на силу Орды, создавало новую ситуацию во внутреннем управлении Московии, приводя, в любом случае, к сворачиванию какой-либо автономии регионов и вообще каких-либо прежних вечевых функций.

Так происходило до времени правления Ивана Грозного. Однако ситуация начала его правления, всякого рода «смуты» в верхах и фактический «беспредел» так называемого «боярского правления» конца 1530-х – середины 1540-х гг., вызывавший громадное недовольство населения (в том числе и части элиты – служилых людей «по отечеству», в просторечии – дворян), заставили правящие круги России несколько переформировать систему управления (в конце 1540-х – середине 1550-х гг.), а новый правитель – царь Иван IV – по ряду соображений (которые не всегда можно проявить до конца: видимо, и личного характера тоже, возможно, под влиянием его тогдашних советников типа А.Ф. Адашева, неких европейских влияний и др.) согласился или был вынужден переменить и отдельные элементы этой системы. Отсюда вытекали реформы так называемой «Избранной рады» (в отношении существования которой в историографии имеются до сих пор многочисленные споры, но они касаются, преимущественно, персонификации ее состава, авторства самих реформ, но не самой их сути) [7; 8, с. 63,159-160].

Среди преобразований Ивана Грозного особенно выделяются реформы местного управления, в том числе земская (создание на местах, как правило, особенно на первых этапах, выборных от населения органов самоуправления, ответственных, в основном, за исправное внесение государственных податей в казну и, вероятно, на определенном этапе

занимавшихся разрешением и уголовных дел), создание института городских приказчиков (видимо, назначаемых сверху), функции которых напоминали прерогативы позднейших городничих, а также несколько ранее начатую, но в основных чертах осуществленную именно в эти годы так называемую губную реформу, создание института губных старост, в том или ином виде существовавших до 1702 г. [9] Все преобразования имели некоторых общие черты – входили в число мер, направленных против прежней системы «кормлений» (скорее ограничивая, чем отменяя ее полностью, как часто отмечается в литературе) [10, с. 299,325,327], во многом дискредитировавшей себя в годы «боярского правления», и означали усиление элемента выборности этих должностных структур, но, с другой стороны, и одновременно их вращение в общую систему уже достаточно авторитарного государства (в отличие, например, от той же земской реформы 1864 г., которую в свое время В.И. Ленин называл «пятым колесом в телеге русского государственного управления», подчеркивая, тем самым, вставной ее характер, излишество для той системы, факт ее фактической ненужности для самодержавия) [11, с. 35]. Иная роль была у тех местных учреждений, что созданы были окончательно при Иване IV, в определенной степени представлявших некую альтернативу развития России с допуском, пусть и в ограниченном размере, представителей общественных слоев к управлению на местах, чем сделан был некий «шаг на пути к созданию в России сословного общества». При этом оформлявшиеся сословия обладали, по словам Б.Н. Флори, «своей внутренней организацией и своими органами самоуправления» [12, с. 52].

Отстаивавшие, в сущности, иную точку зрения А.С. Ахиезер, И.М. Клямкин и И.С. Яковенко недавно указывали на то, что некоторые «элементы местного самоуправления существовали в Московской Руси издавна», и в этом отношении Иван IV «опирался на уже существовавшую традицию». Они отмечали, что в этом смысле «вся послемонгольская история страны представляла собой колебательное движение между бюрократическим и выборно-самоуправленческим началом. Однако последнее никогда не было автономным, а было придатком властно-бюрократической вертикали, ее подсобным инструментом», в том числе, по их мнению, и по причине того, что «самоуправление без финансовой самостоятельности или, говоря иначе, без права самообложения, т.е. учреждения и сбора местных налогов, самоуправлением не является». Поэтому данные авторы говорят о самоуправлении, начиная лишь с земской реформы 1864 г. [13, с. 230-231]

Остановимся в данном контексте на губной реформе, начатой еще при матери Ивана Грозного – Елене Глинской. Целью создания инсти-

туда губных старост (губа – своеобразный древнерусский судебный округ, занимавший часть уезда, либо весь уезд, в разных местах этот регион различался), которые должны были заниматься борьбой с «разбоями». Судя по всему, причинами проведения этой реформы были, с одной стороны, недовольство правительства самими «разбоями», а также тем, как знать в лице наместников-кормленщиков на местах боролась с ними (тем более, что надо иметь в виду, что эти весьма коррумпированные на тот момент органы власти, представленные лицами, как правило, «варягами», как бы сказали и сегодня, назначенными сверху монархом и Боярской думой и часто не принадлежавшими к местному населению, существовали за счет него и в определенной степени «кормились» благодаря процессам над всякого рода разбойниками, а возможно, в той или иной степени, оказывали им и поддержку, – трудно об этом сказать достаточно определенно). Заметим, что местные служилые люди также, как и другие, страдавшие от «разбоев», были заинтересованы в их прекращении, и здесь их мнение совпадало с мнением верховной власти, которая своими действиями на местах, часто по предложению служилых людей перекладывала на них же с помощью создания института губных старост обязанность борьбы с подобными антигосударственными проявлениями (что бы под ними ни понималось).

В отношении губной реформы существуют неясности. Первая из них – вопрос о том, как формировались эти органы. В литературе встречается мнение о том, что их выбирало местное «дворянство» (термин, не очень справедливый для XVI в.). Скорее – одни служилые люди, но не ясно, все ли служилые люди участвовали в выборах, либо только служилые люди «по отечеству» – их элита, а ведь были и служилые люди «по прибору». Возможно, в них участвовало и остальное взрослое мужское свободное население, выбирая, в том числе, и подручных этих губных старост из числа достойных, видимо, зажиточных крестьян.

Для выяснения этого обстоятельства обратимся к более поздним материалам Соборного уложения 1649 г., где говорилось о всенародном участии в этих выборах в определенном регионе. В ст. 4 гл. XXI сказано: «А в губных старостах у таких дел в городех быти дворянам добрым и прожиточным, которые за старость, или за раны от службы отставлены... и которые грамоте умеют... А в которых городех дворян нет, и в тех городех в губные старосты избирати из детей боярских добрых же и прожиточных людей... А быти губным старостам в городех по выбору дворян, и детей боярских, и посадских и всяких чинов жилецких и уездных сошных людей..., и те выборы и дворян и детей боярских, кого

выберут в губные старосты, присылати из городов к Москве в Разбойный приказ...». Правда, последний мог их и не утвердить, потребовать проведения новых выборов или даже назначить других лиц без всяких выборов [6, с. 230,411-412].

Вопрос второй – это вопрос о соотношении и правоприменении норм губной и земской реформ в разных регионах страны. Что здесь не подлежит сомнению? Ясно, что губная реформа проводилась в уездах, где имело место служилое землевладение, так как избирали в губные старосты «детей боярских» или служилых людей «по отечеству». Значит, в уездах, в особенности на Севере Европейской части, земские органы, в которые избирало земских старост местное, преимущественно крестьянское население, брали на себя иногда, либо, как правило, функции губных учреждений, т.е. боролись с «разбоями».

Вопрос третий – вопрос о сфере компетенции губных органов. Ясно одно: они подчинялись монарху напрямую, через Разбойный приказ, но главным здесь является то обстоятельство, что они первоначально были вне компетенции наместников-кормленщиков, что явствует из материалов Судебника 1550 г., где говорилось в ст. 60 следующее: «А приведут кого в разбое или кого в суде доведут, что он ведомой разбойник, и намесникам тех отдавати губным старостам. А старостам губным, оприч ведомых разбойников не вступатися ни во что. А татей им судити по царевым и великого князя по губным грамотам, как в них написано». При этом за наместниками, в сущности, сохранилось лишь право контроля за деятельностью губных старост, кстати, весьма ограниченное [5, с. 248,301]. Однако в дальнейшем ситуация будет явно меняться. Видимо, уже к концу XVI в., в связи с нарастанием авторитаризма самодержавия в связи с Ливонской войной и опричниной, эти губные старосты постепенно становятся подручными воевод, назначаемых из центра.

Остается вопрос о том, насколько эти воеводы захватывают собственно сферу компетенции губных старост и когда последние полностью подпадают под власть первых, а также остаются ли они по-прежнему выборными представителями от местного населения. Полагаем, что данный процесс шел медленно, постепенно, с колебаниями (акты 1627, 1669, 1679, 1682 гг.), и ко времени правления Петра I он еще не завершился [9]. Но последний, сторонник авторитаризма и вертикали верховной власти, их попросту упразднил еще в начале своего правления. По словам Н.П. Ерошкина, в петровскую эпоху «в условиях усиления классовой борьбы старая система местных учреждений и должностных лиц с отсутствием единообразия в территориальном делении и органах управления, ведомственной пестротой, неопределенно-

стью функций перестала удовлетворять господствующий класс. Аппарат воевод и губных старост не мог быстро и решительно бороться с различными проявлениями недовольства масс, взysкивать налоги, ... проводить предписанные из центра преобразования». В результате, в частности, в 1702 г. институт губных старост – помощников воевод – упраздняется, «а их дела передаются тем же воеводам с товарищами из 2-4 дворян, выбранных по уездам», что знаменует некую попытку «создания воеводской коллегии по дворянским делам», закончившейся, как и многие другие преобразования этого царствования в местном управлении, неудачно [4, с. 87-88; 14, с. 38].

При этом, в сущности, губные органы проделали в своем развитии ту же эволюцию, что и другие созданные в начале правления Ивана Грозного реформы. При этом их ликвидация в связи с ростом бюрократизма и авторитарности власти при Петре I, видимо, лишь в незначительной степени учитывала их эффективность в борьбе с «разбоями».

Примечания

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
2. *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 511 с.
3. *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. – Л.: Наука, 1969. – 601 с.
4. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1983. – 352 с.
5. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV-XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1956. – 632 с.
6. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов конца XVI - начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1985. – 511 с.
7. *Филлюшкин А.И.* История одной мистификации. Иван Грозный и “Избранная Рада”. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 354 с.
8. *Данилов А.Г.* Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV-XIX вв.). – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 317 с.
9. Губной староста. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/губной_староста.
10. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV - начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV - XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 960 с.
11. *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – Т. 5: Май - декабрь 1901. – М.: Политиздат, 1967. – С. 21-72.

12. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 401 с.
13. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? – М.: Новое изд-во, 2008. – 461 с.
14. *Кузьмин С.И., Пертли Л.Ф.* Исполнение наказаний (XI-XVII века) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 6(193). – С. 32-38.

УДК 94(47).081

ПОНОМАРЕВА В.В.,
Россия, г. Москва

Сироты в женских институтах Российской империи. 1764 г. - начало XX в.

В статье на основе изучения широкого круга источников, в том числе статистических материалов, рассматривается статус сирот в женских институтах Российской империи второй половины XVIII в. - начале XX в. Изученные данные позволяют сделать вывод о том, что деятельность институтов на протяжении всей их истории носила не только учебно-воспитательный, но и благотворительный характер.

Ключевые слова: Российская империя, женское образование, Ведомство учреждений императрицы Марии, институтка, Смольный институт, семья, сиротство, социализация.

**Ponomareva V.V.,
Russia, Moscow**

Orphans in girl's colleges of Russian Empire. 1764 - beginning of XX century

Based on wide range of sources, including statistical materials, this article looks at the orphan status in the girl's colleges of Empress Maria's establishment of Russian Empire in the second half of 18th - early 20th centuries. The studied data allow to conclude, that the activities of institutions throughout all their history were not only educational, but also charitable.

Keywords: Russian Empire, women's education, Establishment of Empress Maria, student girl, Smolnyi Institute, family, orphanhood, socialization.

С первых лет своего существования Смольный, старейший из открытых женских институтов, являлся не только учебно-воспитательным, но и благотворительным заведением. Как указывает историограф Воспитательного общества, начиная с 1766 г. императрица Екатерина II стала помещать в Смольный институт «своими пансионерками дочерей убитых на войне, вообще сирот, а также дочерей лиц, выделившихся

своими заслугами или лиц, недостаточно обеспеченных» [21, с. 98].

В 1797 г. императрица Мария Федоровна, после смерти Екатерины II принявшая под свой патронат женское образование в России, основала свой первый институт. Это учебное заведение первоначально именовалось «Сиротским училищем», и лишь затем получило название Мариинского института. Императрица была убеждена, что закрытые училища должны предназначаться, прежде всего, именно для сирот [8, с. 5-7]. В этом институте она ввела порядок, который впоследствии постепенно становился нормой для остальных: 40 штатных вакансий должны были быть разделены на 3 разряда: сироты, полусироты и остальные [7, с. 8].

Из 264 девиц, допущенных в 1803 г. к баллотировке в Мещанское училище («неблагородную» половину Смольного института), у 32% отцы значатся как «умершие» [13]. Спустя 20 лет, в 1823 г., число сирот и полусирот Смольного было еще бóльшим: 45,4% дочерей военных чиновников, 34% гражданских, всего 39,7% [14]. Столько же сирот и полусирот насчитывалось в том же году в училище ордена св. Екатерины С.-Петербурга [15]. Здесь в 1822 г. на открывшиеся казенные вакансии императрица распорядилась поместить «бедных детей военных чиновников, убитых или тяжело раненых в сражениях», так что для остальных оставалось только 13 свободных мест, которые заняли вытянувшие счастливый билет при баллотировке [2, с. 294-295].

Безусловное предпочтение осиротевших детей чиновников государственной службы при приеме в институты на казенные вакансии ущемляло бы права девочек из полных, но бедных многодетных семей, и потому необходимо было выработать такой порядок зачисления, который, по возможности, учитывал бы интересы всех.

В 1864 г. особой Комиссией Ведомства учреждений императрицы Марии вырабатывались новые правила для поступающих. Согласно этим правилам, существовало три условия, позволявшие претендовать на казенные вакансии в женских институтах: государственная служба отцов (гражданская или военная), «совершенная бедность» и сиротство. Однако, как указывалось Комиссией, хотя дети имеют «неодинаковое право взывать к милосердию правительства», все же сирот было слишком много, и потому предлагалось разделить весь комплект казенных вакансий на три части, предоставляя одну сиротам, другую полусиротам, третью – не-сиротам. Последние, по мнению членов Комиссии, имеют право «на такое же сострадание со стороны Правительства, какое возбуждают в себе дети, лишившиеся родителей», однако необходимо было «постепенное развитие в обществе... той мысли, что прямая и непосредственная забота о воспитании своих детей лежит не на Пра-

вительстве, а на самих родителях» [5, с. 128]. Значительное число сирот не раз подчеркивалось в документах Ведомства: «По огромному числу сих последних чувствуется настоятельная необходимость открыть для них сколь возможно более способов к призрению и образованию» [20, с. 104. 19 февр. 1867 г.].

Впоследствии это правило было закреплено в Общем Уставе женских институтов, причем «права круглых сирот» распространялись на детей, чьи родители страдали «параличом, при совершенной потере зрения, неизлечимом умопомешательстве», были «одержимы падучей или раком, при удостоверении неизлечимой болезни», или находились не менее пяти лет «в безвестной отлучке». Показательно, что к этой же категории причислялись дети, «у коих оставшийся в живых родитель приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния» [11, гл. III, § 134].

Кроме того, в обеих столицах были учреждены Сиротские институты, специально предназначенные для этой категории обездоленных девочек. Поводом к их открытию послужили «опустошительная холерная эпидемия, свирепствовавшая в России в 1830 и 1831 гг., и войны, ей предшествовавшие», которые «имели роковым последствием огромное число сирот, нуждавшихся в немедленном призрении». И вот в 1834 г. в Воспитательных домах Петербурга и Москвы были открыты сиротские отделения для 50 обер-офицерских детей, а также действовали латинские и французские классы [19]. Подобная мера сразу оказалась недостаточной, и в 1837 г. они были отделены от Воспитательных домов и преобразованы в особые институты для воспитания сирот чиновников военной и гражданской службы [18, с. 25].

В 1829-1831 гг. свирепствовала «жестокая холера», которая «оставила следы опустошения и в самой Москве», оставив множество сирот «без приюта и без всяких средств к существованию». Эта эпидемия положила начало истории Александринского Сиротского института, который москвичи именовали «холерным заведением» [4, с. 533]. Первоначально для призрения этих сирот Опекунский совет московского Воспитательного дома решил выделить часть своих средств [6, с. 28]. Первоначально был открыт лишь небольшой приют, но число сирот было столь велико, и оно все возрастало благодаря «привозимым из других городов России», что постепенно было принято решение об открытии особого учебного заведения под покровительством императрицы. После осмотра московских институтов Николаем I было принято решение разместить мальчиков и девочек по разным учебным заведениям [10, с. 26-28], и в 1847 г. воспитанницы института были переведены в московский Сиротский институт [1, с. 52].

И в московском, и в петербургском Сиротских институтах комплект первоначально составлял по 500 воспитанниц [9, с. 245, 356]. Кроме того, при Сиротских институтах были учреждены Малолетние отделения, куда зачисляли совсем маленьких детей вплоть до 1904 г., когда был регламентирован возраст приема в 6 лет (до достижения этого возраста сирот предполагалось содержать в особых отделениях Воспитательных домов).

Возраставший комплект воспитанниц, из-за тесноты помещений и неудобства управления, вынуждал помещать часть из них в губернских институтах. В Мариинском ведомстве оперативно реагировали на изменение ситуации в стране: в 1877 г. комплект временно был увеличен на 100 вакансий, открытых для сирот, потерявших отцов в русско-турецкую войну [17, с. 19]. Постепенно число вакансий в Сиротских институтах все увеличивалось. Кроме того, в институты принимали и немалое число «сверхкомплектных» воспитанниц: так, в 1861 г. в петербургском Сиротском институте обучалось 878 воспитанниц (615 казеннокоштных, 263 пансионеров императорской фамилии, присутственных мест, частных лиц) [12, л. 333]. К 1 января 1892 г. в петербургском Сиротском институте (с отделениями) состояло 940 воспитанниц, в московском – 952 [3, с. 352].

В 1904 г. для петербургского Сиротского института был установлен комплект в 730 вакансий (518 бесплатных, 38 пансионеров императора, 174 своекоштных и благотворительных стипендий), для московского – 650 (501 бесплатных, 10 пансионеров императора, 77 своекоштных и благотворительных стипендий) [16, № 2029].

Практически с самого начала существования отечественных женских институтов они выполняли, помимо учебно-воспитательной, еще одну важнейшую функцию – благотворительную. Она приобретала законодательное оформление постепенно, с конца XVIII в. С основанием специальных Сиротских институтов, в которых девочкам давали профессиональную подготовку к будущей жизни, количество призреваемых сирот чиновников государственной службы, военной и гражданской, увеличивалось.

Примечания

1. *Армфельд А.О.* Князь Сергей Михайлович Голицын. – М., 1859. – 159 с.
2. Балатировка в училище Ордена св. Екатерины // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 1.
3. Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1891 год. – СПб., 1892. – 537 с.
4. *Галахов А.Д.* Из записок человека // Русский вестник. 1878. Т. 135. № 6. –

С. 533-566.

5. Журнал заседания Выс. утв. Комиссии для преобразования хоз. части и отчетности Ведомства имп. Марии 12 февр. 1864 г. // Устав женск. уч. зав. Ведомства учр. имп. Марии, выс. утв. 30 авг. 1855 г. Прил.

6. Записки почетного опекуна, д.с.с. Штера, о моск. училищах ордена св. Екатерины и Александровском, об Александринском Сиротском ин. и моск. Мариинской больнице для бедных. – М.: Универ. тип., 1838. – 40 с.

7. *Карцев Н.С.* Мариинский институт. 1797-1897. Исторический очерк. – СПб.: тип. С.-Петербур. градоначальства, 1897. – 164 с.

8. *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт (из истории С.-Петербургского Мариинского института). – СПб.: тип. Училища глухонемых, 1894. – 37 с.

9. Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. 1828-1878. – СПб.: тип. В. Демакова, 1878. – 431 с.

10. *Николаев П.А.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. 1837-1887 гг. – М.: тип. О-ва распространения полезных книг, 1887. – 190 с.

11. Общий устав женских институтов. 1884 // Свод узаконений о женских институтах Ведомства учреждений имп. Марии. – СПб., 1903.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 759. – Оп. 10. – Д. 394.

13. Санкт-петербургские ведомости. – 1803. – № 84. Прибавление.

14. Санкт-петербургские ведомости. – 1823. Объявление № 87.

15. Санкт-петербургские ведомости. – 1823. – № 47. Прибавление.

16. Собрание узаконений Ведомства учреждений имп. Марии. – Т. V. – Кн. 4. – СПб.: Гос. тип., 1913.

17. *Тимофеев В.* 50-летие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. 1837-1887 гг. Исторический очерк. – СПб.: Экспед. загот. гос. бумаг, 1887. – 294 с.

18. Учебные заведения Ведомства учреждений имп. Марии. – СПб., 1906. – 479 с.

19. *Фруменкова Т.Г.* Императрица Мария Федоровна и французский класс петербургского Воспитательного дома (первая половина XIX в.) // *Universum. Вестник Герценовского ун-та.* – 2009. – № 10(72). – С. 62-66.

20. Циркуляры по Ведомству учреждений имп. Марии за 1890-1905 гг. – СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 1454 с.

21. *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764-1914. – Т. 1. – СПб.: Гос. тип., 1914. – 630 с.

Интерполяция Кавказской области в экономическую орбиту Российской империи во второй половине 20-х гг. XIX в.

В статье рассмотрена административная практика командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Емануеля в 1826-1831 гг., связанная с процессом интерполяции Кавказской области в экономическую орбиту Российской империи в трудных условиях колонизации края. Авторы приходят к выводу, что Кавказская область, благодаря эффективной деятельности генерала, из военно-стратегического пункта постепенно модифицировалась в важный экономический и культурный центр юга России.

Ключевые слова: Северный Кавказ, административная практика, Г.А. Емануель, горские общества, социально-экономическая деятельность, культурное развитие.

**Burykina L.V., Fedoseeva L.D.,
Russia, Maykop**

Interpolation of Caucasus region into the economic orbit of Russian Empire in the second half of 20th century

Article examines the administrative practice of the commander on Caucasian line, General G.A. Emanuel in 1826-1831, associated with the process of interpolation of Caucasian region into the economic orbit of Russian Empire in difficult conditions of colonization of the region. Authors come to the conclusion, that Caucasian region, thanks to the effective activity of the general, gradually changed from a military-strategic point into an important economic and cultural center of southern Russia.

Keywords: North Caucasus, administrative practice, G.A. Emanuel, mountain societies, socio-economic activity, cultural development.

В условиях перманентного противодействия российской политике на Северном Кавказе со стороны Персии и Османской империи, стремившихся контролировать горцев Кавказа, перед царским правительством стояла чрезвычайно важная задача – включение Северного Кавказа в систему административного влияния Российского государства и обустройство вновь приобретенных земель. Назрела необходимость в выработке нового проекта об управлении Северным Кавказом с учетом всех нововведений и сложной внешнеполитической обстановки, поскольку шла русско-иранской война 1826-1828 гг. После рассмотрения ряда предложений Николай I ратифицировал «Учреждение для управ-

ления Кавказской областью», разработанное на базе проекта Сибирского комитета.

С 1826 г. во главе областного управления, расположенного в г. Ставрополе, где практически полностью управленческий аппарат состоял из военных чинов, встал начальник Кавказской области, командующий войсками на Кавказской линии Георгий Арсеньевич Емануель (1775-1837) [1, с. 343]. Он усматривал свою стратегическую цель в обеспечении безопасности Кавказской области, её благоустройстве и интерполяции в экономическую орбиту Российской империи. Он считал допустимым использование любого инструментария, от прямого вооруженного вмешательства до гибкой административной практики [2, с. 110-111]. В 1827 г. в Кавказскую область, включавшую в себя 4 округа: Ставропольский, Моздокский, Георгиевский и Кизлярский, начались переселения казаков из Османской империи. Миграционные процессы не только казачества, но и горского населения, полностью находились под контролем Г.А. Емануеля. Кроме того, существовал запрет на стихийное переселение, неисполнение которого влекло за собой штрафные санкции. Нередко применялись насильственные административные методы при переселении автохтонного населения с горной местности на равнину.

Миграционная политика проводилась синхронно с процессом укрепления административного влияния в регионе. В 1828 г. Г.А. Емануель представил проекты Чеченского народного суда и Владикавказского народного суда, ориентированные на восстановление спокойствия и приобретения доверия в горской и казачьей среде посредством соблюдения принципов справедливости при разбирательстве дел. Проекты судоустройства, предложенные генералом, базировались на аятах, и, насколько возможно, соответствовали нормам имперского законодательства.

Г.А. Емануель сумел навести порядок в тюремных учреждениях, создать запасные магазины на случай неурожая и голода, регламентировать деятельность меновых дворов, служивших центрами налаживания и расширения торгово-экономических связей горского и русского населения. Он придавал важное значение обустройству карантинной части.

Так, в одном из «Предписаний Екатеринодарской карантинной конторы Усть-Лабинской карантинной заставе о необходимости пропуска через карантины горцев, едущих в войско Черноморское по торговым делам» говорилось: «Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории господин генерал-лейтенант и кавалер Емануель предписанием за № 271 разрешил дать полную свободу торговле и

мене, которую производит в границах наших закубанские народы своими продуктами, с тем, чтобы все приезжие для сего закубанцы принимались в карантин для очищения, хотя бы и не имели письменных видов» [3, л. 27]. Создание карантинных постов, кордонов, лазаретов, аптек стало эффективной мерой в преодолении периодически поражающих население Северного Кавказа эпидемий холеры, лихорадки, чумы.

Предложения Г.А. Емануеля по снабжению российских войск на Кавказе местным провиантом, вместо признанной им нерациональной системы заготовки военного провианта из внутренних российских губерний, привело к увеличению доходов Кавказской области, способствовали развитию земледелия, животноводства, торгово-экономических связей.

Командующий Кавказской линии уделял пристальное внимание градостроительству, благоустройству городов, а также строительству дорог, почтовых станций и прокладки всего тракта Черкасск-Тифлис. Ставрополь, до прибытия в него генерала, не имел общественных зданий, на улицах господствовала антисанитария. В городе проживало около 5000 чел. Большую часть горожан составляли мещане, купцы, гражданские чиновники и военнослужащие; за ними шли крестьяне, разночинцы и дворовые, потом военные чиновники и духовные лица. Особое место принадлежало «иногородним» – армянам и грузинам, имевшим свои дома, лавки и мастерские, иностранцев в эти годы в Ставрополе не проживало. Среди 209 ремесленников первыми по своей численности являлись каменщики, кузнецы, мыльники, плотники, сапожники и столяры [4, л. 3об.-4].

Г.А. Емануель сумел благоустроить и областной центр, и другие города Кавказской области. Он считал актуальной проблемой лесонасаждение близ станиц и посадку лесов при селениях, расположенных по почтовому тракту. В 1828 г. под руководством генерала были сделаны первые шаги по возведению почтовых станций на транспортных путях. В 1830 г. началось строительство аптек, госпиталей, был приглашён в область медицинский персонал.

Большое значение Г.А. Емануель придавал развитию народного образования. Он привлекал горских деятелей просвещения к сотрудничеству с кавказской администрацией. Например, видный кабардинский просветитель Шора Ногмов обучал аманатов русскому и турецкому языкам в крепости Нальчик [5, с. 15], что имело далеко идущие позитивные последствия для кавказских горцев.

Особое внимание Г.А. Емануель уделял развитию аграрных отношений в области. В связи с принятыми им мерами стремительно стало развиваться животноводство, растениеводство, пчеловодство. Массовое

распространение получила в 1820–1830-х гг. новая сельскохозяйственная культура – рис, завезённая из Притеречья. В значительной степени увеличился рыбный промысел среди казачьего населения Кавказской области. Однако восточным адыгам, проживавшим вдали от всех морей, не был знаком термин «пцэжъые убытыныр» – промышленный лов рыбы – и они занимались лишь рыбалкой – «бдзэжъеи ещен» – непромысловым ловом форели в быстрых горных реках. По словам одного из первых адыгских интеллектуалов Хан-Гирея, некоторая часть адыгов относилась с пренебрежением к рыбной пище [6, с. 141].

Кавказская администрация во главе с Г.А. Емануелем поддерживала развитие в области шелководства. Нерадивых крестьян за непосадку тутовых деревьев наказывали штрафами. Популяризации шелкопряда на левобережье Терека содействовали не только благоприятные климатические условия, соперничавшие «с районом шелководства, даже Закавказья» [7, с. 11], но и целый ряд произрастающих «диких шелковичных деревьев» [8, с. 23]. Однако в 1830-е гг. в казачьих станицах Восточного Предкавказья выделывание шёлка стало приходить в упадок из-за эскалации военно-политической ситуации на Северном Кавказе и использования населения в разного рода оборонительных акциях [9, с. 67].

Г.А. Емануель также содействовал развитию пчеловодства в области. Пчеловодство являлось традиционным занятием горцев Северного Кавказа, но особую популярность получило у адыгов. Мёд и воск находили применение не только в домашнем быту, но и стали важной статьей сбыта на меновых дворах и ярмарках. Европейский опыт плодотворно сказывался на процессах товарообмена и товарооборота, улучшая качество жизни жителей региона и содействуя диалогу разных культур, сближая народы [10, с. 221].

Организаторские способности, ответственное отношение к порученному делу, инициативность позволили Г.А. Емануелю наилучшим образом реализовать указ о государственном значении Пятигорского курорта как культурного центра на юге Российской империи [11; 12; 13]. Под его руководством был разработан и принят новый план застройки курортного региона с интерпретацией действий по переводу администрации в строящийся окружной город Пятигорск, который был так назван по предложению Г.А. Емануеля по пяти остроконечным вершинам горы Бештау [14]. Свидетельством народной памяти о вкладе генерала в развитие Кавминвод являются сохранившиеся в Пятигорске – Эммануелевский парк, а под Ставрополем – Эммануелевский поселок. Кавказская область под управлением генерала из военно-

стратегического пункта постепенно трансформировалась в важный экономический и культурный центр юга России.

С одобрения императора Николая II в июле 1829 г. была снаряжена военно-научная экспедиция под руководством генерала Г.А. Емануеля на Кавказ с целью «собрать точные сведения об этой стране, о высоте гор, ее пересекающих, о направлении и глубине долин, о ее богатстве и лесе, пастбищах, минеральных и других произведениях природы» [15, с. 85]. В составе «Дела по Кавказской экспедиции», сохранившегося в фондах Санкт-Петербургского филиала архива РАН, имеется целый ряд документов по подготовке к намеченной экспедиции [16, л. 37-38]. В число участников экспедиции вошли исследователи из Российской Императорской академии наук, такие, как зоолог Эдуард Менетрие, ботаник Карл Мейер, архитектор Джузеппе Бернардаци, академик Адольф Купфер, физик Эмиль Ленц и венгерский путешественник Жан-Шарль де Бесс [17]. Экспедицию сопровождали 350 казаков, 650 солдат, 2 пушки, 6 верблюдов с погонщиками-калмыками [18, л. 42] и группа местных горцев-проводников, среди которых были Киллар Хаширов и Ахия Соттаев [19]. В память о первом восхождении на вершины Эльбруса экспедицией под командованием генерала от кавалерии Г.А. Емануеля, поляна, на которой теперь находится Базовый лагерь покорителей Эльбруса по северному склону, названа его именем. Экспедиция Г.А. Емануеля на Эльбрус не только сумела собрать важные сведения военно-стратегического значения, но и содействовала процветанию российской науки и процессам аккультурации горцев с Россией.

«Что касается до ученой цели сей экспедиции, то Конференция с удовольствием может засвидетельствовать, что сия вполне достигнута, о чем представлены отчеты и публике предварительные доказательства в кратких отчетах господ академиков» [20, л. 212-213]. Благодаря проведенным геологическим исследованиям были открыты богатые залежи свинца, каменного угля, точильного сланца, алебаstra и мела, а также обширные сосновые леса [21, с. 940]. Членами экспедиции были впервые измерены многие высоты региона, собран обширный материал по ботанике и зоологии края [22, с. 51]. Помимо этого, в процессе данной кампании был продолжен сбор этнографических сведений о народах Кавказа [23].

Таким образом, в историю Северного Кавказа генерал Г.А. Емануель вошел не только как крупный военачальник и реформатор системы управления регионом. Его деятельность напрямую связана с процессом модификации социального пространства Кавказской области в сложный период колонизации края, формирования и развития в нем

различных видов хозяйственной деятельности в условиях трагедии Кавказской войны.

Известный академик В.Ф. Миллер в «Осетинских этюдах» (1887 г.) отмечал, что «нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве сгучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов» [24, с. 164]. Это диктовало политическим и военным деятелям необходимость выработки особого подхода к реализации северокавказской политики России. Деятельность Г.А. Емануеля на Кавказе позволяет отнести его имя к плеяде исторически важных для северокавказского региона имен. Генерал Г.А. Емануель, способствовавший присоединению к Российской империи обширных горных просторов, остался в пространстве исторической памяти не только в ипостаси военачальника жестокой Кавказской войны, но и в качестве незаурядного политика, дипломата, созидателя мирной жизни.

Примечания

1. *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – Тифлис: Воен.-ист. отдел Штаба Кавказского воен. округа, 1890. – Т. XV. – С. 327-450.
2. *Муратова Е.Г., Хаширов А.В.* Георгий Арсеньевич Емануель и народы Центрального Кавказа (1826-1831) // Кавказология. – 2019. – № 3. – С. 96-114.
3. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 324. – Оп. 1. – Д. 54.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 545.
5. *Тютюнина Е.С.* Аманатская школа в Нальчике // Горянка. – 2003. – № 20. – С. 13-17.
6. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / вступ. ст. и подг. текста к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1992 – 345 с.
7. Описание Кавказского шелководства // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Вып. 11. – Тифлис: тип. Глав. Упр. Наместника Кавказского, 1891. – С. 1-320.
8. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: тип. С. Селивановского, 1823. – 465 с.
9. *Емельянов О.Б., Клычников Ю.Ю.* Особенности занятия шелководством в казачьих станицах Терского левобережья в 1830-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 3. – С. 64-68.
10. *Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбулькикова А.А.* Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа) / под ред. проф. С.Л. Дударева. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. – 252 с.
11. Кавказские Минеральные Воды: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск: к столетнему юбилею: 1803-1903 г. – Репр. изд. – Пятигорск: Вестн. Кавказа, 2008. – 296 с.

12. *Красноутская Л.И., Красноутский В.С.* Роль генерала Г.А. Емануеля в формировании первого города-курорта на Северном Кавказе (1826-1831) // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 12. – С. 167-175.
13. *Пархоменко В.В.* Г.А. Емануель у истоков развития региона Кавказских Минеральных Вод // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 2 (41). – С. 125-129.
14. *Пятигорская правда (Пятигорск).* – 2015. – 3 дек. – № 199-200.
15. *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля / Соч. кн. Н.Б. Голицыным. СПб.: тип. Н. Греча, 1851. – 196 с.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Военно-ученый архив (ВУА). РГВИА. ВУА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 1014.
17. *Бесс Ж.-Ш. де.* Главы из книги “Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829-1830 гг.” // И.А. Гориславский и др. Первовосхождения на Эльбрус: лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – С. 29-52.
18. РГВИА ВУА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 1014.
19. Тифлиские ведомости (Тифлис). – 1829. – 23 авг. – № 34.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). – Ф. 2. – Оп. 1. – Т. 1. 1829. – Д. 4 (“Дело по Кавказской экспедиции”).
21. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис: тип. Глав. Упр. Наместника Кавказского, 1878. – Т. VII. – 1011 с.
22. *Колосовская Т.А.* Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 47-52.
23. СПФ АРАН. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 65 (“Черновые заметки А.Я. Купфера о народах, обитающих на Кавказе”).
24. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. – Владикавказ: Сев.-Осетин. ин-т гуманитар. иссл., 1992. – 707 с.

УДК 94(47).083

ГРЕБЕНКИН А.Н.,
Россия, г. Орёл

Участие чинов Охранной команды Санкт-Петербургского отделения в обеспечении безопасности великих князей и княгинь в России в начале XX в.

В статье рассмотрены формы и методы обеспечения безопасности великих князей и княгинь в России в начале XX в. силами сотрудников Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения. Осуществлен анализ мероприятий, связанных с охраной резиденций, мест временного пребывания, а также охраны в пути следования.

Ключевые слова: Российская империя, институт государственной охраны, Санкт-Петербургское Охранное отделение, Охранная команда, великие князья, великие княгини.

Participation of the ranks of Security Team of St. Petersburg Security department in ensuring the security of Grand Dukes and Princesses in Russia in the beginning of XX century

Article considers the forms and methods of ensuring the security of Grand Dukes and princesses in Russia at the beginning of XX century by the Security team of the St. Petersburg Security department. The analysis of measures related to the protection of residences, places of temporary stay, as well as, security en route has been carried out.

Keywords: Russian Empire, Institute of state security, St. Petersburg Security department, security team, Grand dukes, Grand duchesses.

Процесс создания системы охраны российских императоров и членов их семей был долгим и непростым. Лишь в 1881 г. подразделения, принимавшие участие в обеспечении безопасности царя и его близких, обрели организационное единство. В частности, была учреждена Охрана Его Императорского Величества, которую возглавил Главный начальник Охраны. Однако круг лиц, подлежащих охране, был ограничен. В него входили сам император Александр III, его супруга, императрица Мария Федоровна, и их дети. После смерти царя-мироотворца все члены его семьи, за исключением вступившего на престол Николая и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, утратили статус объектов государственной охраны. По мере появления детей у Николая II и его супруги Александры Федоровны число особ, которым полагалась охрана, увеличивалось. Однако в силу того, что даже старшие дочери царя к моменту ликвидации самодержавия не вышли замуж и жили при родителях, какие-либо отдельные охранные мероприятия в их отношении практически не проводились.

Что же касается других представителей Дома Романовых – многочисленных великих князей и великих княгинь, а также их потомков, то они не подлежали охране силами подразделений, подведомственных Главному начальнику охраны (с 1894 г. – Дежурному при Его Императорском Величестве генералу, с 1896 г. – дворцовому коменданту). Долгое время родственники царя чувствовали себя в относительной безопасности, веря в то, что злоумышленники могут посягнуть лишь на одного представителя правящей династии – императора. Однако эсеровский террор, который быстро приобрел угрожающие масштабы, заставил отказаться от прежних взглядов и приступить к перестройке системы охраны, с учетом вновь поставленной задачи обеспечения безопасности хотя бы некоторых представителей царствующей фамилии, в силу своего служебного положения или родственных связей являвшихся потенциальными жертвами «бомбистов». Наглядным примером того,

к чему могло привести пренебрежение элементарными мерами предосторожности, стала трагическая гибель в феврале 1905 г. великого князя Сергея Александровича. Он был убит на территории Московского Кремля бомбой, которую бросил в его карету эсер И.П. Каляев. Эта ужасная смерть произвела тяжелое впечатление на весь царствующий дом. Теперь родные и двоюродные дядья, двоюродные и троюродные братья Николая II не без оснований полагали, что злоумышленники, лишенные возможности убить царя, укрывшегося в Царском Селе, приступят к истреблению его незащитных родственников, многие из которых к тому же имели дурную репутацию.

Между тем, людские и материальные ресурсы, которыми располагал дворцовый комендант, не были безграничны. Их едва хватало на то, чтобы уберечь от гибели Николая II, его жену, детей и мать. В этих условиях единственно возможным выходом из ситуации стало возложение охраны некоторых представителей Дома Романовых на Охранную команду Санкт-Петербургского Охранного отделения – подразделение охраны, созданное в 1903 г. на базе существовавшей с конца 1882 г. Охранной агентуры, главным предназначением которой являлось обеспечение контроля над трассами проезда царя и его близких по столице. К началу XX в. Охранная агентура сосредоточилась почти исключительно на постовой службе, что и стало причиной ее переименования в Охранную команду.

Как и прежде, агенты Охранной команды во время частых приездов Николая II, его жены и детей в Санкт-Петербург занимали посты вдоль тех улиц, по которым они должны были проследовать. Аналогичные меры принимались в отношении вдовствующей императрицы, попеременно жившей в Гатчине и столичном Аничковом дворце. Однако не менее важной задачей стало обеспечение безопасности иных представителей Дома Романовых, а также высокопоставленных лиц – председателя Совета Министров, министров юстиции, внутренних дел и народного просвещения, финляндского генерал-губернатора и т.д. В 1905 г. агенты приступили к охране главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича (именно он отдал приказ расстрела шествия рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.), а также его супруги – великой княгини Марии Павловны. Когда в октябре 1905 г., после увольнения великого князя Владимира Александровича в отставку, новым главнокомандующим стал великий князь Николай Николаевич, он также был взят под охрану. Семеновский полк принял активное участие в подавлении Декабрьского вооруженного восстания в Москве, и революционеры не могли простить этого Николаю Николаевичу. Наконец, с июня

1909 г. агенты Охранной команды обеспечивали безопасность младшего брата императора, великого князя Михаила Александровича. В 1904 г. он утратил титул цесаревича, однако, поскольку единственный сын Николая II был тяжело болен, продолжал рассматриваться в качестве потенциального претендента на императорский престол. Кроме того, эпизодически агенты Охранной команды участвовали в охране великой княгини Елизаветы Федоровны, вдовы великого князя Сергея Александровича и старшей сестры императрицы.

Число агентов и их обязанности долгое время не были нормативно закреплены. Принимаемые меры поверялись практикой и за счет этого приобретали устойчивость и упорядоченность. В апреле 1908 г. в Царском Селе для охраны великого князя Владимира Александровича находилась команда агентов в составе одного старшего и девяти постовых. Сентябрь 1908 г. великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна провели в своем имении Спала Петроковской губернии. Их безопасность обеспечивали четыре агента Охранной команды во главе со старшим А. Шкиперовым. При поездках великого князя и его супруги по железным дорогам в пределах Российской империи их сопровождали три агента Охранной команды, которые следовали в соседнем вагоне. Агенты охраняли Владимира Александровича и его жену во всех поездках, но далеко не всегда ездили с ними за границу. Так, во время поездки великого князя и его супруги в Болгарию в сентябре 1907 г. их сопровождал агент Дмитриев. Вместе с тем, когда в феврале 1908 г. великий князь Владимир Александрович и его супруга отправились в Германию, два агента сопровождали их по железной дороге до пограничной станции Вержболово, находясь в том же вагоне, после чего покинули поезд и возвратились в столицу. Когда августейшие особы в апреле 1908 г. вернулись в Россию, они были взяты под охрану там же, в Вержболово.

Принятые меры не являлись излишними. Хотя покушений на великого князя Владимира Александровича и его супругу не было, но время от времени случались инциденты, угрожавшие их жизни и здоровью. Так, 2 февраля 1908 г. при отъезде экипажа великой княгини с концерта, произошло дорожно-транспортное происшествие: «...не доезжая Конюшенного моста, что на р. Мойке у Мошкова переулка, какой-то собственный экипаж помешал свободно проехать экипажу Ея Высочества Марии Павловны, наехал дышлом в передок экипажа Ея Высочества Марии Павловны и затем скрылся» [1, л. 140]. Каких-либо повреждений экипаж великой княгини не получил.

Фиксировались и случаи задержания подозрительных лиц у Царскосельского Запасного дворца, в котором проживали великий князь

Владимир Александрович и члены его семьи. Так, утром 20 апреля 1908 г. возле дворца появилась неизвестная женщина и простояла у ворот ограды в течение полутора часов. После выезда великого князя женщина отправилась ко дворцу, вошла в церковь Знамения, сразу же вышла оттуда, опять вошла, снова вышла и стала наблюдать за публикой. Агент Охранной команды Белоусов, наблюдая за этой дамой, пришел к выводу, что уже не один раз видел ее возле дворца. Неизвестная была задержана и отправлена в дворцовое полицейское управление, а оттуда в Царскосельскую городскую полицию, где назвалась мещанкой Екатериной Павловной Новгородкиной, жившей в Санкт-Петербурге. По распоряжению начальника Дворцовой полиции она была отправлена в столицу для удостоверения личности. В Петербурге за ней установили наблюдение силами агентов Охранного отделения. При наведении справок оказалось, что еще в январе 1899 г. Е.П. Новгородкина обратила на себя внимание агентов Охранной агентуры Санкт-Петербургского Охранного отделения тем, что «каждый проезд, аккуратно в часы Высочайшего проезда, является на пути, как прибытия, так и отъезда, для какой цели неизвестно: изучая ли пути Высочайшего следования, или ради простого любопытства» [1, л. 168]. Имелись также случаи несанкционированного проникновения в резиденцию. Так, 28 июня 1908 г. около 11 часов утра неизвестный молодой человек зашел во двор Запасного дворца, где был задержан и для выяснения личности отправлен в 1-й участок Царскосельской полиции.

Многие лица, не принадлежавшие к числу злоумышленников, настойчиво стремились встретиться с высочайшими особами, чтобы передать им прошения. В документах зафиксировали следующий трогательный случай. 20 августа 1908 г. к сторожу З. Колца, стоявшему у ворот «Моим любезным сослуживцам», которые располагались напротив Запасного дворца, подошла девочка в возрасте 9 или 10 лет. Поговорив с ним около 25 минут, девочка вошла в парк и села на скамейку, расположенную на пути следования великого князя Владимира Александровича. Когда в 8 часов 30 минут утра великий князь вышел в сад, девочку заставили уйти, но она, обойдя охрану, вернулась и, приблизившись к великому князю, вынула прошение и упала на колени. Владимир Александрович подошел к девочке, взял у нее прошение и спросил, чья она дочь, на что получил ответ, что она дочь маляра. Тогда великий князь погладил девочку по голове и передал прошение агенту Охранной команды Н. Кононову, приказав отнести его во дворец.

Еще один проситель подкараулил великого князя Владимира Александровича 10 декабря 1908 г. на Дворцовой площади, у арки Главного Штаба. Мужчина в возрасте около 30 лет, сняв шапку, поздо-

ровался с великим князем, а затем закричал: «Помогите, Ваше Императорское Высочество!». Великий князь вступил с неизвестным в беседу. Мужчина сказал, что он служил в лейб-гвардии Уланском Его Величества полку, а теперь уже в течение полугода нигде не работает и терпит жестокую нужду. Прощение, которое бывший улан хотел передать великому князю, было по его приказу отдано агенту Я. Тимму. Великий князь заверил своего бывшего подчиненного, что постарается ему помочь. Тимм отнес прошение в контору Зимнего дворца. Оказалось, что просителем являлся запасной рядовой К.Н. Купцов, действительно служивший в уланах. Согласно собранным сведениям, он ранее работал на заводе, но потом получил сильные увечья и лишился трудоспособности. Бедственное положение заставило его осмелиться подать прошение великому князю.

После смерти великого князя Владимира Александровича охрана его вдовы осуществлялась на прежних основаниях. Когда в июне 1909 г. великая княгиня Мария Павловна находилась в Красном Селе, для ее охраны командировали четырех агентов Охранной команды. В 1913 г. в охране великой княгини состояло пять агентов в Санкт-Петербурге и столько же в Царском Селе. В апреле 1914 г. в охране великой княгини Марии Павловны были, по-прежнему, задействованы пять агентов Охранной команды. Один из них исполнял обязанности старшего. Возле дворца на набережной Невы выставлялся дневной двухсменный пост. Еще один дневной двухсменный пост выставлялся по Миллионной улице у дома № 27.

В декабре 1914 г. была утверждена «Инструкция чинам Охранной команды Петроградского отделения по охране Высочайших особ и высокопоставленных лиц». К ней прилагались наряды. Наряд № 2 отвечал за постоянную охрану великой княгини Марии Павловны. В Царском Селе охрана великой княгини состояла из пяти агентов. Считалось, что один из них «состоит старшим обходным агентом, он руководит охраной, расставляет на посты агентов резерва в случае выезда Ея Императорского Высочества» [2, л. 167]. Один агент находился на постоянном дневном посту у Запасного дворца в сторону парка. Прочие агенты состояли в резерве и назначались на посты «в случае выезда Ея Высочества по ближайшим путям и в места посещения» [2, л. 167]. Агент, занимавший дневной пост, должен был следить за тем, не ожидает ли кто-либо выезда великой княгини под видом прогуливающих в парке. Кроме того, когда он замечал, что Мария Павловна собирается выезжать, то сообщал об этом своим сослуживцам, которые выходили на предполагаемый путь проезда. О выездах великой княгини из Царского

Села и о ее возвращении следовало сообщать в Охранную команду по телефону условным сигналом.

В Петрограде охрана великой княгини также состояла из пяти агентов. Из них один являлся старшим обходным, а остальные занимали два дневных поста у Владимирского дворца (один – со стороны Миллионной улицы, другой – со стороны Дворцовой набережной). Старший обходной агент поддерживал связь с лицами, служившими при дворе великой княгини, получал от них сведения о предполагавшихся выездах и местах посещения, а затем сообщал об этом условным сигналом в Охранную команду.

В 1912-1913 гг. охрана великого князя Николая Николаевича во время его пребывания в Санкт-Петербурге состояла из 21 агента, а при его отъездах из столицы сокращалась до 10 чел. Охрана в Стрельне и имении «Беззаботное» в 1912 г. включала 7 чел., а в 1913 г. – 10 чел. При прибытии великого князя на маневры в Красное Село, в целях обеспечения его безопасности, командировались 46 агентов. Охрана Николая Николаевича в Крыму и в имении «Першино» состояла из 18 чел.

В 1914 г. охрана великого князя Николая Николаевича состояла из 22 чел. век летом и 19 чел. – зимой. В ее состав входили старший агент, агент, исполнявший обязанности казака, и постовые агенты. Охраняемой резиденцией являлся новый великокняжеский дворец, построенный на Петровской набережной в 1910-1913 гг. У ворот с набережной выставлялся трехсменный пост. Агенты, стоявшие на нем, несли службу в форме привратников. Суточные трехсменные посты выставлялись на черной лестнице и у ворот дворца по Магазиному переулку. Первый дневной двухсменный пост выставлялся на Петровской улице и брал под контроль пространство от Троицкой площади до Петровского садика и по Магазиному переулку, а второй – на Петровской набережной, контролируя территорию от Петровского садика до Троицкого моста. В Стрельне летом находилось 6 агентов, зимой их количество сокращалось до 3. Еще один агент отвечал за охрану великого князя в имении «Беззаботное».

Утвержденный в декабре 1914 г. в качестве приложения к «Инструкции чинам Охранной команды Петроградского отделения по охране Высочайших особ и высокопоставленных лиц» наряд № 3 закреплял правила обеспечения безопасности великого князя Николая Николаевича.

Отныне в Петрограде в охране великого князя были задействованы 15 агентов. Один из них являлся старшим. Он нес службу с 10 часов утра и до возвращения великого князя во дворец. Старший агент полу-

чал от управляющего конторой двора великого князя указания по поводу выездов и необходимых мер охраны, после чего немедленно докладывал об этом для получения необходимых инструкций. Во время выездов Николая Николаевича старшему агенту полагалось находиться у дворца. Агент, исполнявший обязанности выездного казака, должен был постоянно находиться при великом князе, исполнять все его приказания и «быть всегда готовым охранить особу Его Императорского Высочества от возможных злонамеренных покушений» [2, л. 168об.]. У ворот с Петровской набережной выставлялся суточный трехсменный пост, на котором агенты несли службу в форме привратников. Они должны были знать всех лиц, проживавших, либо служивших во дворец, и никого не пропускать в ворота, за исключением приезжавших во дворец высокопоставленных особ, которых им полагалось знать в лицо. Суточный пост на черной лестнице также был трехсменным; агенты сменялись в 8 часов утра, 2 часа дня, 7 часов вечера и 12 часов ночи. Они наблюдали за всеми приходившими во дворец «и каждое новое лицо опрашивают и удостоверяются, к тем ли лицам и по тому ли делу они идут, как заявляли» [2, л. 168об.]. При возникновении сомнения они задерживали посетителя и не пропускали его до прихода старшего агента. Еще один суточный трехсменный пост с аналогичными обязанностями находился у ворот дворца со стороны Петровского садика. Агенты сменялись в 7 часов утра, 1 час дня, 7 часов вечера и 1 час ночи. Дневной двухсменный пост находился на Петровской улице, зона поста простиралась от Троицкой площади до Петровского садика. Служебные обязанности исполнялись с 10 часов утра и до 11 часов вечера или до возвращения великого князя Николая Николаевича во дворец, смена осуществлялась в 5 часов дня. Агенты исполняли служебные обязанности, согласно общей инструкции для постовых агентов. Аналогичный пост выставлялся на Петровской набережной с охватом пути от Петровского садика до Троицкого моста.

Для охраны пути великого князя от имения «Беззаботное» до станции Стрельна и в имении «Знаменка» летом находилось шесть агентов, а зимой их число сокращалось до трех. Старший обходной агент при помощи подчиненных ему агентов занимался регистрацией жителей местности, прилегавшей к трассе проезда (деревни Халузи, Волхонского шоссе, Стрельнинской колонии с прилегавшими к ней улицами и деревнями, Владимирского переулка, Набережной улицы, Старо-Нарвского шоссе, деревень Семирязи и Заводы), а летом на него возлагалась регистрация всего населения Стрельны. Регистрационные листки, составленные на вновь прибывших, направлялись для проверки в Охранную команду, а затем пересылались в Регистрационный отдел

Петроградского Охранного отделения. На неблагонадежных лиц составлялся особый алфавит. Старший агент должен был знать их в лицо. Если великому князю предстояло проезжать мимо мест жительства неблагонадежных лиц, то старший агент наблюдал за ними при помощи подчиненных ему агентов. Во время поездок Николая Николаевича на станцию Стрельна и обратно он обеспечивал безопасность пути следования.

В имении «Беззаботное», расположенном в Стрельне, постоянно находились два агента Охранной команды. Они следили за тем, чтобы в имение не проникали посторонние, занимались регистрацией и проверкой всех лиц, вновь поступавших в имение на службу, а также проверяли временных рабочих. Когда великий князь Николай Николаевич находился в имении, агенты наблюдали «и за близлежащими путями, по которым бывают проезды, не выжидают ли здесь выезда Его Высочества сомнительные лица» [2, л. 167об.]. О поездках великого князя в Петроград и другие места им следовало сообщить в Охранную команду по телефону условным сигналом.

В 1916 г. в целях охраны великого князя некоторое число агентов Охранной команды было командировано в Тифлис.

Охрана великой княгини Елизаветы Федоровны, как отмечено выше, осуществлялась не на постоянной основе. В июне 1908 г. Елизавета Федоровна приехала в балтийский город Гапсаль (ныне Хаапсалу), расположенный в 100 км от Таллина. Он славился своими бальнеологическими курортами, и здесь уже в течение нескольких десятилетий проходили курс лечения представители Дома Романовых. Вскоре в Гапсаль, в целях обеспечения безопасности великой княгини, были командированы четыре агента Охранной команды во главе со старшим Л. Бычковым. Свои обязанности они исполняли чуть более месяца – с 19 июня по 22 июля 1908 г. Любопытно, что порядок охраны определен не был. Временно исполнявший должность заведующего Охранной командой околоточный надзиратель М.А. Зубрилов рекомендовал Л. Бычкову обращаться за необходимыми справками к секретарю великой княгини, действительному статскому советнику А.П. Гжельскому, «так как он лицо, самое близкое к Ея Высочеству, и ему будет известно, нужна ли в других местах охрана или нет, и не имеет ли что-либо против великая княгиня. Если он скажет в утвердительном смысле, то понятно ехать надо, и провожайте великую княгиню до местной резиденции. Во всяком случае Вы, наверное, прозеваете узнать заранее, когда и куда великая княгиня поедет, и тогда сообщите о всем начальнику письмом или условной телеграммой, притом спросите, как Вам в дальнейшем поступать» [3, л. 78-78об.]. В ответном письме Л. Бычков напи-

сал, что А.П. Гжельский встретил их хорошо, но содействие оказать не мог, «так как великая княгиня Елизавета Федоровна оскорблена опекой местной власти, то есть одной неаккуратной выходкой, почему и устраняет всякую. И в настоящее время она без всяких объяснений кому-либо уходит и уезжает» [3, л. 79об.-80]. Распорядок дня старшей сестры императрицы агентам приходилось узнавать частным порядком. Почти каждый день с 10 до 12 часов утра она посещала купальню профессора Бюлю, с 5 до 7 часов вечера гуляла в дворцовом парке или где-нибудь в городе, а обедала в 8 часов вечера. По праздникам Елизавета Федоровна посещала церковь. Система охраны, разработанная на месте, выглядела следующим образом. Агенты присутствовали на вокзале во время прибытия и отправления поездов, знакомились с городом, его жителями и окружающей местностью. В часы посещения великой княгиней купальни, с 10 до 12 часов утра, под охрану брался проезд до купальни, а с 5 до 7 часов вечера агенты ожидали ее выхода на прогулку на улицах, прилегающих ко дворцу.

Несмотря на предвзятое отношение к охране, великая княгиня Елизавета Федоровна в итоге осталась довольна тем, как обеспечивала ее безопасность Охранная команда. Она даже пожаловала в награду каждому из четырех агентов по 20 руб.

Таким образом, агенты Охранной команды в начале XX в. играли важную роль в обеспечении безопасности тех представителей Дома Романовых, которые не подлежали охране силами подразделений, находившихся в подчинении дворцового коменданта. Судя по тому, с каким размахом осуществлялась деятельность боевой организации эсеров, выставление постов возле дворцов, охрану трасс проезда и проверку населения местности, прилегавшей к местам жительства охраняемых лиц, нельзя считать излишними мерами предосторожности. Незаметная, но крайне опасная работа агентов не позволила родственникам последнего императора стать очередными жертвами «бомбистов». В свою очередь, для Охранной команды противостояние с террористами стало хорошей школой. В непрерывной борьбе со злоумышленниками создавались и совершенствовались те методы охраны, которые не утратили своей актуальности и в настоящее время.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 111. – Оп. 3. – Д. 8.
2. ГАРФ. – Ф. 111. – Оп. 3. – Д. 53.
3. ГАРФ. – Ф. 111. – Оп. 3. – Д. 65.

Тобольская группа ПСР (дофевральский период)

В статье впервые в отечественной историографии комплексно исследована история Тобольской группы ПСР в дофевральский период. Статья написана на базе архивных и опубликованных источников, научно-исследовательской литературы.

Ключевые слова: Сибирь, Тобольская группа ПСР, Первая российская революция, межреволюционный период, политссылные, эсеры, социал-демократы, листовки, террор, агитация.

**Kuruskanova N.P.,
Russia, Krasnodar**

Tobolsk's group of PSR (pre-february period)

For the first time in Russian historiography, the article comprehensively examines the history of Tobolsk's group of PSR in pre-february period. Article is written on the basis of archival and published sources, research literature.

Keywords: Siberia, Tobolsk's group of PSR, First russian revolution, inter-revolutionary period, political messengers, socialists-revolutionaries, social-democrats, leaflets, terror, agitation.

В предлагаемой статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексно исследовать историю Тобольской группы Партии социалистов-революционеров (ПСР) в дофевральский период. Статья написана на базе архивных и опубликованных источников, научно-исследовательской литературы, материалов из Интернета.

Накануне и в начале Первой российской революции большое влияние на жителей Тобольска, в первую очередь, на молодое поколение оказывали ссыльные народники братья А.С. и П.С. Сухановы, В.Ф. Костюрин и его жена М.Н. Костюрина, ссыльный студент А.С. Флоринский и др. Они имели средства для пропаганды неонароднических идей. Так, А.С. Суханов содержал публичную библиотеку и книжный магазин, а Костюрины имели свою типографию, в которой издавали газету «Сибирский листок» [1, с. 87].

Политссылные народники и эсеры, сосланные из европейской части страны, сыграли инициативную роль в создании Тобольской группы ПСР. Группа оформилась не позднее 7 апреля 1906 г., поскольку первая гектографированная листовка от ее имени № 1 «Чего мы доби-

ваемся» появилась ранее 7 апреля [2, с. 106; 3, с. 86]. Организационно Тобольская группа ПСР относилась к Уральскому Областному союзу ПСР. Судя по жандармским донесениям, Тобольская группа ПСР была создана людьми «весьма осторожными и уже искушенными опытом». В течение второго периода революции ее членами являлись около 15-20 чел. Наряду с политссыльными, в нее входили учащиеся местных средних учебных заведений, служащие, два наборщика местных типографий и др. [2, с. 106; 4, с. 126,243] По имеющимся у автора данным, в группу входили политссыльные П.С. Суханов и А.С. Флоринский, А.В. Скалозубова (жена известного общественного деятеля, депутата II и III Государственной Думы от Тобольской губ., трудовика Н.Л. Скалозубова), адвокат С.Л. Вилькошевский, А. Осипова, печатники Н.Е. Первухин и Ф.А. Семухин, и др.

В период отступления Первой российской революции тобольские эсеры развернули свою деятельность в среде городской демократии, а также среди политссыльных [5, л. 223-223об.]. Поскольку в Тобольской губернии и в самом городе постоянно находился большой контингент политссыльных и заключенных в местной каторжной тюрьме, то, согласно воспоминаниям А.В. Скалозубовой, эсеры организовывали им помощь продуктами, одеждой, явками, фальшивыми документами, прятали их на конспиративных квартирах, способствовали их побегам [6, л. 7,10].

Члены Тобольской организации ПСР поддерживали тесные связи с учащейся молодежью через созданную в феврале 1907 г. политическую фракцию при Союзе учащихся (более 100 чел.). Одну из групп этой фракции составляли сторонники ПСР. Эсеровская часть фракции в Союзе учащихся имела небольшое бюро, а ее представитель входил в состав местного комитета ПСР. На занятиях, проводимых эсеровскими пропагандистами, учащиеся изучали политическую и революционную литературу. Представители Тобольской организации ПСР выступали как на этих занятиях, так и на общих сходках учащихся с политическими докладами, проводили беседы, заслушивали рефераты. Издававшиеся в Тобольской духовной семинарии нелегальные рукописные журналы «Овод» и «На темы жизни» (выпущено 5 номеров) (1906-1907 гг.) познакомили своих читателей с историей ПСР, ее программой и т.д. Так, в № 1 «Овода» была помещена статья «История партии социалистов-революционеров в России». А в № 1 и № 3-4 журнала «На темы жизни» помещено продолжение этой статьи. Примечательно, что в № 3-4 имелся список литературы о ПСР и РСДРП с указанием книг из библиотеки и магазина А.С. Суханова. № 5 этого журнала сообщал, что к семинаристам приходили два лектора-эсера и провели занятие в течение 2 ча-

сов [7, л. 5об.; 8, л. 12-18об.; 9, л. 14-21; 10, л. 14-18]. Кроме того, в семинарии в 1906 г. - весной 1907 г. действовали подпольные кружки, члены которых изучали социалистическую литературу [2, с. 132-133; 10, л. 97об.-98,152,154об.]. По мнению исследователей, эсеровская пропаганда оказала влияние на характер выступлений учащихся местных учебных заведений, происходивших в 1906-1907 гг. [11; 12; 13] Например, 1 мая 1907 г. местные политссыльные и учащиеся, среди которых были и эсеры, участвовали в демонстрации в Тобольске в связи с прибытием парохода с политическими ссыльными [14, с. 134-136; 15, с. 419].

В 1909 г. в Тобольске нелегально работал скрывшийся из Омска эсер Н.Е. Ишмаев. Он, вступив в местную организацию ПСР, стал организатором и руководителем партийных и культурно-просветительских кружков, «преимущественно, среди учащихся и, в частности, слушателей акушерско-фельдшерской школы» [16, с. 259-260].

Со стороны эсеров предпринимались попытки действовать и в среде крестьян. Так, согласно донесению исправника Ишимского уезда губернатору, проживающий в Тобольске ссыльный эсер А.С. Флоринский в начале сентября 1906 г. «разъезжает по волостям уезда и занимается агитацией среди крестьян... В результате тотчас же после его отъезда крестьяне пяти деревень Кротовской волости заявили, что они не желают раскладывать и платить подати до созыва Государственной думы. Крестьяне не допускают и до описи имущества» [2, с. 174; 17, с. 96]. Летом 1910-1911 гг. эсер Н.Е. Ишмаев также вел агитационную работу в деревнях Тобольского, Тарского, Курганского уездов. Вскоре Н.Е. Ишмаев стал членом Уральского Областного комитета ПСР [16, с. 259-260].

Наряду с устной агитацией члены Тобольской группы ПСР развернули и печатную. Используя свой гектограф, они издали с апреля 1906 г. и по 3 июня 1907 г. не менее 5 наименований листовок, которые распространили по городу [3, с. 64; 4, с. 249,256].

Отметим, что в Тобольске на втором этапе революции распространялась эсеровская литература, в том числе листовки местной и Тюменской организаций ПСР [3, с. 65]. Полиция задерживала распространителей этих революционных изданий. Так, в Тобольске на базарной площади 14 апреля 1906 г. арестовали А.В. Глазенапа, распространявшего листовку Тобольской группы ПСР № 3 «Товарищи! Приближается рабочий праздник...» (1906, 14 апр.). Жандармы также подозревали в распространении этой листовки К. Бронникова [18, л. 345-345об.,357; 19, с. 2]. В Тобольске 29 июля 1906 г. арестовали учащегося городского училища Г.В. Святовича, у которого обнаружили несколько изданий, в

том числе эсеровские листовки, книгу «Подпольная Россия» [20, л. 39, 42-42об.].

Рассмотрим содержание листовок, выпущенных эсерами. Так, листовки Тобольской группы ПСР № 1 «Чего мы добиваемся» (1906, ранее 7 апр.) и № 2 «Товарищи! Уже более тысячи лет...» (1906, 7 апр.) призывали граждан вступать в борьбу против капиталистической эксплуатации и самодержавия, за Учредительное собрание [3, л. 64]. В листовке «Товарищи! Уже более тысячи лет...» говорилось: «С каждым годом народ становится все сознательнее. Он понял своих врагов. Товарищи! Теперь нам остается только сбросить оковы, распиленные мучениками за свободу – и неужели замедлим сделать это?! Помните – каждый час, каждая минута стоят нам сотен наших братьев! Тысячи рабочих, крестьян и других борцов за свободу изнывают в холодных и мрачных тюрьмах, простирают к нам руки! Неужели мы замедлим на их спасение! Да и наши муки разве не пора прекратить?! Дружным натиском свергнем то зло, которое столько веков лежало на нашей стране!» [18, л. 328].

Листовка Тобольской группы ПСР № 3 «Товарищи! Приближается рабочий праздник...» (1906, 14 апр.) была выпущена по поводу пролетарского праздника 1 Мая. В ней объяснялось значение этого праздника для трудящихся и заявлялось: «Сотни тысяч убитых, замученных на каторге, в тюрьмах, в ссылке, мучеников за свободу взывают о мщении. Сотни тысяч борцов за свободу подвергаются всевозможным мучениям в правительственных застенках. Миллионы крестьян и рабочих изнывают под гнетом правительства и сатрапов. Наш священный долг отомстить правительству и капиталистам за наших мучеников. Соединенными силами мы свергнем самодержавие и завоюем себе свободу и счастье. “Уже пора-пора народу добывать себе свободу!”. Не станем долго ждать, пойдем на бой! Обстоятельства нам благоприятствуют. И наш праздник пусть станет днем нашей победы, весной новой жизни, счастья человечества» [21, с. 72-73].

О разгоне I Государственной Думы информировала листовка Тобольской группы ПСР «Новое сообщение царского правительства» (1906, 16 июля). Ее авторы призывали граждан продолжать борьбу за созыв Учредительного собрания. Листовка Тобольской группы ПСР «Новая милость царя и его министров» (1907, ранее 3 июня) также призывала к ниспровержению существующего государственного строя, к борьбе за Учредительное собрание [3, с. 64].

В ночь на 8 июня 1907 г. по городу была распространена прокламация Тобольской группы ПСР «Товарищи и граждане! Третьего дня сего июня кровавая камарилья, именующая себя русским прави-

тельством...» (1907, после 3 июня) по поводу разгона правительством II Думы [22, с. 16]. Ее авторы считали, что после разгона Думы «ни одно слово честного человека уже не дойдет до народа, и никто не будет знать ни о каких хищениях народных денег министрами, ни об именах борцов за свободу в тюремных застенках, ни о тысячах крестьян и рабочих, умирающих голодной смертью от монаршей милости». В листовке заявлялось: «Народные представители ничего не дали залитой кровью русской земле и, при существовании министерской опеки, и опеки Государственного совета, не смогли провести ни одного законопроекта, действительно полезного для народа. Не будем, товарищи, жалеть о разгоне Думы, но сплотимся для борьбы за Учредительное собрание, без него не будет ни правды для народа, ни земли, ни воли... Русский народ должен сам добывать себе свободу и землю. До тех пор, пока во главе русского государства стоит царь и назначаемые им министры, не будет ни правды, ни земли, ни воли. Все это даст только Учредительное собрание! Да здравствует борьба за него!» [21, с. 85].

Печатанием этой листовки занимались члены Тобольской группы ПСР Н.Е. Первухин и Ф.А. Семухин (он же Балин). Ее печатание происходило в доме Семухина, в полуразрушенном амбаре, служившем для него спальней. 18-летний Первухин работал наборщиком в Тобольской губернской типографии, а 20-летний Семухин – рабочим типографии местной газеты «Сибирский листок». Первухин по неосторожности рассказал своему коллеге А.П. Матаеву о том, что он целую ночь вместе с Семухиным печатал прокламации. Матаев донес об этом полиции. 25 и 26 июня 1907 г. жандармы произвели обыски на квартирах Первухина и Семухина [23, л. 3-5об., 16об.-18об., 30-31, 49, 58, 63об.-65об., 62об.].

Во время обысков у Первухина нашли чугунную плиту и типографскую верстатку для набора шрифта. У Семухина обнаружили в огороде зарытым в землю печатный станок с неразобраным набором последней прокламации Тобольской группы ПСР «Товарищи и граждане! 3-го сего июня ...». Это был примитивный печатный станок, представлявший собой деревянную склеенную коробку из трех отделений, на шарнирах. Впоследствии, в результате произведенной жандармами экспертизы, было установлено, что на данном станке в период Первой российской революции изготовлялись и другие листовки Тобольской группы ПСР. Вместе с печатным станком полиция изъяла 6 фунтов типографского шрифта, резиновый каток, краску и другие принадлежности для печатания, а также нелегальную литературу (2 гектографированные тетрадки с текстами Программы и Временного организационного устава ПСР), газеты и переписку, в том числе 2 талонные

книжки со 100 отрывными купонами в каждой, с печатью «Тобольской группы ПСР» для сбора денег, записями собранных по ним денег с неизвестных лиц. Примечательно, что у Семухина нашли письмо неизвестного автора, адресованное ему из Тюмени и отправленное 28 февраля 1907 г. В письме имелось обращение к товарищам «о присылке делегата на окружной партийный съезд, созываемый Екатеринбургским Окружным комитетом. В конце письма вместо подписи: “К.Т.О. ПСР” (комитет Тюменской организации ПСР – Н.К.)». Ф.А. Семухин (Балин) и Н.Е. Первухин были приговорены к тюремному заключению на 10 и 8 месяцев соответственно [4, с. 153,162; 24, л. 14,15-15об.,19-19об.,22,33; 25, л. 1-8].

25 июня 1907 г. тобольский губернатор сообщал в Департамент полиции (ДП): «Сегодня после тщательных поисков удалось найти печатный станок, причем был найден неразобранный еще набор последней прокламации, двое арестовано». Далее он писал: «В настоящее время найдена типография социалистов-революционеров и арестовано двое печатников. Теперь остался еще станок социал-демократической группы, которая также иногда выпускает прокламации» [26, с. 163].

Согласно негласному наблюдению полиции, которое велось в июне 1907 г. за канцелярским служащим П.Х. Прибыльским, была установлена связь между ним и печатниками подпольной типографии Тобольской группы ПСР Н.Е. Первухиным и Ф.А. Семухиным [28, л. 11].

Начальник Тобольского Губернского жандармского управления (ГЖУ), обеспокоенный деятельностью эсеров, 3 сентября 1907 г. сообщал в ДП о том, что ему удалось приобрести из среды политссыльных секретного агента. Хотя тот и не принадлежал к группе ПСР, но давал ряд сведений ГЖУ. Однако, судя по этому донесению, все усилия жандармов узнать о местах собраний тобольских эсеров, проникнуть в их организацию в качестве члена «пока остаются тщетными» [24, л. 38-38об.]. У политссыльных, которых подозревали в принадлежности к Тобольской группе ПСР (А. Лубков, Скоробогатов, М. Сирота, С.Я. и А.Я. Блюмы, И. Коганицкий, врач И.И. Зальмуни, Е.Г. Кузьмина), в ноябре 1907 г. были произведены обыски [24, л. 53-53об.].

У эсеров жажду мести вызвали зверства, чинимые начальником Тобольской каторжной тюрьмы № 1 А.Г. Богоявленским над политзаключенными. Созданный при местной группе ПСР боевой отряд (БО) стал готовить на него покушение. Член БО ПСР А.В. Скалозубова предоставила свою квартиру для явок и склада оружия [6, л. 7об.]. 23 июля 1907 г. А.Г. Богоявленский получил письмо с подписью и печатью БО ПСР, в котором эсеры вынесли ему «смертный приговор». Его

текст был таким: «Нами получены сведения, что вы бесчеловечно обращаетесь с нашими товарищами и политическими и уголовными заключенными, за что и объявляем вам смертный приговор, который и не замедлим исполнить» [28, с. 34].

Центральный орган ПСР, газета «Знамя труда» (1907, 30 авг. № 4) поместила на своих страницах заметку «К ужасам в Тобольской тюрьме». В ней говорилось, что в Тобольской каторжной тюрьме № 1 трое политических заключенных по приказу Богоявленского подверглись телесным наказаниям розгами. Во время «возникших по этому поводу в тюрьме “беспорядков” были введены солдаты, при “усмирении” коими из заключенных убит один и тяжело ранено восемь». В заметке сказано: «Ответ на действия тюремной администрации последовал быстро: 26 июля во время проезда по людной улице членом БО местного комитета ПСР был убит начальник каторжной тюрьмы Богоявленский, причем убившим удалось скрыться» [29, с. 65].

Начальник Тобольского ГЖУ 6 октября 1907 г. доносил об этом теракте в ДП: «Убийство является мезьей за насилие над арестантами со стороны политического ссыльного, бывшего в данном случае представителем сплоченности политических ссыльных, имеющих непрерывное сношение и единение с заключенными в тюрьме, несмотря на ряд строжайших мер, принимаемых для уничтожения этого зла» [30, л. 301]. По подозрению в убийстве Богоявленского 26 июля 1907 г. арестовали политссыльного И.Ф. Рогожина. Благодаря адвокату, политссыльному С.С. Анисимову Рогожина по суду оправдали [31; 32, с. 204-205].

На убийство Богоявленского выпуском листовки «Отразив напор революционного движения...» откликнулась Тобольская группа РСДРП (1907, авг.) [33, с. 138].

«Прославился» своими зверствами и убежденный монархист И.С. Могилев, начавший после убийства Богоявленского свою службу начальником Тобольского централа № 1 [26, с. 244-249, 307-310]. Газета «Знамя труда» (1907, 12 сент. № 5) поместила заметку «К драме в Тобольских каторжных тюрьмах», в которой описала жесткий тюремный режим. Политика Могилева «завинчивания гаек» закончилась бунтом заключенных, после которого порке подверглись «бунтовщики» и все подозрительные.

Авторы листовки Тюменской организации ПСР «Тобольские зверства (Письмо из Тобольской каторги)» (1908, 19 янв.) описали эти экзекуции, приводя письма политкаторжан. В послесловии этой листовки сказано: «Зверскими истязаниями политических каторжан начальник Тобольской каторжной тюрьмы № 1 Могилев сам подписал себе смерт-

ный приговор. Да будут же сочтены дни его! А пока мы считаем первым неотложным долгом передать самой широкой огласке подлые издевательства над борцами-товарищами в Тобольской каторжной тюрьме... Пусть же письмо тобольских каторжан облетит всю страну! Пусть свист розг и плетей разбудит обывательскую совесть, убаюканную жалкими “думскими” иллюзиями и придавленную столыпинскими репрессиями» [3, с. 87; 34, с. 178].

В апреле 1908 г. по приговору военного суда 13 из 42 арестантов, участвовавших 8 января в бунте в Тобольской каторжной тюрьме и убийстве старшего надзирателя, были повешены во внутреннем дворе тюремного замка. По воспоминаниям Скалозубовой, Могилев сам помогал их вешать [6, л. 8об.]. Также как и его предшественнику, Могилеву неоднократно присылали различные письма с угрозами и «смертными приговорами». 19 апреля ему пришло очередное письмо от эсеров, извещавшее о том, что 22-го числа над ним будет исполнен «смертный приговор». По воспоминаниям Скалозубовой, Могилев смеялся над объявленным ему эсерами смертным приговором [6, л. 7об., 8об.].

Утром 20 апреля 1909 г., возвращаясь со службы домой, Могилев был убит двумя выстрелами в спину сбежавшим из Березова политссыльным, членом Уральского Областного Летучего отряда ПСР Н.Д. Шишмаревым [32, с. 205-206; 35, с. 266]. В выпущенной по этому поводу листовке Тобольской группы ПСР «20 апреля 1909 года убит в Тобольске...» (1909, не ранее 20 апр.) говорилось о том, что по приговору ПСР Могилев убит «за его возмутительные истязания и издевательства над нашими братьями и товарищами, томящимися в каторге» [3, с. 86; 34, с. 178].

Н.Д. Шишмарева судили и приговорили к повешению, но в тюрьме он успел принять яд, которым запасся заблаговременно и умер до казни [36, с. 255].

Полиция подозревала в причастности к убийству Могилева административно-ссыльную Антонину Пепеляеву. У нее 17 марта 1910 г. произвели обыск, не давший результатов [37, л. 9]. Другая подозреваемая в причастности к этому убийству и самоубийству в тюрьме Шишмарева – его сожительница, эсерка А. Осипова в мае 1910 г. проживала в Томске и находилась под наблюдением полиции [38, л. 231].

У жандармов имелись агентурные сведения о подготовке эсерами ограбления Тобольской духовной консистории в 1910 г. Однако эта экспроприация была предупреждена арестом эсера Павла Костарева («Воробей»). Согласно агентурным данным, на имя ученицы фельдшерских курсов и библиотекаря музея Т.П. Гладышевой из-за границы

в 1910 г. высылались эсеровские газеты «Земля и Воля» и «За народ» в небольшом количестве. Однако эти газеты распространения по Тобольску не имели [37, л. 9].

В последующие годы тобольские эсеры активной деятельности не проявили. В предвоенный период подверглись разгрому большинство революционных организаций в Тобольской губернии. Кроме того, произошло сокращение притока сюда политических ссыльных, усилился полицейский надзор в период Первой мировой войны. Поэтому эсеры свернули свою подпольную деятельность и сосредоточились на работе в легальной печати и потребительских кооперативах [39, с. 16-17].

Интересно провести сравнение организаций ПСР и РСДРП, функционировавших в Тобольске в дофевральский период. Так, численность Тобольской организации РСДРП, возникшей в 1906 г., составляла 45-55 чел. [4, с. 120,242; 39, с. 15; 40, с. 214,499] Наиболее активно Тобольская группа РСДРП действовала в 1906-1907 гг. По данным автора, в 1906 г. ее члены выпустили 1 листовку, а летом 1907 г. – 2 листовки, изготовленные типографским способом [33, с. 96,138].

Примечания

1. *Копылов Д.И.* Из истории общественно-политического движения в учебных заведениях Тобольской губернии в 1905-1907 гг. // Сибирь периода капитализма. Вып. 3: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861-1917 гг.: сб. ст. – Новосибирск: Наука СО, 1967. – С. 84-98.

2. *Курусканова Н.П.* Эсеровские организации в Западной Сибири в период Первой российской революции (1905-1907 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Омск, 1995. – 292 с.

3. *Курусканова Н.П.* Нелегальные издания сибирских эсеров (1901 - февраль 1917 г.): монография. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – 127 с.

4. *Курусканова Н.П.* Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период Первой российской революции (1905-1907 гг.): монография. – Томск: ТГУ, 2007. – 260 с.

5. Государственный архив (ГА) в г. Тобольске. – Ф. 159. – Оп. 1. – Д. 43.

6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-5. – Оп. 2. – Д. 240.

7. ГА в г. Тобольске. – Ф. 530. – Оп. 1. – Д. 20.

8. ГА в г. Тобольске. – Ф. 159. – Оп. 1. – Д. 228.

9. ГА в г. Тобольске. – Ф. 530. – Оп. 1. – Д. 17.

10. ГА в г. Тобольске. – Ф. 530. – Оп. 1. – Д. 18.

11. *Практ Д.В.* Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 133-138.

12. *Никитина М.Н.* Забастовка учащихся Тобольской духовной семинарии 1905–1907 гг. // Актуальные проблемы истории, документоведения и педагогики:

мат-лы науч.-метод. семинара студ., асп. и преп. кафедр истории России, документоведения и всеобщей истории, педагогики и педагогического и социального образования (г. Нижневартовск, 24 декабря 2016 г.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – С. 39-42.

13. *Федотова Д.Ю., Сулимов В.С.* Тобольская мужская гимназия и революционные волнения 1905-1907 годов // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 6. – С. 85-97.

14. Революционное движение в Тобольской губернии (1905-1914 гг.): сб. док. мат-лов. – Тюмень: Кн. изд-во, 1961. – 312 с.

15. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX - начала XX века / сост. Роцевская Л.П., Белобородов В.К. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 432 с.

16. *Штырбул А.А.* Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье. Рождение. Взлет. Падение. Гибель (Первая четверть XX века): монография: в 2 ч. Ч. 2: (1918-1924). – Омск: ОмГПУ, 2021. – 360 с.

17. *Кондриков Б.В., Флеров В.С.* Работа большевиков Тобольской губернии в деревне в 1905-1907 гг. // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. ст. – Вып. VI. – Томск: ТГУ, 1970. – С. 64-106.

18. ГА в г. Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 20. – Д. 496².

19. Родной голос (Тобольск). – 1906. – 19 апр. – № 29.

20. ГА в г. Тобольске. – Ф. 159. – Оп. 1. – Д. 233.

21. *Курусканова Н.П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 - февраль 1917 гг.): учеб. пособие. – Омск: ООИПКРО, 2000. – 110 с.

22. Знамя труда. Изд. ЦК ПСР. – 1907. – 1 авг. – № 3.

23. ГА в г. Тобольске. – Ф. 158. – Оп. 21. – Д. 69.

24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. ДП. ОО. – 1907. – Д. 9. – Ч. 62.

25. ГАРФ. – Ф. 124. – 1907 г. – Оп. 45. – Д. 591.

26. Революционное движение в Тобольской губернии в 1905-1914 гг.: сб. док. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 384 с.

27. ГА в г. Тобольске. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 130.

28. *Десятов С.В.* Политический экстремизм в Тобольской губернии на примере боевой деятельности Партии социалистов-революционеров (1906-1913 гг.) // Омский научный вестник. – 2013. – № 3(119). – С. 33-35.

29. *Курусканова Н.П.* Об отношении эсеров Сибири к вооруженным методам борьбы в период реакции (по материалам нелегальной печати сибирских организаций ПСР) // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: мат-лы Всерос. науч.-метод. конф. 17-18 дек. 1998 г., г. Омск. – Омск: Изд-во ОмИПКРО, 1998. – С. 62-68.

30. ГАРФ. – Ф. ДП. ОО. – 1907 г. – Д. 100. – Т. 3.

31. *Анисимов С.* Из воспоминаний защитника (дело об убийстве начальника Тобольской каторжной тюрьмы Богоявленского) // Былое. – 1917. – № 5-6(27-28). – С. 32-40.

32. *Михеев А.П.* Демоны революции: из истории революционного экстремизма в Западной Сибири // Известия Омского гос. ист.-краев. музея. (Омск). 1996. – № 5. – С. 198-208.

33. *Курусканова Н.П.* Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901- февраль 1917 гг.): монография. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. – 188 с.
34. *Курусканова Н.П.* Пенитенциарная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия “Политология. Религиоведение”. – 2012. – № 1(8). – С. 174-182.
35. *Пырьх В.О.* Отечественная историография о причинах “тюремного террора” в тобольских каторжных тюрьмах в начале XX века // Тобольск научный – 2016: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. уч.) (Тобольск, 10-11 ноября 2016 г.). – Тобольск: Тобол. компл. науч. ст. Урал. отд. РАН, 2016. – С. 265-268.
36. *Панишев Е.А.* Преступность в Тобольске в 1861-1913 гг. // Тобольск научный – 2016: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. уч.) (Тобольск, 10-11 ноября 2016 г.). – Тобольск: Тобол. компл. науч. ст. Урал. отд. РАН, 2016. – С. 253-256.
37. ГАРФ. – Ф. ДП. ОО. – 1910 г. – Д. 20. – Ч. 56. – Лит. А.
38. Исторический архив Омской области (ИсА ОО). – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 420.
39. *Волков А.Э.* Тобольская губерния в период третьейюньской монархии: 1907-июль 1914 гг.: автореф. дис. ...к.и.н.: 07.00.02. – Тюмень, 2007. – 23 с.
40. *Курусканова Н.П.* Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. - февраль 1917 г.): монография. – Краснодар: Изд-во Краснодар. ЦНТИ, 2012. – 515 с.

УДК 94(47)/364.3

КАПУСТИНА О.В.,
Россия, г. Гусь-Хрустальный

Натурализация социального обеспечения в РСФСР в начале 1920-х гг.

В статье рассмотрены причины ввода натурализации социального обеспечения в РСФСР в начале 1920-х гг., проанализированы основные нормативные акты, регламентировавшие ее применение.

Ключевые слова: РСФСР, 1920-е гг., Народный Комиссариат Социального Обеспечения, пенсия, пособие, натурализация, имущество, разруха, инфляция.

**Kapustina O.V.,
Russia, Gus-Khrustalny**

Naturalization of social security in RSFSR in the early 1920s.

Article discusses the reasons for the introduction of naturalization of social security in RSFSR in the early 1920s, analyzes the main regulations governing its application.

Keywords: RSFSR, 1920s, People's Commissariat of Social Security, pension, allowance, naturalization, property, devastation, inflation.

1921 год в истории советского социального обеспечения стал одним из самых сложных, так как в условиях послевоенной разрухи и безудержной инфляции Народный Комиссариат Социального Обеспечения (НКСО, Наркомсобес) РСФСР не мог выполнять свои обязательства перед нетрудоспособными гражданами в полном объеме. Нарком НКСО РСФСР А.Н. Винокуров в докладной записке 25 марта 1921 г., направленной в Президиум ВЦИК, констатировал «глубокий кризис Наркомсобеса». По мнению наркома, кризис сказывался «в недостаточном снабжении Собеса денежными знаками, и предметами потребления. ...Дензнаки Наркомсобеса идут на пособие семьям красноармейцев, на пособие рабочим во время болезни, на пенсии инвалидам-красноармейцам и рабочим. Недостаток в них ведет к хронической задержке в выдаче пособий и пенсий, что вызывает волнение среди красноармейцев и оставляет рабочего во время болезни без средств к существованию. ...В результате инвалиды в Инвалидных домах ходят полураздетыми, нет никакой возможности одеть и обуть инвалидов, живущих на частных квартирах, тысячи пострадавших от белогвардейских восстаний, погромов, пожаров и пр., остаются неудовлетворенными» [1, л. 7-7об.].

Проанализировав сложившуюся ситуацию, Совет Народных Комиссаров (СНК, Совнарком) РСФСР поднял вопрос о ликвидации Наркомсобеса. Согласно воспоминаниям М.И. Калинина, в 1921 г. «Совнарком в отсутствие Ленина решил закрыть Комиссариат социального обеспечения, – дескать, все равно, не говоря уже о настоящей, но и мало-мальскую помощь мы не можем проводить, так не лучше ли его совершенно закрыть, чтобы не производить лишние расходы на холостой аппарат. По протесту Ленина вопрос был перенесен в Политбюро, после чего Совнарком пересмотрел свое решение» [2, с. 14].

Наркомат сохранили, однако проблема поиска дополнительных источников финансирования и снабжения органов социального обеспечения осталась. С целью решения данного вопроса Декретом СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г. было возвращено социальное страхование [3]. Страховые взносы уплачивались администрацией или владельцами предприятий и учреждений без права обложения страхуемых. Еще одной, даже более ранней, мерой по поддержанию государственных социальных обязательств перед получателями пенсий и пособий, в отсутствии необходимого денежного обеспечения, стал ввод натурализации

данных выплат. Иначе говоря, замена денежных средств предоставлением продуктов питания, одежды, обуви, дров и т.п.

Необходимо отметить следующие нормативные акты советской власти. Так, Декретом СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. для нетрудоспособных лиц, имевших крупные заслуги по революционной деятельности или особо выдающиеся заслуги в области науки, искусства, литературы и техники, были введены усиленные пенсии, которые выплачивались с частичной или полной натурализацией [4]. Например, К.М. Салтыкову, сыну писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, назначили усиленную пенсию «в размере средней тарифной нового тарифа от 1.12.21 с натурализацией» [5, л. 28]. Кроме того, пенсия с частичной или полной ее натурализацией, в соответствии с Декретом СНК РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов» [6] от 8 декабря 1921 г., устанавливалась инвалидам первой группы, не имевших доходного хозяйства или промысла. При этом подчеркивалось, что натурализация пенсии производилась в зависимости от наличия ресурсов в отделах социального обеспечения. Кроме возмещения пенсионных сумм, натурализация использовалась при выдаче социальных пособий и заработной платы рабочим.

С целью организации легитимного распределения материальных ресурсов, в соответствии с частью «б» Декрета Совнаркома от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев», в РСФСР был создан натуральный фонд социального обеспечения. В него зачислялись «конфискуемые по суду и в административном порядке предметы питания, первой необходимости и сельского хозяйства, а равно бесхозяйное имущество» [7]. Этот же декрет обязывал Народный Комиссариат Продовольствия установить, по соглашению с Наркомсобесом, определенное процентное отчисление из натурального налога во вновь созданный натуральный фонд социального обеспечения.

Формирование натурального фонда социального обеспечения осуществлялось на основании изданной в июле 1921 г. инструкции «О порядке зачисления в натуральный фонд социального обеспечения конфискованного по суду и в административном порядке, а равно бесхозяйного и выморочного имущества» [8]. Согласно названной инструкции, все центральные и местные советские органы и учреждения, в том числе военные, милиция, суды, Чрезвычайная Комиссия, продовольственные органы, заградительные посты, земельные органы и прочие, у которых могло оказаться подлежащее зачислению в натуральный фонд социального обеспечения имущество, были обязаны немедленно сообщать соответствующему губернскому или уездному отделу соци-

ального обеспечения точный перечень предметов, с указанием их количества для взятия на учет. Должностные лица, уклонявшиеся от учета и расходующие указанные предметы без разрешения соответствующих органов социального обеспечения и не на нужды социального обеспечения, подлежали ответственности как за растрату народного достояния. Например, не допускалась раздача Наркоматом внешней торговли конфиската своим сотрудникам [9, л. 16].

На местах все, принадлежавшее натуральному фонду имущество, должно было находиться на складах Губернских Союзов или Районных Союзов Потребительских Обществ. Передача и прием продуктов и вещей производились комиссиями в составе представителей: сдающего имущество учреждения, органов социального обеспечения, Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и заведующего складом, в который это имущество передавалось. Органы социального обеспечения имели право производить через своих уполномоченных лиц, в присутствии представителя РКИ, обследование всех складов, книг и иных записей всех учреждений, предприятий и хозяйств на предмет установления наличия у них предметов, подлежащих передаче нуждающимся в виде натурализованных пенсий и пособий. В случае обнаружения их сокрытия от учета или их расходования без разрешений органов собесов, виновные привлекались к судебной ответственности.

Вместе с тем, не всегда передача не имевшего хозяина имущества в натуральный фонд происходила беспрепятственно. Так, в октябре 1921 г. Самарский губсособес сообщал в НКСО РСФСР следующее: «В свое время милиция обнаружила бесхозяйственное имущество, ранее принадлежавшее некоему гражданину Г., каковое имущество и было сдано без всяких мотивов и условий в Губсособес. Имущество было Губсособезом обезличено и на обычном основании роздано под видом пособий нуждающимся гражданам. Впоследствии явился владелец имущества и требовал от Губсособеса возврата вещей, а так как Губсособес вещей не возвратил, то гражд. Г. вчинил к Губсособесу через местный Народный суд 2 участка гражданский иск на 3.340.000 руб. (сумма в значениях до денежной реформы 1924 г. – О.К.), каковая сумма и была присуждена с Губсособеза в пользу Г. После этого Губсособез, не соглашаясь с решением местного Народного суда, подал кассационную жалобу в Совет местных Народных Судей г. Самары, однако этот последний в жалобе Губсособеза отказал и утвердил решение Местного народного суда» [9, л. 2].

В ноябре 1921 г., в связи с окончанием Гражданской войны и переходом на мирное строительство, а также в ознаменование 4-й годовщины власти трудящихся была проведена амнистия в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы и содержанию под стражей, в

тюрьме и в лагерях принудительных работ [10]. Однако амнистия не распространилась на имущественные взыскания, наложенные в виде наказания, и по решениям судов поступавшие в натуральный фонд социального обеспечения. Тем не менее, в НКСО РСФСР из разных мест стали поступать запросы о правилах возврата амнистированным дезертирам ранее конфискованного имущества. По этому поводу заведующим юридическим п/отделом НКСО в управление делами Наркомата было направлено следующее разъяснение: «По содержанию отношения Рязанского Губсобеса № 475 от 2 Ноября 1921 об инструктировании по вопросу о возврате конфискованного за дезертирство имущества полагаю, что инструкция не может быть издана Наркомсобезом, так как ему не предоставлено устанавливать право возврата указанного имущества ...амнистия, освобождающая дезертиров гражданской войны от личного наказания /п. 4 лит. г./ не распространяется на имущественные взыскания, наложенные в виде наказания /пункт 5 лит. г./» [9, л. 11].

Отметим, что именно в 1921 г. декретами о замене продрозверстки продналогом [11], об электрификации [12], о денежных знаках образца 1922 г. [13] и т.д. в РСФСР были заложены основы экономического развития страны, в дальнейшем позволившие преодолеть народно- хозяйственный кризис и отказаться от натурализации. Как справедливо подчеркивает О.Ю. Павловская, «натурализация социального обеспечения, карточная система распределения продуктов питания предопределили во многом отсутствие стимулов к труду рабочих» [14, с. 38].

Таким образом, в отличие от социального страхования, отвечающего за финансирование системы социального обеспечения на стратегическом уровне, натурализация собеса в РСФСР в начале 1920-х гг. стала вынужденной краткосрочной мерой, применявшейся для решения его тактических задач.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А413. – Оп. 2. – Д. 796.
2. *Калинин М.И.* К сессии ВЦИК // Социальное обеспечение. – 1958. – № 10. – С. 13-14.
3. О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом: Декрет СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г. // Собрание узаконений (СУ) РСФСР. – 1921. – № 76. – Ст. 627.
4. Об усиленных пенсиях: Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 80. – Ст. 697.
5. ГАРФ. – Ф. А539. – Оп. 3. – Д. 2352.
6. О социальном обеспечении инвалидов: Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 79. – Ст. 672.

7. Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев: Декрет СНК РСФСР от 14 мая 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 48. – Ст. 236.

8. О порядке зачисления в натуральный фонд социального обеспечения конфискованного по суду и в административном порядке, а равно бесхозяйного и выморочного имущества (Инструкция): Декрет СНК РСФСР от 11 июля 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 53. – Ст. 320.

9. ГАРФ. – Ф. А413. – Оп. 2. – Д. 795.

10. Об амнистии: Декрет ВЦИК от 4 ноября 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 75. – Ст. 614.

11. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 26. – Ст. 147.

12. Об электрификации: Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1921. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1279.htm.

13. О денежных знаках образца 1922 года: Декрет СНК РСФСР от 3 ноября 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 77. – Ст. 643.

14. Павловская О.Ю. К вопросу о правовых основах деятельности органов социального обеспечения в СССР // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 7. – С. 36-50.

УДК 94(47):329.14

ШТЫРБУЛ А.А.,
Россия, Омск

Левозэсеровское движение в Советской России – СССР в период НЭПа: последние очаги

Статья посвящена изучению политической деятельности остатков Партии левых эсеров (социалистов-революционеров) и Союза эсеров-максималистов в разных регионах Советской России – СССР в крайне неблагоприятных условиях их политического угасания в годы НЭПа. В статье показано, что история левого неонародничества в Советской России – СССР была несколько длиннее, чем традиционно считалось в советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: Советская Россия, 1920-е гг., левое неонародничество, левые эсеры (социалисты-революционеры), эсеры-максималисты, политическая оппозиция, политическое сопротивление.

Shtyrbul A.A.,
Russia, Omsk

Left-eserian movement in Soviet Russia – Soviet Union in period of New Economic Policy: the last centres

Article is devoted to the study of political activity of the remnants of Party of left esers (socialists-revolutionists) and Union of esers-maximalists in the different regions of Soviet Russia – Soviet Union in the extremely unfavourable conditions these political fading in the years of the New Economic Policy. Article shows, that history of Left neo-narodnichestvo in Soviet Russia – Soviet Union was slightly is more long, than that was considered in soviet and in post-soviet historiography.

Keywords: Soviet Russia, 1920s., left neo-narodnichestvo, left esers (socialists-revolutionists), esers-maximalists, political opposition, political resistance.

Вопрос о политической деятельности остатков Партии левых эсеров (ПЛСР) и Союза эсеров-максималистов (ССРМ) в разных концах Советской России – СССР в крайне неблагоприятных условиях её политического угасания в 1920-е гг. до сих пор остается недостаточно исследованным. Следует отметить, что к настоящему времени угасание, например, собственно Партии эсеров (ПЭСР) исследовано заметно лучше, чем угасание ПЛСР и СССРМ.

В советской историографии история ПЛСР, как правило, заканчивалась почти сразу после июльских событий 1918 г. или, в лучшем случае, доводилась до конца данного года. Вопрос о дальнейшем существовании партии одними из первых в отечественной историографии поставили А.И. Разгон и Л.М. Овруцкий, доведя историю ПЛСР до 1920 г. [1, с. 74] В сводной таблице энциклопедического тома «Политические партии России», изданного в 1996 г., конечной датой существования партии значится начало 1920-х гг. [2, с. 734]. Там же конечной датой существования СССРМ значится 1922 г. [2, с. 738] Даже в таких новаторских работах, как монографии А.Л. Литвина и Л.М. Овруцкого [3], а также Я.В. Леонтьева [4] события истории ПЛСР в период 1920-х гг. так и не получили необходимого отражения.

В предлагаемой статье приводятся некоторые факты из истории деятельности ряда провинциальных и центральных (Москва, Петроград-Ленинград) партийных организаций ПЛСР и других группировок левого неонародничества, свидетельствующие о существовании левонароднического движения в Советской России – СССР на протяжении почти всех 20-х гг. XX в., по крайней мере, до свёртывания и прекращения НЭПа (1928-1929 гг.).

В 1919-1920 гг. те из левых эсеров и эсеров-максималистов, кто пожелал вступить в РКП(б), были с готовностью в неё приняты. Но оставались и те, кто продолжал вести политическую работу и борьбу в русле программных партийных установок. По тактике они разделились, в основном, на два течения: лояльные (легалисты) и нелояльные (нелегалы, подпольщики) к сложившемуся к этому времени политическому режиму. При этом и те, и другие, в разных вариациях и размерах, деклари-

ровали свою приверженность к Советской власти и, одновременно, неприятие Советской власти в том виде, в каком она сложилась к этому времени, а также, в той или иной мере, враждебность к коммунистам. Периодом последней заметной активизации левонароднических элементов и групп в Советской России, в том числе и на её периферии, стал 1922 г., особенно первая его половина (во второй половине этого года обстановка в отношении политической оппозиции стало заметно меняться к худшему).

Одним из важнейших показателей любой партии является её организационная территориальная разветвленность, особенно, если данная партия действует в большой по территории стране. Регионами и пунктами более-менее заметной деятельности в 1922 г. левых эсеров и эсеров-максималистов (а с сентября – их совместного Объединения левых эсеров и эсеров-максималистов или Объединения левого народничества) стали: Москва, Петроград, Урал (Ижевск, Уфа, Челябинск), Сибирь (Омск, Калачинск, Красноярск, Канск), Северный Кавказ (Краснодар, станица Лабинская, Новороссийск, Сочи, Туапсе, Ставропольская губерния, Терская область), Таганрог, Ростов, Новгородская губерния, Тверская губерния, Вятка, Нижний Новгород, Курск, Витебск, Украина (Полтава, Харьков), а также, особо, Дальневосточная республика (ДВР) с её уникальными социально-политическими условиями [5].

Однако во второй половине 1922 г. - начале 1923 г. большинство этих организаций и групп было разгромлено, причем репрессии коснулись не только «подпольщиков», но и «легалистов», сравнительно лояльно относившихся к Советской власти и даже к РКП(б).

С 1 июня 1922 г. вступил в действие УК РСФСР, в котором появилась статья «Контрреволюционная деятельность», в том числе пункт «Анτισоветская агитация и пропаганда». Теперь даже любое высказанное вслух недовольство существующей экономической и политической ситуацией, в том числе случайно оброненное «в сердцах», могло быть расценено как государственное преступление со всеми вытекающими последствиями. В июне 1927 г. по новой редакции эта статья получила зловещий номер «58». Тем более, под эту статью подпадала любая оппозиционная партийно-политическая деятельность.

Тем не менее, в 1923 г. организационно-политическая деятельность организаций левого неонародничества ещё теплилась и фиксировалась в Москве, Петрограде, Саратовской губернии, Крыму, Новгородской и Калужской губерниях, Донской области, на Дальнем Востоке (в Амурской области, Нерчинске и Владивостоке), в Красноярске, Прибайкалье, а также (на грани исчезновения) в Самарской, Полтавской и Николаевской губерниях [5].

Если в 1922-1923 гг. в партийных политических отчетах в графе «Деятельность других политических партий» все еще изредка можно встретить упоминания об эсеровских, левоэсеровских, меньшевистских и анархистских группах или «элементах», то к середине 1920-х гг. почти стандартным становится штамп «Не наблюдается», а затем исчезает и сама эта графа – за ненадобностью. Теперь следить за малейшим проявлением (уже даже только «шевелением») оппозиционной активности становится делом ГПУ. Вообще, после 1923 г. какая-либо информация об организованной политической деятельности оппозиционных партий в Советской России – большая редкость. И всё же отдельные оппозиционные проявления партийно-политической активности середины 1920-х гг. нет-нет, да и мелькали в документах и материалах архивов. Тем интереснее и дороже эти факты: ведь заниматься политической деятельностью в это время стало невероятно, а порой и смертельно опасно.

Интересующие нас левые неонародники, по данным ГПУ, в 1924-1925 гг. проявляли себя в Москве, Ленинграде, Новгороде, Орле, Туле, Ижевске, Киеве, Харькове, Одессе Минске, Казани, Нижнем Новгороде, Ростове, Калуге, Курске, Саратове, Воронеже, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Ярославле, Твери, но работа их постепенно слабела [5].

В 1926 г. деятельность левых неонародников, в основном, левых эсеров, фиксировалась в Москве и Киеве. В 1927 г. заметной активности как в СССР, так и за границей левые эсеры и эсеры-максималисты уже не проявляли [5].

Проиллюстрируем работу и угасание левонароднического движения на материале трех отдельных, разнообразных по географическим, историческим и, отчасти, политическим условиям регионов России: Кубани, Сибири и Дальнем Востоке.

В обзоре ГПУ за май-июнь 1922 г. говорилось, что периферийные организации левых эсеров «почти повсеместно совершенно безвредны», и что «только на Кубани да кое-где в Сибири об организациях левых эсеров можно говорить как о фактах, хотя бы минимально воздействующих на общую жизнь, на общее политсостояние данных районов». При этом оговаривалось, что сибирские организации левых эсеров (речь шла, в основном, об Омской и, почему-то, о Челябинской на Южном Урале) гораздо менее активны, нежели организации на Кубани (6, л. 68). Дальневосточные политические силы в сферу наблюдения ГПУ весной-летом 1922 г. непосредственно пока не входили, так как ещё существовала ДВР.

Значительная, хотя и недолгая активизация левых эсеров произошла на Кубани весной-летом 1922 г. За это время организация успела установить связь с левоэсеровскими силами в Новороссийске, Сочи,

Туапсе, Ростове и Москве. В самом Краснодаре левые эсеры почувствовали себя настолько окрепшими, что попытались вести почти открытую антисоветскую работу, в частности, путем проникновения в Областной продовольственный комитет, где попытались сорвать текущую налоговую кампанию. Летом 1922 г. активная деятельность левых эсеров на Кубани продолжалась, при этом наиболее заметными являлась головная организация в Краснодаре, а также имелась группа в станции Лабинской, в которую входило 5 чел. Осенью 1922 г. работа левых эсеров на Кубани, из-за усиления репрессий, пошла на спад и в конце года их организованно-политическая деятельность здесь прекратилась [5; 6, л. 68].

В Сибири в 1922 г. левоэсеровская группа действовала Омске [6, л. 68; 7, л. 15об.-16] и в 1923 г. в Красноярске [8, л. 135] (во втором случае речь, вероятно, уже шла об объединенной группе левых эсеров и максималистов). В период с конца 1920 г. по начало 1922 г. в Сибири находился член ЦК ПЛСР С.Ф. Рыбин-Луговской, принадлежавший к легалистскому, лояльному в отношении Советской власти крылу ПЛСР [9, с. 6-9,273,276].

Весной 1922 г. в одном из уездных центров Омской губернии – Калачинске – отколовшаяся от Омской организации ПСР группа эсеров (судя по всему, левых – А.Ш.) «созвала беспартийную конференцию, носившую бурный характер и отпечаток эсеровщины, причём ее лозунги были: снятие продналога, установление такового самими плательщиками. Все ораторы выступали с критикой Соввласти, отмечая, что население недовольно тактикой коммунистов и Соввластью. Из среды райотделения [кооперации] видный [левый] эсер *Луговской* [курсив источника – А.Ш.] скрылся от привлечения его к уголовной ответственности за бесхозяйственность и злостные [должностные? – А.Ш.] преступления» [10, л. 71об.].

К лету 1922 г. «омские левые эсеры, оставшиеся на позициях ЦК ПЛСР, ушли, как и правые эсеры, в подполье и активной работы не вели». [10, л. 15об.-16]. Любопытно, что в 1923 г., когда лидер Партии левых эсеров М.А. Спиридонова отбывала очередной срок (ссылку), а омские чекисты вылавливали уже последних местных её сторонников, одна из улиц Омска (бывшая и нынешняя Степная) всё ещё продолжала официально носить её имя [11].

В Енисейской губернии в период революции и Гражданской войны деятельность левых эсеров была довольно заметной, но многие из тех, кто остался в живых, в 1919-1921 гг. вступили в РКП(б). В феврале 1922 г., по данным ГПУ губернии, здесь из оставшихся верными ПЛСР проживал 41 левый эсер (не считая максималистов), в том числе 27 активных (из них

26 влиятельных). На 1 апреля 1922 г. левых эсеров насчитывалось 40, в том числе активных уже только 16. Остальные: 1 малоактивный, 13 неактивных и 10 вообще политически себя не проявляли [12, с. 335, 336]. В это же самое время в губернии имелось 16 влиятельных и активных эсеров-максималистов (февраль 1922 г.), а на 1 апреля 1922 г. – 15 политически активных [12, с. 335,336]. Основными местами политической активности левых эсеров и эсеров максималистов Енисейской губернии стали Красноярск и Канск с его уездом.

Осенью - зимой 1923 г. в Красноярске действовала небольшая группа левых эсеров (11 чел.), высланных сюда из центральных губерний России, главным образом, из Петрограда (возможно, речь шла об объединенной группе левых эсеров и эсеров максималистов). Они, совместно с некоторыми правыми эсерами, попытались противодействовать так называемому «ликвидационному движению» эсеров в губернии, причём партийно-советским властям не удалось во время кампании за самороспуск ПСР нейтрализовать эту левоэсеровскую группу [8, с. 135].

Заметны и относительно сильны были позиции левых неонародников, особенно эсеров-максималистов на Дальнем Востоке. В ДВР (1920-1922 гг.) и далее, уже в условиях Советской России, где они совместно с анархистами выступали сначала в качестве левой (а точнее, левацкой) оппозиции демократическому буферу и требовали, не считаясь с неблагоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, немедленного восстановления Советской власти [13]. Особенно выделялись по своей активности эсеры-максималисты Благовещенска и Читы.

В декабре 1921 г., во время неудач войск ДВР на фронте, в Благовещенске образовался «Амурский революционный штаб партизанских отрядов» (Ревштаб), почти полностью состоявший из анархистов и эсеров-максималистов, но его поддержали и отдельные коммунисты. Ревштаб, возглавляемый ветераном партизанского движения, беспартийным С.С. Шиловым, выпустил декларацию, в которой обвинил коммунистическое руководство Дальнего Востока и правительство ДВР в поражениях на фронте, призвал население и партизан к невыполнению приказов командования Народно-революционной армии (НРА). Декларация и приказы Ревштаба пестрели лозунгами: «Земля и воля, народное представительство», «За Советскую власть, а не за правительство ДВР», «Долой буфер», «Защищайте свои дома, идите в партизаны, а не в НРА». Данный конфликт, не без труда, удалось преодолеть. Военным командованием ДВР штаб был упразднен, а подчиненные ему партизанские отряды начали расформировываться, а пригодные элементы – вливаться в регулярные части ДРА [13, с. 82-83].

В июне 1922 г., несмотря на отрицательное отношение к государственности ДВР, местные эсеры-максималисты сумели провести в Народное собрание ДВР второго созыва одного своего депутата (общее число депутатов собрания составляло 124 чел.) [14, с. 250]. Осенью 1922 г., во время образования «Объединения левых эсеров и эсеров-максималистов», дальневосточные максималисты настояли на том, что региональный Дальневосточный отдел этого Объединения будет именоваться несколько по-особому – «Объединение эсеров-максималистов и левых эсеров» [15, с. 377].

В 1922 г. в Чите активно работало издательство «Левое народничество» под руководством эсеров-максималистов, а затем «Объединения эсеров-максималистов и левых эсеров», которое было связано с центральным левонародническим издательством в Москве «Наш путь». Оно успело выпустить немало книг, брошюр и другой печатной продукции. Лозунг издательства: «В союзе молота, плуга и мысли – сила и право!».

В октябре 1922 г. завершилось освобождение Дальнего Востока (кроме Сахалина) от белых и интервентов-японцев, после чего в декабре 1922 г. последовало вхождение территории упраздненной ДВР в состав РСФСР, и началась советизация края. В конце 1922 г. и в 1923 г. против этой советизации выступили не только эсеры линии ЦК ПСР и меньшевики (чья позиция вполне понятна), но и анархисты, и эсеры-максималисты, в течение более двух лет до этого критиковавшие руководство ДВР за временное упразднение Советов. Теперь их не устраивало то, что Советская власть вводилась по образцу РСФСР и являлась, как они считали, формой диктатуры РКП(б). Так, в 1923 г. в Благовещенске местными чекистами была пресечена деятельность эсеров разного толка и анархистов, пытавшихся сорвать выборы в Советы (арестованных отправили в тюрьму г. Читы, где велось следствие) [16, с. 301-302]. Однако оставшиеся на свободе левонародники пытались и далее вести политическую работу. Так, в биографическом справочнике Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев за 1929 г. сообщалось, что лидер дальневосточных эсеров-максималистов Иосиф Иванович Жуковский-Жук «исключён из О[бщест]ва, как осуждённый органами сов[етской] власти» [17, с. 189].

С принятием в 1922 г. нового уголовного кодекса и решительным наступлением Советской власти на политическую оппозицию, Сибирь вновь стала превращаться в место политической ссылки. Советская пенитенциарная система активно использовала дореволюционный опыт. Так, в Тобольском округе местами расселения, по-прежнему, являлись были населенные пункты: Березов, Демьянское, Кондинское, Мужи, Обдорск, Самарово, Сургут, Уват и др. К концу 1920-х гг. здесь сложи-

лась четкая система мест изоляции, с учетом категории преступников. Политические преступники, как и при царизме, отправлялись к месту ссылки по этапу вместе с уголовниками [18, с. 88].

В Обращении зарубежных делегаций РСДРП, Бунда, ПСР, ПЛСР и ССРМ к социалистическим партиям и рабочим организациям мира (март 1924 г.) с горечью говорилось о том, что своих политических противников, революционеров, социалистов, коммунистическая власть ссылает в отдаленные места, в том числе в Нарымский и Туруханский края [15, с. 402].

Деятельность левого неонародничества в 1920-е гг. нуждается в дальнейшей детальной научной разработке, а данная статья призвана лишь заострить внимание исследователей к указанной теме.

Примечания

1. Разгон А., Овруцкий Л. “В борьбе обрешь ты право своё!”: Судьба самой многочисленной партии России. Статья вторая: Левые эсеры // Наука и жизнь (Москва). – 1991. – № 4. – С. 66-74.

2. Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 872 с.

3. Литвин А.Л., Овруцкий Л.М. Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). – Казань: Изд-во КазГУ, 1992. – 144 с.

4. Леонтьев Я.В. “Скифы” русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 328 с.

5. Эсеры. – И[сторические] М[атериалы]. Левые эсеры и эсеры-максималисты. (16). URL: <https://istmat.org/node/11672> (дата обращения: 15.03.2023).

6. Исторический архив Омской области (ИАОО) – Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАОО). – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 439.

7. ИАОО-ЦДННАОО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 132.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 11. – Д. 82.

9. Хочу жить... Из дневника школьницы. 1932-1937. По материалам следственного дела семьи Луговских. – М.: Формика-С, 2003. – 288 с.

10. ИАОО-ЦДННАОО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 129.

11. План города Омска. [Карта]. 1923. (Хранится в ИАОО).

12. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917-1923 гг.). – Новосибирск: Наука, 2002. – 398 с.

13. Штырбул А.А. Советы или “буфер”? Левая оппозиция в Дальневосточной республике (1920-1922 гг.) // Клио (СПб.). – 2022. – № 7. – С. 77-85.

14. Кокоулин В.Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.). – Новосибирск: НГУ, 2002. – 292 с.

15. Союз эсеров-максималистов. 1906-1924. Документы, публицистика. – М.: РОССПЭН, 2002. – 423 с.

16. *Пантюхов М.* Красная линия. [Воспоминания]. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1973. – 318 с.

17. Политическая каторга и ссылка: биограф. спр. чл. Об-ва политкат. и сс.-посел. – М.: Изд-во Всесоюз. Об-ва политкат. и сс.-посел., 1929. – 686 с.

18. *Загороднюк Н.И., Прибыльский Ю.П.* Политические заключённые и ссыльные в Тобольске (1920-е – 1930-е гг.) // Политические партии, организации, движения в период кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего столетия: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Омск, 28-29 сент. 2000 г.): в 2 ч. Ч. 2. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 85-92.

УДК 94(47).084

ГОРШЕНИН А.В.,
Россия, г. Самара

Опыт советского микробиолога З.В. Ермольевой в переводе научной монографии конца 1920-х гг. по химии иммунитета

Статья посвящена анализу деятельности известного советского микробиолога З.В. Ермольевой по переводу монографии американского иммунолога Х.Г. Уэллса, посвящённой химическим аспектам иммунитета. Монография переведена учёной с английского языка на русский.

Ключевые слова. Зинаида Ермольева, Х.Г. Уэллс, история науки и техники, научный перевод, иммунитет, иммунология, микробиология, монография.

Gorshenin A.V.,
Russia, Samara

Experience of soviet microbiologist Z.V. Ermolyeva in translation of a scientific monograph of the late 1920s on the chemistry of immunity

Article is devoted to the analysis of the activities of the famous soviet microbiologist Z.V. Ermolyev on translation of monograph of american immunologist H.G. Wells, devoted to the chemical aspects of immunity. The monograph was translated by scientist from English into Russian.

Keywords: Zinaida Ermolyeva, H.G. Wells, history of science and technology, scientific translation, immunity, immunology, microbiology, monograph.

Академик АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор Зинаида Виссарионовна Ермольева (1898-1974) – известный советский микробиолог, эпидемиолог и бактериохимик. Более всего она известна как организатор получения первого советского пенициллина в годы Великой Отечественной войны. Однако деятельность именитой учёной не ограничивалась антибиотиками, а была куда более многогранной. Проведённый краткий историографический анализ показал слабую изучен-

ность начального этапа изысканий З.В. Ермольевой [1]. Данной публикацией хотелось бы осветить одну из граней научной деятельности учёной, связанной с переводом научной монографии американского иммунолога Х.Г. Уэллса.

После окончания медицинского факультета Донского государственного университета З.В. Ермольева несколько лет в начале 1920-х гг. трудилась на кафедре микробиологии родного вуза, а также в бактериологическом институте Ростова-на-Дону. В 1925 г. молодая исследовательница переехала в Москву, где возглавила отдел биохимии микробов в Биохимическом НИИ им. А.Н. Баха Наркомата здравоохранения РСФСР [2, л. 2].

Именно в этот период З.В. Ермольевой осуществлён перевод на русский язык книги «Химия иммунитета» американского учёного-иммунолога Х.Г. Уэллса. Харри Гидеон Уэллс (Harry Gideon Wells) (1873-1943) в тот период – известный врач и учёный, профессор и заведующий кафедрой патологии Чикагского университета, президент Американской ассоциации иммунологов, один из авторитетнейших специалистов по химическим аспектам патологии и иммунологии [3, с. 247].

Необходимо отметить, что иммунология как научная отрасль к тому времени являлась ещё сравнительно молодой. Только в 1880-е гг. российский биолог И.И. Мечников сформулировал фагоцитарную теорию иммунитета, ставшую научным обоснованием нового научного направления. Поэтому за 30-40 лет, прошедших с того времени, вышло не так много работ, посвящённых изучению иммунитета. Монография Х.Г. Уэллса стала первой попыткой объяснить явление иммунитета с точки зрения химии и в то же время рассмотреть иммунологию как ответвление химии. Данная работа американского автора охватывала все основные отделы учения об иммунитете и анафилаксии. В предисловии к своей книге он отмечал, что ориентирует свое издание на химиков, врачей и иммунологов [4, с. 12-13].

Исследование Х.Г. Уэллса прекрасно структурировано и включает в себя 11 глав. В вводной части он иллюстрирует реакции иммунитета с химической точки зрения, а также объясняет принятые в иммунологии термины. Наиболее подробно и обстоятельно им написаны главы об антигене (их характер, виды, свойства и природа, а также влияние белковых молекул на антигенные свойства) и о гуморальных реакциях иммунитета. Несколько меньшее внимание в работе уделено учению о фагоцитарном иммунитете, об анафилаксии и о резистентности к неантигенным ядам [4, с. 339-343].

Пытаясь объяснить, почему З.В. Ермольева взялась за перевод данной монографии, а также понять, насколько она была компетентна в этой сфере, обратимся к собственным изысканиям учёной в тот период.

Начальный этап научной деятельности З.В. Ермольевой был связан с изучением холеры, холерных и холероподобных вибрионов. После переезда в Москву Зинаида Виссарионовна начала проводить исследования в области химии иммунитета. Ею впервые была доказана антигенная способность таких сравнительно простых химических соединений, как амины, выяснена зависимость их свойств от строения и доказано антигенное действие липидов, дистиллята бактерий и углеводных фракций вибрионов [5, л. 4]. Исходя из сказанного, можно отметить, что З.В. Ермольева понимала тонкости переводимой ею монографии, поскольку химия иммунитета лежала тогда в области её исследовательских интересов. А что с иностранными языками, насколько уровень её знаний позволял заняться подобной работой?

В многочисленных личных листках по учёту кадров, заполняемых по месту работы, З.В. Ермольева неоднократно указывала, что владеет английским, немецким и французским языками [2, л. 1]. Так как это официальный документ, то данные сведения не вызывают сомнения.

В 1927 г. на несколько месяцев Зинаида Виссарионовна уезжала в научную командировку в ведущие микробиологические институты Германии и Франции, в которых работали известные европейские учёные [2, л. 2]. Там она общалась с коллегами на иностранных языках. В дальнейших научных публикациях самой З.В. Ермольевой всегда будут присутствовать ссылки на труды английских и немецких авторов, что свидетельствует о её работе с данными публикациями в оригинале.

Возвращаясь к переводу книги Х.Г. Уэллса отметим, что редактором русскоязычного издания стал Л.А. Зильбер и профессор В.А. Барыкин, являвшийся учителем Зинаиды Виссарионовны. Можно не сомневаться, что В.А. Барыкин не привлёк бы к переводу такого значительного труда свою бывшую ученицу, если бы не был уверен в её профессионализме.

Можем также предположить, что З.В. Ермольева вполне могла в процессе своего переводческого труда обращаться за консультацией к своему именитому начальнику – академику А.Н. Баху. Талантливый учёный-биохимик, несколько десятилетий живший в эмиграции, прекрасно знакомый с передовыми научными публикациями на разных языках, мог оказать ей профессиональную консультативную помощь

Х.Г. Уэллс закончил свою монографию в августе 1924 г., а издана она была уже в 1925 г. В 1927 г. вышел немецкий перевод этой книги, в который он внёс несколько существенных дополнений. И здесь стоит

отметить, что З.В. Ермольева осуществляла перевод работы с английского языка, но при этом учла те дополнения, которые Уэллсом были внесены в немецкое издание, что сделало ее перевод более выигранным и актуальным [2, л. 2].

Некоторые трудности при переводе заключались в том, что в оригинале автором при анализе некоторых спорных вопросов была принята, случайно или нарочно, недостаточно точная детерминация. Однако З.В. Ермольева в данном вопросе не позволила себе никакой самостоятельности и строго следовала за авторской мыслью, стараясь максимально передать её смысл на русском языке.

Таким образом, собственная научно-профессиональная позиция З.В. Ермольевой в вопросах химии иммунитета, знание ею на высоком уровне основных европейских языков, а также длительная научная командировка в Европе, позволили молодой исследовательнице осуществить качественный перевод сложной, но довольно значительной монографии Х.Г. Уэллса.

Примечания

1. Горшенин А.В. К истории жизни и научной работы советского микробиолога З.В. Ермольевой: историографическая характеристика постсоветских публикаций // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 268-271.

2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1020. – Оп. 1. – Д. 52.

3. Long E.R. H.G. Wells: A Biographical Memoir. – Washington, 1951. – pp. 231-263. URL: <http://www.nasonline.org/publications/biographical-memoirs/memoir-pdfs/wells-harry-gideon.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

4. Уэллс Х.Г. Химия иммунитета / пер. с англ. З.В. Ермольевой; под ред. В.А. Барыкина, Л.А. Зильбера. – М.: Гос. мед. изд-во, 1929. – 343 с.

5. РГАЭ. – Ф. 1020. – Оп. 1. – Д. 64.

УДК 94(470.62):908”1941/1945”

САЛЧИНКИНА А.Р., ХАРИТОНОВ Е.М., ХОРУЖАЯ С.В.,
Россия, г. Краснодар

Казачи в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: боевой путь 2-го и 4-го гвардейских кавалерийских корпусов

Статья посвящена участию кубанских казаков в составе 2-го и 4-го гвардейских кавалерийских корпусов в боевых действиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, казаки, 2-й гвардейский кавалерийский Померанский Краснознаменный ордена Суворова корпус, 4-й гвардейский кавалерийский Кубанский ордена Ленина, Краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова казачий корпус.

**Salchinkina A.R., Kharitonov E.M., Khoruzhaya S.V.,
Russia, Krasnodar**

**Cossacks during Great Patriotic war of 1941-1945:
the combat path of 2nd and 4th Guards cavalry corps**

Article is devoted to the participation of Kuban Cossacks in 2nd and 4th Guards Cavalry Corps in the hostilities of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Cossacks, 2nd Guards Cavalry Pomeranian Red Banner Order of Suvorov Corps, 4th Guards Cavalry Kuban Order of Lenin, Red Banner, Orders of Suvorov, Kutuzov Cossack Corps.

Казачество Кубани считалось значимой военной силой в ходе войн конца XVIII в. - начала XX в. [1; 2; 3], но революция 1917 г. и ликвидация сословий изменили положение казаков [4; 5]. Теперь их права и обязанности – в том числе и на воинской службе – стали такими же, как и у всех советских граждан. Однако во время Великой Отечественной войны боевое наследие Кубанского казачьего войска оказалось вновь востребованным.

Еще до начала войны, в 1936 г. вышло постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» [6]. На его основании вышел приказ Наркомата обороны СССР о переименовании ряда кавалерийских дивизий в казачьи дивизии [7].

С объявлением всеобщей мобилизации пришли новые кубанские соединения. В соответствии с решением Краснодарского крайкома ВКП(б) и крайисполкома от 19 июля 1941 г., началась организация кавалерийских казачьих сотен [8, л. 134-135]. Сформированные осенью 1941 г. казачьи кавалерийские дивизии с января 1942 г. были переведены в кадровый состав Красной Армии, приняты на полное государственное обеспечение, вооружены и укомплектованы командным и политическим составом [9, л. 87-90; 10, л. 1,11,18; 11]. Тогда же было принято решение о сведении кавалерийских дивизий в корпуса.

Сформированная в 1941 г. из 50-й и 53-й кавалерийских дивизий Оперативная кавалерийская группа под командованием полковника, а затем генерал-майора Льва Михайловича Доватора отличилась при обороне Москвы, в том числе и на Волоколамском направлении, сражаясь бок о бок со знаменитой панфиловской дивизией. Кавалеристы Доватора совершили почти трехнедельный рейд по глубоким тылам

немцев, уничтожив коммуникации, штабы, склады, транспорт и живую силу противника. На фоне поражений Красной армии такой успешный рейд произвел огромный психологический эффект на красноармейцев. По-своему оценили успехи кавалеристов Л.М. Доватора и немцы, которые объявили награду в 100 тыс. рейхсмарок за голову неуловимого командира конного подразделения.

В ноябре 1941 г. «группа Доватора» была переименована во 2-й кавалерийский корпус и награждена почетным званием Гвардейский. Но командовать героической частью генерал-майору оставалось недолго. Л.М. Доватор погиб 19 декабря 1941 г. у деревни Палашкино во время очередной рекогносцировки.

В декабре 1941 г. командиром корпуса был назначен генерал-майор Исса Александрович Плиев. Выпестованный Л.М. Доватором и И.А. Плиевым 2-й гвардейский кавалерийский корпус продолжал героическую эстафету, отличившись в боях при форсировании реки Десны, в Висло-Одерской стратегической операции, в Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. В начале июня 1945 г. во 2-й гвардейский кавалерийский корпус прибыл Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, чтобы лично поздравить воинов корпуса с успешным завершением Великой Отечественной войны.

За проявленные доблесть и мужество в боях с немецкими захватчиками 2-й гвардейский кавалерийский корпус был награжден Орденом Красного Знамени и Орденом Суворова II степени. Все командиры корпуса – Л.М. Доватор, И.А. Плиев и В.В. Крюков – были удостоены звания Героя Советского Союза.

С 1942 г. основой кубанских казачьих кавалерийских дивизий в годы Великой Отечественной войны стал 17-й казачий кавалерийский корпус. С июня 1942 г. командиром его был назначен генерал-майор Николай Яковлевич Кириченко. В составе Северо-Кавказского фронта корпус участвовал в военных операциях в ходе битвы за Кавказ. Летом 1942 г. под станицей Кушевской корпус на несколько дней задержал продвижение немецко-фашистских войск, верхом на лошадях отразив крупнейшую танковую атаку противника. Этот подвиг вошел в историю как знаменитая «Кушевская атака», за которую 17-й казачий кавалерийский корпус, сформированный из кубанских и донских казаков-добровольцев, был переименован в 4-й Гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус.

В дальнейшем в течение 1942-1945 гг. 4-й гвардейский кавалерийский корпус под командованиями генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко, генерал-лейтенанта И.А. Плиева, генерал-майора В.С. Головского, генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова прошел боевой путь от Кубани до Пра-

ги, освобождал Северный Кавказ, Дон, Украину, Белоруссию, Польшу, Венгрию, Чехословакию. За проявленную доблесть и мужество в боях с немецкими захватчиками 4-й гвардейский кавалерийский корпус был награжден Орденом Красного Знамени, Орденом Суворова II степени, Орденом Ленина, Орденом Кутузова II степени. Командир корпуса И.А. Плиев стал единственным воином-кавалеристом в годы Великой Отечественной войны, удостоенный звания Героя Советского Союза дважды.

Военный парад 24 июня 1945 г. стал триумфом народа-победителя, военного искусства советских полководцев, всех Вооруженных Сил, их боевого духа. За проявленные героизм и отвагу кубанские казаки были удостоены чести участвовать в параде Победы на Красной площади в Москве 1945 г. Беспристрастная фото- и кинохроника навеки запечатлела стройные шеренги храбрых кубанцев в темных черкесках, украшенных боевыми наградами.

Примечания

1. *Салчинкина А.Р.* Специфика боевых действий на Кавказе в 1817–1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – 2007. – № 1(36). – С. 72-76.

2. *Салчинкина А.Р.* Героические символ-образы Кавказской войны 1817–1864 гг. как феномен массового сознания // Кубанские исторические чтения: материалы III Всерос. с междунар. уч. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 20 июня 2012 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2012. – С. 188-192.

3. *Салчинкина А.Р.* Бинарная оппозиция “свой – чужой” в историческом нарративе: образ горца в сознании казачества в годы Кавказской войны XIX в. // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 22. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2018. – С. 25-27.

4. *Жабчик С.В., Новоставский И.Н., Попов В.В.* Некоторые аспекты исследования истории, экономики и культуры Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 5-1. – С. 62-68.

5. *Салфетников Д.А.* История России XX века. Период военных катаклизмов и социальных трансформаций (1917-1945 гг.): учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 93 с.

6. Постановление ЦИК ССС от 20 апреля 1936 г. “О снятии с казачества ограничений по службе в РККА” // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. – 1936. – 19 мая (№ 22). – С. 24.

7. Приказ народного комиссара обороны СССР № 259. О преобразовании 17 казачьего кавалерийского корпуса, 12, 13, 15 и 116 казачьих кавалерийских дивизий и других частей в Гвардейские части. 27 августа 1942 г. // Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941-1944) о преобразованиях частей и соединений Красной Армии в гвардейские. – М.: б.и., 1945. – С. 54-55.

8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 1774-А. – Оп. 1. – Д. 19.
9. ЦДНИКК. – Ф. 1774-А. – Оп. 1. – Д. 20.
10. ЦДНИКК. – Ф. 1774-А. – Оп. 2. – Д. 64.
11. Курков Г.М. Казачья кавалерия Красной Армии накануне войны и в 1941 г. // 1941 год. От поражений к победам: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. (Москва, 21 июня 2021 г.). – М.: ООО “Нестор-История”, 2021. – С. 150-176.

УДК 94(470.62):908”1942”

ЦЫБУЛЬНИКОВА А.А.,
Россия, г. Армавир

Женщины-военнослужащие 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в боях за Ачикулак

В статье показано участие женщин в формировании и боевой деятельности 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в период Великой Отечественной войны. Автор статьи осветила специфику кавалерийской службы и ее посильности для женского организма. Автором введена в научный оборот архивная информация по биографиям нескольких девушек-военнослужащих, проявивших героизм и самоотверженность во время участия 4-го гвардейского корпуса в кровопролитных боях за селение Ачикулак на Кубани в ноябре 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женщины-военнослужащие, кавалерия, казаки, 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус.

**Tsibulnikova A.A.,
Russia, Armavir**

Female soldiers of 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps in the battles for Achikulak

Article shows the participation of women in the formation and combat activities of 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps during Great Patriotic War. Author of article highlighted the specifics of the cavalry service and its feasibility for the female body. Author introduced into scientific circulation archival information on the biographies of several female servicemen, who showed heroism and dedication during the participation of 4th Guards Corps in the bloody battles for the village of Achikulak in Kuban in November 1942.

Keywords: Great Patriotic War, female soldiers, cavalry, Cossacks, 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps.

Несмотря на то, что во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на фронте сражалось около миллиона советских женщин, воен-

ные профессии были для них, без сомнения, трудны в силу их физиологических и психологических особенностей, заложенных природой. Однако, служба в кавалерийских войсках являлась для женщин особенно сложной. Кем бы ни была военнотружущая – санинструктором или радистом, снайпером или пулеметчиком в кавалерийском корпусе – ей необходимо было стать не только профессионалом в своей области, но и эффективно управлять конем, уметь ухаживать за ним, а также легко переносить многочасовые конные марши. Поэтому количество женщин в кавалерийских дивизиях было относительно небольшим (по сравнению, например, с пехотой).

В то же время, в *казачьих* кавалерийских дивизиях этот процент был выше, чем в иных кавалерийских подразделениях. На это влияли особенности традиционного воспитания в казачьих семьях, когда даже женщин поощряли к освоению военных навыков и к участию в джигитовках. Этому также способствовали и предвоенные усилия государства. Так, во второй половине 1930-х гг. клубы и кружки «ворошиловских всадников» существовали чуть ли не во всех казачьих станицах Юга России и в других регионах страны [1, с. 463]. Уже к 1936 г. в целом по СССР почти тысяча жен командиров Красной Армии сдали кавалерийские нормативы, получив значки «Ворошиловский кавалерист» [2, с. 132].

С началом войны кавалерия оказалась одним из самых пострадавших родов войск – нехватка численного состава стала сказываться уже к сентябрю 1941 г. Для восполнения понесенных кавалерией потерь в октябре в Краснодарском крае началось дополнительное формирование еще трех добровольческих кавдивизий, которые составили основу создававшегося 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Среди добровольцев, вступивших в казачьи формирования, были и женщины. На Кубани в сформированных осенью 1941 г. кавалерийских эскадронах, согласно списочному составу их насчитывалось:

- в Тимашевском эскадроне 4 девушки (из 190 чел. личного состава),
- в Новотитаровском эскадроне 2 девушки,
- в Каневском эскадроне 3 девушки.

Имелись девушки и в других казачьих эскадронах, сформированных в Краснодарском крае в этот период [3, с. 121]. Должности, на которые принимались женщины в кавалерийские дивизии, были различными: санинструкторы, радисты, пулеметчики, снайперы и, совсем редко, бойцы-кавалеристы (ведь для этого надо было профессионально владеть саблей).

В последнем случае можно говорить буквально о единичных фигурах. Возможно, одним из таких прецедентов является вступление в ряды РККА «кубанской казачки» Лидии Павловны Гусаковой. О ней в марте 1942 г. написал корреспондент «Красной звезды» П.А. Павленко, командированный на Южный фронт. В своей заметке он рассказал о кубанском казаке Павле Иосифовиче Гусакове, который пришел в военкомат с сыном и дочерью, но дочь не взяли. Однако после конных состязаний, где она оказалась первой на вольтажировке, рубке лоз и стрельбе, «пришлось лихую казачку зачислить рядовым бойцом в один полк с отцом» [4, с. 27] (См. Фото 1).



Фото 1. Казак Гусаков П.И. и его дочь Гусакова Л.П., 1942 г. [5]

На самом деле, согласно документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Л.П. Гусакова родилась в 1921 г. в г. Хорол Полтавской обл. Украинской ССР и по национальности была украинкой. Судя по тому, что ее отец призывался в 1941 г. с территории Краснодарского края, семья Гусаковых переехала на Кубань еще до войны. В ряды вооруженных сил Л.П. Гусакова добровольно вступила в ноябре 1941 г., была призвана Гражданским РВК (Краснодарский край, Гражданский р-н). Согласно наградным документам, 14 января 1943 г. она была награждена медалью «За боевые заслуги», являясь на тот момент рядовым 2-го эскадрона 24-го гвардейского кавалерийского полка 10-й гвардейской кавдивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавкорпуса. В наградном листе ее должность указана как казак». В обосновании награждения прописано, что 17 августа 1942 г. Л.П. Гусакова участвовала в боях под хутором Черниговским Армянского района Краснодарского края. Там она «принимала активное участие в отражении немецко-фашистского наступления, а также оказала медпомощь 25 раненым казакам» [6, л. 8, 329-330].

Как видим, хоть девушка и числилась рядовым кавалеристом, но в условиях тяжелых боев лета 1942 г. выполняла обязанности санин-

структура. Что касается ее псевдокубанского казачьего происхождения, то в этом нет ничего удивительного. Весной-летом 1942 г. на юге страны шли тяжелейшие бои. Командование было вынуждено проводить широкий набор добровольцев, а для этого требовалась качественная агиткампания. Что может больше раззадорить боевой дух мужчин? Конечно же, пример женщины-военнослужащей. Это своеобразный укор «сильным мужикам», отсиживавшимся в тылу. Поэтому в указанный период перед корреспондентами центральных газет стояла задача показать массам как можно больше таких героинь.

После кровопролитного Кущевского сражения 4-й гвардейский кавкорпус (бывший 17-й) был переброшен на правый фланг группы войск Западного фронта и, начиная с 4 октября 1942 г. начал вести бои за населенные пункты в 25-50 км от Ачикулака, постепенно заняв позиции, позволявшие атаковать этот тактически выгодный немцам дорожный узел.

Недооценив степени укрепленности населенного пункта, генерал Н.Я. Кириченко принял решение в ночь на 1 ноября атаковать Ачикулак с целью его захвата. При этом сама специфика оборонительных сооружений, построенных немцами, сводила на нет все преимущества конницы – кавалеристам приходилось идти в наступление цепью в пешем боевом порядке. То, что казаки были вынуждены выполнять функцию обычной пехоты, стало еще одним фактором, усугубившим сложившуюся ситуацию, и привело в результате к большим и неоправданным потерям.

Бои за Ачикулак 1-2 ноября 1942 г. дались 4-му гвардейскому кавкорпусу большими жертвами. Согласно данным журналов боевых действий, всего за два дня боёв (1 и 2 ноября) 9-я гвардейская кавдивизия потеряла убитыми 80 бойцов, 38 пропавшими без вести, 174 ранеными [7, л. 135-138]. В 10-й кавдивизии погибли 90 казаков, были ранены 140 [8, л. 357]. В 30-й кавдивизии были убиты и пропали без вести 64 чел., ранены – 90 чел. [8, л. 327] В целом, в трёх дивизиях в течение боев 1-2 ноября были убиты и пропали без вести 272 чел., ранены – 404 чел.

Особый героизм в этом кровопролитном сражении проявили женщины-военнослужащие. Остановимся на биографиях нескольких героинь указанных событий.

Бабичева Наталья Андреевна, гвардии военфельдшер, 21 год. 1921 г. рождения, русская, уроженка Днепропетровской обл. УССР, была призвана на фронт в августе 1941 г. с территории Украины.

1-2 ноября 1942 г. во время боев за аул Ачикулак являлась гвардии военфельдшером санитарного 24-го гвардейского казачьего кавалерийского полка 10-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 4-го

гвардейского казачьего кавалерийского корпуса. В соответствии с приказом №: 4/н от: 09.12.1942 г. (издан 10 гвардейской кавдивизией), по итогам боев награждена Орденом Красной Звезды. В ее наградном листе написано: «В боях 1-2 ноября в тылу противника под аулом Ачикулак самоотверженно, под массированным минометным и автоматным огнем своевременно оказывала помощь раненым. Тов. Бабичева оказала помощь 31 казаку и командиру и отправила их в тыл, с их оружием. Тов. Бабичева достойна правительственной награды Ордена «Красной Звезды» [9, л. 240-240 об.].



Фото 2. Санинструктор Е.А. Ирхина, 1944 г.[10]

Ирхина Евдокия Антоновна, санинструктор, 21 год (См. Фото 2). Родилась в 1921 г. Ушла на фронт добровольцем в апреле 1942 г. из Сталинграда. В апреле 1942 г. участвовала в боях под Лисичанском, Рубежным, Красным Донцом. Там была ранена, но вернулась в строй.

1-2 ноября 1942 г. во время боев за аул Ачикулак являлась санинструктором 2-го эскадрона 133-го кавалерийского полка 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии 4-го гвардейского кавалерийского Кубанского корпуса. В соответствии с приказом №: 2/н от: 29.12.1942 г. (издан 30 кавдивизией), по итогам боев награждена медалью «За боевые заслуги». Согласно наградному листу, во время боев за село Ачикулак Евдокия «смело и самоотверженно работала на поле боя, под ураганным огнем противника оказывала помощь живым и их вынос с оружием. За период боев тов. Ирхина на себе лично вынесла более 15 человек раненых. Когда контузило командира 2 эскадрона и его заместителя по политчасти и к ним подходили автоматчики противника тов. Ирхина, под градом пуль, бросилась к ним, оказала им помощь, подзвала бойцов и вынесла их в укрытие, а затем с поля боя. Этим спасла жизнь командиров» [11, л. 6, 178-179].

Коноплева Любовь Константиновна, гвардии казак, связист, 20 лет. 1922 года рождения, русская, уроженка Краснодарского края. Поступила на службу в октябре 1942 г., находясь в эвакуации в Ставрополе.

1-2 ноября 1942 г. участвовала в боях за Ачикулак, село Камыш-Бурун под г. Нефтекумском, село Владимировка в должности связиста 4-го сводного полка 10-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса. В соответствии с приказом №: 4/н от: 09.12.1942 г. (издан 10 гвардейской кавдивизией), по итогам боев награждена Медалью «За боевые заслуги». В наградном листе сказано: «Гвардии казачка Коноплева во время боя 1-2 ноября под с. Ачикулак, будучи связным в 4-м сводном кавполку, прикрывающим удар врага с Владимировки в сложной боевой обстановке, при наступлении немецких автоматчиков и танков обеспечила связь с командным пунктом части полка, перевязывала раненых и огнем из винтовки отражала немецких автоматчиков, при этом проявила исключительную стойкость. Достояна правительственной награды медаль «За Отвагу» [12, л. 277-277об.].

Мухина Елена Андреевна, гвардии старшина медслужбы, 18 лет. 1924 г. рождения, уроженка Сталинской обл. УССР. Поступила на службу в 1941 г.

1-2 ноября 1942 г. во время боев за аул Ачикулак являлась гвардии старшиной медслужбы санитарного 24-го гвардейского казачьего кавалерийского полка 10-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса. В соответствии с приказом №: 1/н от: 07.12.1942 г. (издан 10 гвардейской кавдивизией), по итогам боев награждена Орденом Красной Звезды. Из записи в наградном листе: «В боях 1-2 ноября в тылу противника под аулом Ачикулак, находясь в третьем эскадроне, своевременно оказывала медпомощь раненым. Лично вынесла с поля боя трёх казаков, 10 командиров и немедленно возвращалась на боевые позиции. После танковой атаки она оказалась вместе с командиром Ципковским и группой казаков в окружении, участвовала непосредственно в бою и в ночь под 2-ое ноября вышла из окружения вся группа без потерь. Товарищ Мухина достойна правительственной награды Орденом «Красная Звезда» [12, л. 74-74 об.].

Холодова Лилия Митрофановна, гвардии старшина медслужбы, 21 год. 1921 г. рождения, русская, уроженка Адыгейской автономной обл. Поступила на службу в октябре 1941 г. из г. Майкопа.

1-2 ноября 1942 г. во время боев за аул Ачикулак являлась гвардии старшиной медслужбы санитарного 24-го гвардейского казачьего кав-

лерийского полка 10-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса. В соответствии с приказом №: 4/н от: 09.12.1942 г. (издан 10 гвардейской кавдивизией), по итогам боев награждена Медалью «За отвагу». В ее наградном листе написано: «Являясь санинструктором, под исключительно сильным огнем противника 1-2 ноября в боях под Ачи-Кулак вынесла с поля боя тяжело раненых 10 человек, оказала помощь всего 26 раненым. Тов. Холодова достойна правительственной награды медалью «За отвагу» [12, л. 245-245об.].

Это лишь единицы из тех девушек, кто своей смелостью и самоотверженностью спасли жизнь не одному десятку казаков, штурмовавших Ачикулак в ноябре 1942 г. Им было по 18-21 лет, а они вытаскивали на себе мужчин весом по 80-90 кг, еще и с личным оружием. Разные обстоятельства привели этих женщин на фронт, но свой долг они выполняли с полной самоотдачей, нередко становясь образцом мужества для своих более сильных сослуживцев.

Примечания

1. Скорик А.П. Женщины-казачки в рядах «ворошиловских кавалеристов» накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: мат-лы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9-12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 461-474.

2. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. – М.: РОССПЭН, 2002. – 266 с.

3. Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в великой отечественной войне (1941 - 1945 гг.): дис. ...к.ист.н.: 07.00.02. – Краснодар, 2011. – 217 с.

4. Голованова С.А. Казачество Юга России в Великой Отечественной войне (по материалам газеты «Правда» и «Красная звезда») // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: духовно-ценностные измерения в исторической памяти. – Армавир: АГПУ, 2010. – С. 27-31.

5. Исторический Интернет-журнал «Вдоль по линии Кавказа». URL: https://vk.com/kuban_line?z=photo-148607192_456249926%2Falbum-148607192_248024004%2Frev (дата обращения: 15.04.2022).

6. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). – Ф. 33. – Оп. 686044. – Д. 1815.

7. ЦАМО РФ. – Ф. 3470. – Оп. 1. – Д. 4.

8. ЦАМО РФ. – Ф. 3470. – Оп. 1. – Д. 470.

9. ЦАМО РФ. – Ф. 33. – Оп. 686044. – Д. 2090.

10. Сайт «Военный альбом». Место съемки: Украина, СССР. Время съемки: 1944 год. Автор: Ольга Ландер. URL: <https://waralbum.ru/394536/> (дата обращения: 15.04.2022).

11. ЦАМО РФ. – Ф. 33. – Оп. 682526. – Д. 555.
12. ЦАМО РФ. – Ф. 33. – Оп. 686044. – Д. 2090.

УДК 949(477)''1944/1953''

СИЗОВ С.Г.,
Россия, г. Омск

Основные направления борьбы советских властей с вооруженными украинацистскими формированиями на территории Западной Украины в 1944-1953 гг.

В статье на основе опубликованных архивных документов рассмотрены основные направления борьбы с бандеровщиной в 1944-1953 гг. Автором показаны следующие мероприятия властей: оперативные мероприятия НКВД и НКГБ; формирование истребительных батальонов и подразделений «самоохраны сёл»; мобилизация молодежи призывного возраста в Красную армию; усиление охраны коммуникаций, органов власти, промышленных объектов; пропагандистская работа; усиление контроля над семьями лиц, настроенных нелояльно к советской власти; направление руководителей и специалистов из других районов.

Ключевые слова: СССР, Украина, 1944-1953 гг., бандеровцы, бандитизм, украинский национализм, Организация украинских националистов (ОУН), Украинская повстанческая армия (УПА).

**S.G. Sizov,
Russia, Omsk**

The main directions of the struggle of Soviet authorities by armed Ukrainian Nazi formations on the territory of Western Ukraine in 1944-1953

The main directions of the fight against Bandera in 1944-1953 are considered in the article on the basis of published archival documents. Author shows the following actions of the authorities: operational measures of NKVD and NKGB; formation of fighter battalions and units of "self-protection of villages"; mobilization of young people of military age in Red Army; strengthening the protection of communications, authorities, industrial facilities; propaganda work; strengthening control over the families of persons disloyal to Soviet government; sending managers and specialists from other districts.

Keywords: USSR, Ukraine, 1944-1953, Bandera, banditry, Ukrainian nationalism, Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), Ukrainian Insurgent Army (UPA).

После освобождения территории Украины от немецких фашистов серьёзной проблемой для советских властей стало вооружённое сопро-

тивление со стороны укронацистских повстанцев и созданного ими подполья. Главными очагами сопротивления стала территория Западной Украины (имеется в виду 8 областей: Ровенская, Волынская, Тернопольская, Львовская, Дрогобычская, Станиславская, Черновицкая, Закарпатская). Хотя нередко бандеровцы пытались организовать теракты и диверсии в других областях, но отсутствие массовой поддержки со стороны местных жителей не позволяло им добиться больших масштабов партизанской борьбы. Главную роль в сопротивлении советизации западных регионов играла Украинская повстанческая армия (УПА).

Стоит напомнить, что УПА была создана при содействии гитлеровских спецслужб на базе Организации украинских националистов (ОУН). Фашисты активно использовали бандеровцев для проведения карательных мероприятий против партизан и мирного населения в период оккупации [1; 2]. Многочисленные преступления фашистских прихвостней в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы достаточно хорошо известны [3; 4]. Однако на современной Украине эти преступные деяния или замалчиваются, или оправдываются.

После отступления гитлеровцев УПА стала основной силой для организации террористических актов и диверсий на освобождённых территориях. Уже с 1943 г. стали отмечаться все более частые нападения отрядов УПА на советские партизанские лагеря и отряды. В июле 1944 г. был сформирован всеукраинский представительский орган – Украинский главный освободительный совет (укр. – Українська головна визвольна рада, УГВР). Большинство её членов являлись бандеровцами, а возглавил организацию Р.И. Шухевич. После изгнания немецких оккупантов борьба с бандеровским подпольем для советских властей превратилась в первостепенную проблему. Без победы над ними организация мирной жизни и хозяйственного развития на освобождённых территориях стала бы невозможной.

Целью данной статьи является рассмотрение основных направлений борьбы с бандеровщиной в первые послевоенные годы. В качестве основного источника автором использованы документы, изданного в 2012 г. двухтомного сборника «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны» [5; 6]. Уникальная подборка архивных документов Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Российского государственного военного архива, Архива Президента РФ, Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, Архива Службы внешней разведки РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ и ряда других архивов делает данный сборник крайне важным источником по

истории ликвидации бандеровского подполья [7]. Отметим, что ряд из опубликованных документов сборника были напечатаны и ранее [8].

Среди основных направлений борьбы с укронацистами в годы войны и первые послевоенные годы можно выделить следующие.

1. **Оперативные мероприятия НКВД и НКГБ.** 9 октября 1944 г. наркомы внутренних дел и госбезопасности Л.П. Берия и В.Н. Меркулов подписали специальный приказ «О мерах борьбы с оуновским подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН в западных областях УССР». Главное внимание было уделено ликвидации этих формирований и их руководителей, выявлению их конспиративных связей, складов оружия, боеприпасов и продовольствия. В декабре 1944 г. в составе НКВД УССР создали Главное управление по борьбе с бандитизмом, которое непосредственно руководило агентурнооперативными и розыскными мероприятиями. Массовые облавы и «чекистско-войсковые операции» в 1944-1945 гг. приводили к боям, в которых УПА теряла своих сторонников.

В операциях, как правило, принимали участие не только спецслужбы, но и курсанты военных школ, пограничники и вооружённые активисты, но главное – армейские части. Как следовало из докладной записки ЦК КП(б)У И.В. Сталину, «за время со дня освобождения западных областей УССР от немецких захватчиков до 1 июня 1945 года убито бандитов – 9275, взято в плен – 93610 и явилось с повинной – 40395. За это время у бандитов захвачено: орудий – 40, минометов – 449, станковых пулеметов – 566, ручных пулеметов – 4451, автоматов и винтовок – 42351» [6, с. 676]. Однако сопротивление продолжалось и позднее. В частности, Н.С. Хрущёв докладывал И.В. Сталину, что «с 1 января по 10 февраля 1946 г. убито бандитов 2446, взято в плен 6039, явилось с повинной 829» [6, с. 849].

2. Формирование **истребительных батальонов из местного населения для борьбы с отрядами украинских националистов, создание подразделений «самоохраны сёл».** Советские органы власти стремились создавать такие формирования повсеместно [6, с. 849; 9, л. 4-10; 10, л. 116-123]. Согласно докладной записке Н.С. Хрущёва И.В. Сталину, к 15 марта 1946 г. в истребительных батальонах насчитывалось свыше 60 тыс. чел. [6, с. 848]

3. Для ликвидации демографической базы украинских националистических формирований была проведена **мобилизация молодежи призывного возраста в Красную армию.** Вместе с тем, широкое распространение имело место и «уклонение мужчин от мобилизации» [6, с. 89-90]. Неявка мобилизованных была вызвана и угрозами со стороны УПА. «Население отдельных сел, запуганное угрозами бандеровцев –

обещавшимися сжечь дома и вырезать семьи тех, кто уйдёт в Красную армию, при появлении работников райвоенкоматов уходит в лес, забирая с собой имущество и скот», – докладывал начальник политуправления 1-го Украинского фронта С.С. Шатилов [6, с. 108]. Учитывая попытки со стороны ОУНовцев противодействовать мобилизации, НКВД СССР создал оперативно-войсковые группы, которые «приступили к работе по выявлению и аресту участников ОУНовского подполья и ликвидации бандитских групп».

4. **Усиление охраны коммуникаций, органов власти, промышленных объектов.** Властями на территории Украины были приняты меры по обеспечению безопасности движения по фронтовым дорогам, охране железнодорожных путей, сооружений, средств связи, районных органов власти.

5. Огромные усилия властей были направлены на **пропагандистскую работу с местным населением.** Этой работе уделялось особое внимание с учётом того, что многие жители в течение долгого времени находились под влиянием пропаганды немецких фашистов и украинских националистов. 27 сентября 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР», предусматривавшее развертывание массово-политической работы на Западной Украине. 27 ноября 1944 г. было выпущено обращение Верховного Совета УССР, СНК УССР и ЦК КП(б)У «К населению западных областей Украины». Областные партийные комитеты провели работу по «разъяснению обращения правительства УССР среди населения», ими проводились совещания областного партактива, семинары для районных партийных работников, собрания интеллигенции, рабочих и служащих [6, с. 500-503].

6. Для стабилизации ситуации проводилось **усиление контроля над семьями лиц, настроенных нелояльно к советской власти.** Семьи участников украинских националистических вооруженных формирований взяли на учет с перспективой выселения некоторых из них на спецпоселение [6, с. 102]. «Враждебные элементы» из числа «семей бандитов и их пособников» высылались в восточные и северные районы СССР. В докладной записке Н.С. Хрущёва И.В. Сталину от 16 июня 1945 г. сообщалось, что в результате проверки рабочих и служащих «выявлено 14000 человек враждебных элементов», а на 1 июня 1945 г. из западных областей Украины «выселено 9615 семей бандитов и их пособников, общей численностью 24 886 человек» [6, с. 678].

7. Для укрепления базы сторонников советских порядков в западные районы Украины **направлялись руководители, специалисты из других районов.** Это делалось с целью «укрепления» местного совет-

ского и партийного актива присланными работниками из других областей УССР: «С 2 января по 10 февраля 1945 г. из восточных областей УССР направлено в западные области 5869 человек партийных, советских и других работников. Таким образом, всего после освобождения направлено около 48 тыс. человек, из них около 22 тыс. человек членов и кандидатов ВКП(б). Сейчас отбираются и в ближайшее время будут направлены ещё 4100 человек» [6, с. 555]. 19 мая 1945 г. было выпущено обращение Президиума Верховного Совета УССР, СНК УССР и ЦК КП(б)У «К рабочим, крестьянам и интеллигенции западных областей Украины», посвященное данному вопросу.

Ряд успешных операций против отрядов украинских националистов был проведен в западных областях УССР. УПА, понеся значительные потери, вынуждена была реорганизовать свою структуру и уйти в глубокое подполье. После гибели главного командира УПА Р.И. Шухевича 5 марта 1950 г. вооруженное сопротивление украинских националистов постепенно было прекращено.

По данным Л.П. Берии, всего за период с 1944 г. по 1953 г. в западных областях Украины было арестовано, убито и выслано до 500 тыс. чел. Из них: арестовано по обвинению в принадлежности к антисоветскому националистическому подполью – 103003 чел., в том числе было осуждено с содержанием в лагерях и тюрьмах – 82930 чел.; арестованы по обвинению в шпионаже, диверсиях, вредительстве, террористических намерениях, антисоветской агитации, пособничестве и участии в карательных действиях немецко-фашистских органов и войск во время оккупации западных областей Украины – 31464 чел.; в том числе было осуждено с содержанием в лагерях и тюрьмах – 26787 чел.; убиты как участники шпионских террористических групп националистического подполья – 153259 чел.; высланы из пределов УССР как пособники этих банд – 203737 чел. [6, с. 943-944] Кроме того, в послевоенное время из Западной Украины, Черновицкой, Измаильской и Закарпатской областей депортировали осужденных детей, кулаков и всех, кто противился коллективизации. При проведении высылки имели место и необоснованные репрессии.

Украинские националистические формирования и их западные кураторы были вынуждены поменять тактику. Главная ставка теперь делалась на формирование за рубежом (в Канаде, США, Великобритании, Германии) украинских информационно-пропагандистских центров по сохранению и развитию укронацизма, подготовке кадров, ведению радиопропаганды, подготовке различных антисоветских акций.

Таким образом, в 1944-1953 гг. комплексные меры, осуществлявшиеся властями по стабилизации ситуации на Западной Украине, ока-

зались достаточно эффективными. Эти меры привели к прекращению вооружённого сопротивления со стороны бандеровского подполья. Вместе с тем, сохранение УССР в искусственных ленинско-сталинских границах, навязывание украинской идентичности русскому населению стали бомбой замедленного действия. И эта бомба при активном участии западных спецслужб сработала на Украине уже после распада СССР. После «майдана» 2014 г. бандеровский нацизм стал фактически государственной идеологией украинского режима, а этот режим стал активным оружием Запада в его геополитической войне против России. Начатая в 2022 г. специальная военная операция России (СВО) призвана обеспечить национальную безопасность нашей страны и защитить соотечественников от укронацизма. Среди важнейших задач СВО объявлены демилитаризация и денацификации Украины. И эти цели должны быть достигнуты.

Примечания

1. Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение “еврейского вопроса”: монография. – М.: REGNUM, 2008. – 152 с.
2. Забытый геноцид: “Волынская резня” 1943-1944 годов: сб. док-тов и исслед. / сост. А. Дюков. – М.: Алексей Яковлев, 2008. – 144 с.
3. Документы изобличают (Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии). – Изд. 2-е, доп. и испр. – Киев: б.и., 2004. – 316 с.
4. ОУН-УПА в Беларуси. 1939-1953 гг.: док-ты и мат-лы. — Минск: Вышэйшая школа, 2012. – 5828 с.
5. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. – Т. 1: 1939-1943 / под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 878 с., ил.
6. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. – Т. 2: 1944-1945 / под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1167 с., ил.
7. Царевская-Дякина Т.В. Археографическое предисловие // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1943-1944 / под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 25-30.
8. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): сб. док. / МВД России; сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М.: Объед. ред. МВД России, 2008. – 640 с.

Секция III «Историческое краеведение: современное состояние и тенденции развития»

УДК 908:902/94(3)

КОЧКАРОВ У.Ю.,

Россия, г. Москва

НАРОЖНЫЙ В.Е., НАРОЖНЫЙ Е.И.,

Россия, г. Карачаевск

Шлем из кочевнического захоронения № 1 кургана 4 курганной группы Дмитриевская-1-82 (Кавказский район Краснодарского края)

В статье рассмотрен железный шлем из кочевнического захоронения в Кавказском районе Краснодарского края. По мнению авторов статьи, судя по характеру навершия на нем, этот шлем, вряд ли, изначально имел острый шпиль, как полагал М.В. Горелик. Навершие на нем более заманчиво соотносить с навершием, венчавшим шлем из другого кочевнического захоронения – у селения Бурты на Киевщине. Если наше рабочее сопоставление окажется верным, то приведенная аналогия позволяет считать, что изначально на шлеме из Кавказского района, как и у шлема с Украины, были наносник и накладные надбровные пластины. Тогда в том же историческом контексте, что и шлем из с. Бурты, вероятно, следует рассматривать и шлем из Кавказского района.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Краснодарский край, Кавказский район, кочевнические захоронения, шлемы кочевников, золотоордынский период, шлем из селения Бурты (Украина).

Kochkarov U.Yu.,

Russia, Moscow

Narozhny V.E., Narozhny E.I.,

Russia, Karachayevsk

Helmet from the nomadic burial № 1 of kurgan 4 of Dmitrievskaya kurgan group-1-82 (Caucasian district of Krasnodar region)

Article considers an iron helmet from a nomadic burial in Caucasian district of Krasnodar region. According to the authors of article, judging by the nature of the pommel on it, this helmet is unlikely to have originally had a sharp spire, as M.V. Gorelik believed. The pommel on it is more tempting to correlate with the pommel that crowned the helmet from another nomadic burial – near villages. Burts in the Kiev region. f our working comparison turns out to be correct, then the above analogy allows us to assume that initially, the helmet from the Caucasus region, as well as the helmet from Ukraine, had a nanosheet and overhead brow plates. Then, in the same historical

context as the helmet from the village of Burta, it is probably necessary to consider the helmet from the Caucasian region.

Keywords: North Caucasus, Krasnodar region, Caucasian district, nomadic burials, helmets of nomads, Golden Horde period, a helmet from the village of Burty (Ukraine).

Данная публикация – попытка решения одной из наиболее актуальных задач в череде недавно очерченных и назревших проблем в изучении комплекса защитного вооружения населения Северо-Западного Кавказа XIII-XIV вв. [1] В статье предпринята попытка рассмотреть боевое наголовье воина-кочевника золотоордынского времени из погребения 1 кургана 4 курганной группы Дмитриевская-1-82 в Кавказском районе Кавказского района Краснодарского края. В свое время погребение было исследовано группой специалистов-археологов из Волгоградского государственного университета – В.Г. Блохиным, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкиным (См. Рис.1,1), затем введенными его вместе с другими синхронными кочевническими захоронениями в статью под названием «Средневековые рыцари Кубани» [2]. М.В. Горелик, вполне справедливо предложивший рассматривать указанные захоронения кочевников не как погребения «рыцарей», а «золотоордынских латников» [3]. Одновременно им были опубликованы реконструкции внешнего облика тех самых латников в полном воинском облачении, включая и интересующее нас погребение [3, с. 345, рис. 3А].

Археологи нашли в этом захоронении сильно фрагментированный шлем с остатками кольчужной бармицы, скелет человека с остатками кольчуги, у его левой руки находилась сабля с коротким перекрестьем, оканчивавшимся шариками на его концах. В остатках колчана находились железные наконечники стрел.

Интересующий нас шлем указанные исследователи из Волгограда со ссылкой на А.Н. Кирпичникова отнесли к первой половине XIII в. В отличие от них, М.В. Горелик посчитал следующее: у этого шлема был один из хронологических признаков, который необходимо учитывать при определении даты захоронения, поскольку «он имеет характерную для монгольского времени форму», а также и «верхушку с подвершьем в виде тороида, служащего основанием для шпилья, от которого осталась лишь малая часть» [3, с. 338]. С таким, достаточно высоким шпилем М.В. Горелик опубликовал и свою реконструкцию этого шлема на голове воина-латника (См. Рис. 1,2) из погребения 1 кургана 4 могильника Дмитриевский-1-82 [3, с. 346, рис. 3Б]. Однако, как представляется нам, необходимо учитывать, что публикация интересующего нас шлема в статье волгоградских коллег – А.Г. Блохина, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкина – не совсем удачна, поскольку их воспроизведение внешне-

го облика этого шлема дана лишь в одной проекции, не дающей возможности увидеть шлем и его возможную специфику с других ракурсов. На самом деле, это боевое наголовье изначально должно было быть немного выше, чем на опубликованной указанными коллегами реконструкции.

Впоследствии появилась и другая версия реконструкции внешнего облика этого же шлема, введенная в научный оборот М.В. Гореликом (См. Рис.1,2). Этот исследователь, судя по данной реконструкции, предполагал наличие у шлема высокого и острого шпиля, возвышающегося над наголовьем. Другие авторы, руководствуясь той же самой публикацией шлема в статье А.Г. Блохина, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкина, считают, что показанный вдоль нижнего края этого шлема «кольцевой обруч», был вдоль всего периметра нижнего края данного наголовья [4, с. 139]. Однако подобные «обручи», служившие для крепления посредством него кольчатой бармицы к шлему, прерывались с лицевой стороны, как это было, например, на шлеме из синхронного кочевнического захоронения близ селения Бурты на Киевщине [5] и на др.

Представляется, что рассматриваемый нами шлем, все-таки, имел не шпилевидное навершие, а навершие, весьма близкое навершиям, сходным с таковыми же на шлеме из кочевнического захоронения кургана Хавалы-4 (См. Рис. 1,4), исследованного на территории г. Ростова-на-Дону [6]. К сожалению, у данного шлема с территории Подонья сильно повреждена нижняя часть его лицевой стороны. Тем не менее, сошлемся и на точку зрения А.Е. Негина, который шлем из кургана Хавалы-4 включал в один тип с другими боевыми наголовьями, включая и уже упоминавшийся выше шлем из с. Бурты (См. Рис. 1,3 и ср.: рис. 1,6) на Киевщине [7, с. 66, рис. 3]. Это позволяет и нам сравнивать интересующий нас шлем из Кавказского района на Кубани со шлемом из с. Бурты (См. Рис.1,5), как аналогичные и, возможно, однотипные.

Первоначально, шлем из селения Бурты, полученный Н.Е. Бранденбургом в ходе его раскопок у с. Бурты Киевской губ. был связан им с печенегами X-XI вв. [8, с. 9]. Позднее А.Н. Кирпичников соотнес это же боевое наголовье с древностями черных клобуков XII-XIII вв. [9, с. 222] Это же захоронение К.А. Жуков отнес к середине-второй половине XIII в., рассматривая шлем как наголовье, характерное для русских воинов [10, с. 22]. Еще позднее Т.М. Потемкина в соавторстве с Ю.А. Кулешовым интересующий нас комплекс из с. Бурты отнесли к XIV в. [11, с. 274]

Недавно этот же шлем из комплекса у с. Бурты был скрупулезно изучен А.Г. Панкратовым. Он отметил: оставляя на перспективу необ-

ходимость «рассмотрение наступательного вооружения и прочих вещей комплекса», можно «сделать предварительное заключение: сабля и ее гарнитура ножен относится к периоду XIII-XIV вв., калачевидное кресало использовалось на протяжении XIV в., а наконечник копья с длинным пером четырехгранного сечения и широкой расширяющейся втулкой..., имеет предельно позднюю датировку – XIII в.». Использоваться «данный комплекс вооружения, на наш взгляд, мог на протяжении всего XIV в., однако особенности защитного снаряжения позволяют сместить датировку к середине-второй половине XIV в.» [5]. Само же захоронение у с. Бурты А.Г. Панкратов предлагает воспринимать как погребение «тяжеловооруженного копейщика, представителя военной элиты золотоордынского государства, захороненного на территории Южной Киевщины» [5, с. 233]. Учитывая указанные наблюдения, для нас важно другое: типологическая близость наверхий шлемов из с. Бурты и Кавказского района Краснодарского края, близость их формы, наличие «обручей» и пр., позволяют предполагать, что изначально шлем с Кубани, как и шлем из с. Бурты, мог иметь наносник и накладные «брови». А появление интересующих нас и сравниваемых кочевнических комплексов с Южной Киевщины и Северного Кавказа, чуть более ранние, чем предполагаемая А.Г. Панкратовым датировка, а с этнокультурной точки зрения, более заманчиво оба захоронения связывать с тем этнокультурным массивом кочевников, вышедшим из Поросья у южно-русских границ, оказавшихся не только в Поволжье, но и на Северном Кавказе [7]. Указанная миграция в северокавказский регион, как представляется, была осуществлена после 1260 г., когда войска Ногая из его домена, в который входило и Поросье, были переведены под Дербент для противостояний Хулагуидам [12, с. 160-162; 13, с. 208-215; 14, с. 212-223; 15, с. 138-150; 16, с. 204-212]. И переселение это представляло собой не «ограниченный воинский контингент», как полагают некоторые авторы, а происходило по характерному для тюрок и монголов принципу «освоения новых территорий».

Примечания

1. *Блохин А.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С.* Средневековые рыцари Кубани // *Материалы и исследования по археологии (МИА) Кубани.* – Вып. 3. – Краснодар: КубГУ, 2003. – С. 184-208.

2. *Бранденбург Н.Е.* Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей // *Труды X Археологического съезда в Риге, 1896 г.* – Т. I. – М., 1899. – С. 1-13.

3. *Горелик М.В.* Золотоордынские латники Прикубанья // Археология евразийских степей. № 5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. – Казань: ИА АН РТ, 2017. – С. 353-351.
4. *Горев С.В., Шабанов С.Б.* Три средневековых железных шлема из собрания Национального музея Тавриды // История и археология Крыма. – Вып. VI. – Симферополь: ИА Крыма РАН, 2017. – С. 137-144.
5. *Жуков К.А.* Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин. – 2009. – № 18. – С. 18-27.
6. *Кочкаров У.Ю., Нарожный Е.И.* Комплекс северокавказского защитного вооружения XIII-XIV вв.: назревшие задачи изучения // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 32. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 113-117.
7. *Кирпичников А.Н.* Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. – Вып. IV. – Л., 1959. – С. 220-224.
8. *Нарожный Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14 / под ред. А.Д. Пряхина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – С. 138-150.
9. *Нарожный Е.И.* Половцы или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа. – Вып. 2. – Армавир: Армавир. гос. пед. ин-т, 2003. – С. 212-223.
10. *Нарожный Е.И.* Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология Евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгресса. – Т. I. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – С. 204-212.
11. *Нарожный Е.И.* Кочевники XIII-XIV вв. на Северном Кавказе // Форум “Идель-Алтай”: мат-лы науч.-практ. конф. “Идель-Алтай”: истоки евразийской цивилизации, 1-го междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7-11 декабря 2009 г.): тез. докл. – Казань, 2009. – С. 160-162.
12. *Нарожный Е.И.* Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII-XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технология и империй: мат-лы III междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей / под ред. Н.Н. Крадина и А.Г. Ситдикова. – Владивосток: Дальнаука, 2017. – С. 208-215.
13. *Негин А.Е.* Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кипчака // Вестник Нижегородского государственного университета им. НИ. Лобачевского. – 2012. – № 6(3). – С. 2-70.
14. *Панкратов А.Г.* Комплекс защитного снаряжения из захоронения кочевника возле с Бурты. Технологические аспекты и временной период бытования // Война и оружие. Новые исследований и материалы: тр. Девятой междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 15-19 мая 2019 г.). – Ч. II. – СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2019. – С. 219-235.
15. *Прокофьев Р.В., Трубников В.В.* Позднокочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: сб. мат-лов семинара при Гос. ист. музее. – М., 2008. – С. 135-142.

16. Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 8. –Золотоордынское время. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2010. – С. 271-294.

Рисунок 1.

Шлемы и их навершия

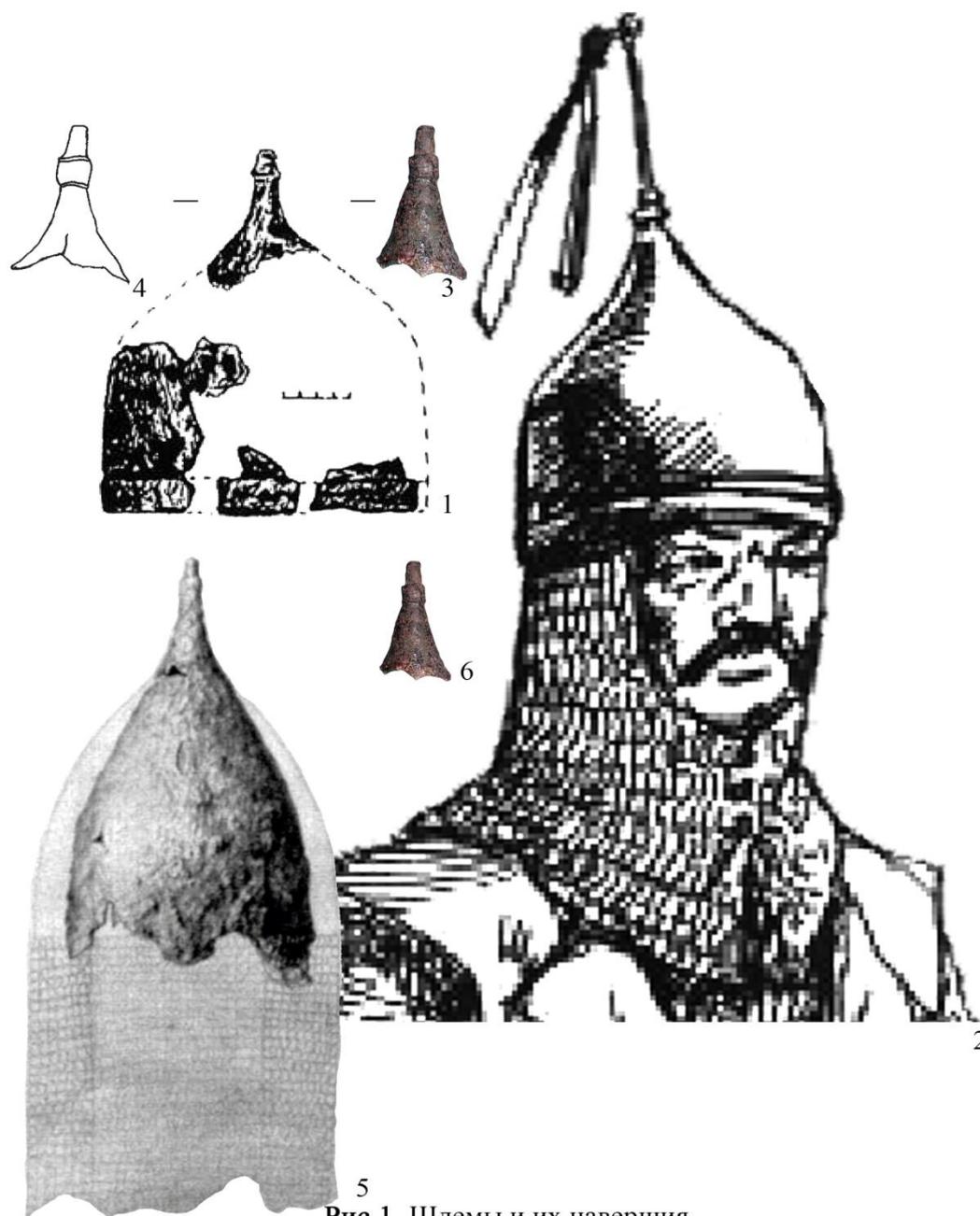


Рис.1. Шлемы и их навершия.

1-4 – Шлем (1) из Кавказского района, фото (3) и рисунок (4) его навершия (1-4 по А.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкину); 2 – фрагмент реконструкции защитного вооружения воина-кочевника из Кавказского района (по М.В. Горелику; (5 – шлем из захоронения кочевника у с. Бурты и навершие (6) этого шлема (5-6 по А.Г. Панкратову).

**О шлемах с козырьком с территории Северного Кавказа
(XIII-XIV вв.)**

В статье рассматриваются находки шлемов с козырьком, ныне известных и на территории Северного Кавказа. Эти находки из Краснодарского и Ставропольского краев и высокогорной Ингушетии статистически распределяются неравномерно. Отличаются они друг от друга и по характеру оформления своего корпуса, равно как и по технологическим признакам. Бытуя достаточно продолжительное время, генезис шлемов связывают с «монгольскими боевыми наголовьями», часть из которых, вероятно, была занесена в Восточную Европу еще в ходе монгольской военной экспансии конца 1230-1240-х гг. Допустимо предполагать, что впоследствии такие шлемы могли тиражироваться в Золотой Орде, откуда они могли попадать в высокогорье Восточного Предкавказья. Связано это могло быть как с известными миграциями северокавказских аланов в горы, а также и с военными трофеями горцев. Не исключаем мы и того, что некоторая часть таких шлемов, например, как и известный шлем Ос-Бакатара иранского производства, оказывались в тех горах и в результате разнообразных контактов горцев региона с населением соседней Грузии, находившейся в вассальной зависимости от Хулагуидского Ирана.

Ключевые слова: монгольские шлемы с козырьком, боевые наголовья кочевников Золотой Орды, шлемы с козырьком в горах Ингушетии, производственные центры, вооружение эпохи Золотой Орды.

**Narozhny V.E., Narozhny E.I.,
Russia, Karachayevsk**

**About helmets with a visor from the territory of North Caucasus
(XIII-XIV centuries)**

Article examines the findings of helmets with a visor, now known in the territory of North Caucasus. These finds from Krasnodar and Stavropol territories and mountainous Ingushetia are statistically unevenly distributed. They differ from each other in the nature of the design of their housing, as well as, in technological features. Having been around for quite a long time, the genesis of helmets is associated with the "Mongolian warheads", some of which were probably brought to Eastern Europe during Mongol military expansion of the late 1230s-1240s. It is permissible to assume that later such helmets could be replicated in the Golden Horde, from where they could get into the highlands of Eastern Caucasus. This could be connected both with the well-known mi-

grations of North Caucasian Alans to the mountains, as well as, with the military trophies of the highlanders. We do not exclude the fact that some of these helmets, for example, as well as the famous Os-Bakatar helmet of Iranian production, turned out to be in those mountains and as a result of various contacts of the highlanders of the region with the population of neighboring Georgia, which was in vassalage to Hulaguid Iran.

Keywords: Mongolian helmets with a visor, battle of Golden Horde nomads, helmets with a visor in the mountains of Ingushetia, production centers, weapons of Golden Horde era.

Дополняя нашу сводку 2013 г. находок воинских шлемов с козырьком на нижнем крае лицевой стороны, известных на тот момент на территории Северного Кавказа и Дона [1], недавно эту сводку дополнил Ю.А. Кулешов [2]. Этот же автор подчеркивает: «Шлемы с козырьком для Восточной Европы периода позднего средневековья прочно ассоциируются с золотоордынским комплексом вооружения [1, с. 306-311]», хотя «изначально козырек на шлемах появился на Дальнем Востоке, где он был заимствован монголами в ходе их завоевания Империи Цзинь» [3, с. 33-50]. На территорию Восточной Европы козырек как дополнительный защитный элемент боевых наголовий был занесен монголо-татарами в ходе их нашествия на Запад [4, с. 537-558]¹. В дальнейшем шлемы с козырьками прочно вошли в золотоордынский комплекс вооружения. На сегодняшний день мы можем констатировать, что в ряду ордынских боевых наголовий – это один из наиболее распространенных типов шлемов, а находки таких шлемов отмечены на всей территории Золотой Орды» [2, с. 217]. Здесь же, уже ссылаясь на работы Д.Ю. Чахкиева, Ю.А. Кулешов констатирует и то, что, «помимо Золотой Орды, подобные боевые наголовья встречаются в погребениях вайнахов XIV - первой половины XV в., комплекс вооружения последних был аналогичным ордынскому [5, с. 14-15]», предлагая «выделять две группы шлемов с козырьком Золотой Орды». Первая («ранняя из групп»), полагает исследователь, «возникла под влиянием шлемов «цзиньского» типа, неся на себе специфические признаки конструктивного и декоративного оформления [4, с. 537-558]. Шлемы этой группы не выходят за верхнюю границу первой трети XIV в. (? – авторы; поздняя группа, в которой козырек уже был видоизменен и вошел в конструкции шлемов, более характерных для Восточной Европы. Шлемы

¹ Нет смысла оспаривать данный факт, правда, задолго до Ю.А. Кулешова опубликованного в научной литературе [15].

этой группы, считает указанный автор, бытуют до первых десятилетий XV в.» [2, с. 217]¹.

Ю.А. Кулешов отмечает, что ныне он «располагает информацией о 30-ти шлемах, которые относятся к этой группе», территориально распределяющиеся следующим образом: Венгрия (Будапешт) – 1 экз.; Украина – 5 экз. Преобладающее их количество приходится на территорию России, где только с территории Краснодарского края Ю.А. Кулешов учел «11 экз.», из которых пока «опубликовано четыре» – 1. Калининский р-н, могильник близ хут. Малаи, курган 3/1 [6, с. 68-69, рис. 1]; 2. могильник в Калининском р-не, курган 13/1 [7, с. 103-104, рис. 1, 2]; 3. могильник Коллекторский, курган 2/14 [8, с. 120, с. 123, рис. 6,3]. Четвертый экз., который «ранее он не публиковался», т.к. «происходит из браконьерских раскопок в Краснодарском крае [2, с. 221, рис. 2,1-2]. Еще 1 экз. происходит с территории Ставропольского края (Александровский район, Калиновский могильник, курган 10 [9, с. 82-83, рис. 3,6]². Ю.А. Кулешов учел и находки интересующих нас шлемов и с территории Ингушетии, откуда по его данным известно уже «7 экз. ..., из которых опубликованы четыре» [2, с. 218]. Это шлем из «склепа № 2 у поселка Верхний Лейми [10, с. 95-97, рис. 11, 1]; из склепа №1 близ поселка Верхний Оздик [11, с. 95-97, рис. 11, 1]; из каменных ящиков № 1 Паметского могильника [12, с. 16, с. 26, рис. 2, 1] и каменного ящика № 67 Келийского могильника [13, с. 175, с. 177, рис. 2]» [2, с. 218]. Однако в эти данные необходимо внести некоторые коррективы: во-первых, из горной Ингушетии происходит еще одно боевое наголовье с козырьком (Шуан, полуподземный склеп), по форме и технологии изготовления близкое упомянутому выше шлему из погр. 67 Келийского могильника (не опубликован).

¹ Предположение, как представляется, не учитывает точки зрения Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, опубликовавших монгольские парадные шлемы с козырьком из Эрмитажа еще более позднего времени [14, с. 33-40].

² В специальной литературе упоминается еще один шлем, якобы, с козырьком, связанный с вещевым комплексом из ставропольского сел. Семеновод [20, с. 114]. Не оспаривая варианта первой публикации данного шлема М.В. Гореликом, И.В. Отюцким и Н.А. Охонько [21, с. 98, табл.1,7] и не подкрепляя свое предположение ни рисунками, ни разрезами приводимых фрагментов, В.Ю. Макласов, Л.Э. Макласова и С.Л. Кравцова пытаются убедить в этом читателя. Однако их предположение не убеждает, вызывая сомнения. Тем более, что остатки данного шлема, в отличие от указанной выше публикации, более внятно и конкретно, а также четко документированы серией более выразительных фото, в свое время представленных нам сотрудником того же музея – И.В. Отюцким [22, с. 111, рис. 1].

Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков, исследуя небольшую выборку более поздних «парадных шлемов» с козырьками, вслед за М.В. Гореликом рассматривают ранние их образцы как составную часть монгольского комплекса защитного вооружения [14, с. 33-40]. Предположение подтверждает и корреляция находок таких шлемов с погребениями кочевников, имевших северную, как считается, «монгольскую» ориентировку погребенных [1]. Исходя из указанных данных, предложенная Ю.А. Кулешовым двучастная группировка шлемов с козырьками, вероятно должна, действительно, предусматривать не только *раннюю* их группу, в которую должны входить шлемы, изготовленные еще на территории Центральной Азии (?) и занесенные в Восточную Европу в ходе чингизидской экспансии конца 1230-х - начала 1240-х гг. Логично считать, что необходимо речь вести и о *второй* группе шлемов, условно назовем ее *промежуточной* группой, включавшей в себя шлемы, представлявшие *варианты* привнесенных в Восточную Европу образцов. Последние, судя, например, по находкам шлемов из Ингушетии, являлись уже продукцией, скорее всего, золотоордынских оружейников и не только их. *Третья*, хронологически самая *поздняя* по времени группа шлемов, как отмечалось выше, анализировалась Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым.

Между тем, Ю.А. Кулешов совершенно прав в том, что многие из учтенных ныне шлемов могли быть «определенно связаны с оружейными мастерскими» различных регионов. Наблюдения на этот счет европейских коллег позволили Ю.А. Кулешову указать на доминирующую роль в этих процессах оружейных мастерских, например, «Аугсбурга и Нюрнберга», в которых «производство шлемов было массово налажено в XVI в. специально для восточноевропейского рынка», а «преемственность перешла к оружейным мануфактурам Южной Германии от итальянских морских республик». Последние, якобы, «были основными оружейными импортерами в Северное Причерноморье, включая Золотую Орду, начиная с конца XIII в. [2, с. 221; 16, с. 90-91]. По этой причине некоторые из своих публикаций Ю.А. Кулешов снабдил подзаголовком: «К вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии» [2]. Территориальные пределы «Генуэзской Газарии», в понимании Ю.А. Кулешова, не уточняются. А они, как представляется, ныне имеют, более или менее, определенные пределы [17-19].

Отмечая указанное предположение Ю.А. Кулешова как интересное, но явно требующее расширения и более убедительных аргументов, тем более, что он и сам признает отсутствие у каждого из таких шлемов каких-либо индивидуальных черт, явно отличающих шлемы друг от

друга, хотя элементы таких отличий, все-таки, присутствуют на тех или иных образцах. Отличия эти, как представляется, могут оказаться и показателем их принадлежности к совершенно разным ремесленным центрам. На это, например, указывает, как представляется, и выразительная коллекция из высокогорной Ингушетии. Отсутствие там явных подобных ремесленных центров, которые могли бы производить там такие или же иные шлемы, позволяет рассматривать появление там интересующих нас боевых наголовий самыми различными путями. В первую очередь, это касается части ныне известных в горах Ингушетии шлемов, в том числе и шлемов без козырьков [23, с. 490-494; 24, с. 182-196]. Они могли быть занесены туда, например, вместе с многочисленными аланскими мигрантами, переселение значительной части которых с равнинно-предгорной территории, происходило в виде разновременных «волн», в том числе и в золотоордынское время. Такая постановка вопроса ныне ни у кого не вызывает сомнений [24, с. 182-196; 25, с. 142-143; 26]. Кроме того, предметы защитного вооружения попадали в горы и как военные трофеи, что подтверждал, к примеру, Г. Рубрук. Описывая ситуацию в Предкавказье после известных событий конца 1230-х - начала 1240 гг., он сообщал о частых ночных выходах аланов¹ на Северном Кавказе из глубины горных ущелий к пастбищам монголов. При этом они не только угоняли их стада, но и «убивали вельмож», из-за чего воинам Сатаха приходилось караулить выходы из таких ущелий. Кроме того, находки в высокогорье Ингушетии (и не только Ингушетии) предметов вооружения различных категорий, редко своим происхождением связанных с вооружением Хулагуидов Ирана [27, с. 51-63], во владениях которых, как отмечал М.В. Горелик, также производилось вооружение, в том числе шедшее для продажи. Вероятно, некоторая часть шлемов с козырьками, могла именно оттуда распространяться и на сопредельных территориях, включая и высокогорье Ингушетии.

Примечания

1. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. О группе кочевнических погребений золотоордынского времени со шлемами с козырьком // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. / отв. ред. И.И. Марченко. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 306-311.

2. Кулешов Ю.А. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и

¹ Есть основания полагать, что Г. Рубрук под “аланами” мог подразумевать не представителей этого конкретного этноса, а разных горцев Северного Кавказа вообще.

технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) // Земля наша велика и обильна: сб. ст., посв. 90-летию А.Н. Кирпичникова / под ред. С.В. Белецкого. – СПб.: Невская типография, 2019. – С. 215-240.

3. *Кулешов Ю.А., Гусынин В.А.* Находки шлемов «цзиньского типа» с территории Восточной Европы // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века: сб. науч. ст.: в 2 т. – Т. 2. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. – С. 33-50.

4. *Кулешов Ю.А.* Об одной серии ранних золотоордынских шлемов из музейных коллекций Украины и Болгарии // Добруджа. № 32: сб. в чест на 60 години проф. д.и.н. Г. Атанасов. – Силистра: Българска първо издание, 2017. – С. 537-558.

5. *Чахкиев Д.Ю.* Золотоордынские черты в военном деле вайнахов (XIII-XV вв.) // Первые “Ахриевские чтения”: ТД НПК. – Назрань: Госиздат, 1994. – С. 14-15.

6. *Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В.* Половецкие погребения из Восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. – Вып. 8. – Армавир; М.: Армавир. краев. музей, 2002. – С. 68-71.

7. *Нарожный Е.И., Чхаидзе В.Н.* Золотоордынское воинское погребение в Калининском районе Краснодарского края // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. – 2012. – № 1-2(4-5). – С. 102-105.

8. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. – 2010. – № 1. – С. 110-125.

9. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // Археологический журнал / под ред. Е.И. Нарожного. – 2008. – № 2. – С. 79-88.

10. *Чахкиев Д.Ю.* Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии / отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Ин-т истории, социологии и философии, 1985. – С. 60-68.

11. *Чахкиев Д.Ю.* Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в Горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990. – С. 80-100.

12. *Чахкиев Д.Ю.* Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника Горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии / отв. ред. Д.Ю. Чахкиев. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – С. 15-27.

13. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Поволжская археология (Казань). – 2012. – № 2(2). – С. 173-183.

14. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Парадные монгольские шлемы эпохи позднего средневековья из собрания Государственного Эрмитажа // Археология, этнография и антропология Евразии (Новосибирск). – 2006. – № 3(27). – С. 33-40.

15. *Горелик М.В.* Ранний монгольский доспех (IX - первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163-208.

16. *Кулешов Ю.А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – Казань: ФЭН, 2010. – С. 73-97.

17. *Бочаров С.Г.* Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей “Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй”. – Владивосток: Дальнаука. – С. 57-63.
18. *Бочаров С.Г.* Археология Венецианской Газарии XIII-XV вв. Определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры (М.-Магнитогорск). – № 4. – 2017. – С. 233-249.
19. *Бочаров С.Г.* Археология Генуэзской Газарии XIII-XV вв. Определение термина // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология (Белгород). – 2018. – Т. 45. – № 1. – С. 35-49.
20. *Макласов В.Ю., Макласова Л.Э., Кравцова С.Л.* Золотоордынские шлемы из коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе // Археология евразийских степей (Казань). – 2018. – № 4. – С.113-119.
21. *Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А.* Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. – 2011. – №. 1. – С. 97-100.
22. *Нарожный Е.И.* Шлем из разрушенного кочевнического захоронения у посёлка Семеновод // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. – 2011. – № 1. – С. 101-104.
23. *Нарожный Е.И.* Этнокультурные процессы XIII-XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 2. – М.-Суздаль: ИА РАН, 2008. – С. 490-494.
24. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова. – Вып. IV. – Назрань, 2012. – С. 182-196.
25. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII-XIV вв. (Горная Ингушетия) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII: Крупновские чтения. 1971-2006 гг. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 942-943.
26. *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении ингушей // XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Древний Кавказ: ретроспектива культур (Нальчик, 26-29 мая 2006 г.): тез. докл. конф. – Нальчик, 2006. – С. 53-55.
27. *Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* О некоторых видах вооружения XIII-XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Магас: древний и современный: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Магас, 12 апреля 2021 г.): сб. ст. – Ростов н/Д: ООО “Южный издательский дом”, 2021. – С. 51-63.

Открытие духовной семинарии в Таврической епархии

В данной статье рассмотрен процесс открытия духовной семинарии в самостоятельной Таврической епархии. Показаны трудности по организации учебного процесса. Обозначена роль в создании семинарии епископа Гурия (Карпова). На основе проведенного исследования автором поставлена проблема устройства религиозного образования таврического духовенства и прихожан.

Ключевые слова: Россия, Таврическая духовная семинария, Гурий (Карпов), Алексей (Ржаницын), Святейший Синод, священнослужители.

**Dik G.V.,
Russia, Evpatoria**

Opening of the theological seminary in Tauride Diocese

This article discusses the process of opening a theological seminary in an independent Tauride diocese. The difficulties of organizing the educational process are shown. Role of Bishop Guria (Karpov) in the creation of the seminary is indicated. On the basis of the conducted research, the author poses the problem of the organization of religious education of the Tauride clergy and parishioners.

Keywords: Russia, Taurida Theological Seminary, Guriy (Karpov), Alexey (Rzhanitsyn), Holy Synod, clergy.

В 2023 г. в Крыму свой 150-летний юбилей с момента основания отмечает одно из старейших учебных заведений полуострова – Таврическая духовная семинария в г. Симферополе.

Начальные шаги в деле открытия в Таврической епархии духовной семинарии были уже предприняты первым фактическим архиереем – епископом Алексием (в миру Руфин Иванович Ржаницын) (1812-1877), который многократно обращался в Святейший Синод с ходатайством о разрешении открыть в г. Симферополе духовную семинарию. Однако за неимением средств этому не удалось осуществиться [1, с. 143]. Идея открытия семинарии перешла к его преемнику по кафедре – Гурию (в миру Григорий Платонович Карпов) (1814-1882), возглавлявшему Таврическую епархию с 1867 г. по 1882 г.

Материалы со страниц официального церковного журнала «Таврические епархиальные ведомости» сообщают, что уже спустя 18 дней

по прибытии в Симферополь, епископ Гурий 2 марта 1868 г. поднял перед Таврической Духовной Консistorией вопрос об открытии семинарии, ввиду увеличения количества церквей и молитвенных домов, а, следовательно, и появления нужды в священнослужителях [2, с. 1065]. Для решения этой проблемы при Консistorии был создан специальный орган, получивший название «Комитет по изысканию средств к открытию и содержанию семинарии в Таврической епархии».

Члены Комитета рассмотрели и приняли в качестве допустимого количества учащихся семинарии во всех шести классах – всего 150 чел. На содержание этого числа учеников, а также положенного по штату преподавательского коллектива и различных хозяйственных нужд, требовалось ежегодно не менее 26 тыс. руб.

Духовенство Таврической епархии поддержало идею открытия семинарии, поскольку были очевидны неудобства из-за необходимости обучать желающих принять священный сан в семинариях других епархий. Поэтому епархиальный съезд духовенства в сентябре 1868 г. решил установить необходимые отчисления в семинарский фонд из сумм церковных епархиальных взносов, а также от свечного дохода и сумм епархиального свечного завода. Таким образом, вопрос о существовании семинарии получил вполне благоприятное решение.

Епископ Гурий направил в Святейший Синод ходатайство об открытии в Таврической епархии духовной семинарии. На свой запрос он получил ответ – открытие Таврической семинарии произвести постепенно в течение шести лет, начиная со второй половины 1870 г. Кроме того, было решено следующее. Хозяйственные расходы по найму и содержанию семинарского дома, по содержанию казенных студентов, эконома, врача, секретаря правления и писцов, а также больницы, библиотеки, физического кабинета и др., на покрытие которых по проектированному штату назначалось до 15 тыс. руб., отнести полностью на местные епархиальные средства. Остальные расходы на жалование непосредственно администрации и преподавателям семинарии в количестве 13700 руб. принять на средства Святейшего Синода. Из этой суммы исключались выплаты пенсий и классовых окладов лицам, не стоявшим на духовно-училищной службе, относимых на местные средства епархии.

Кроме того, от свечного дохода епархии, поступавшего в сумме сметного назначения по состоянию на 1866 год (более 19 тыс. руб.) в составе духовно-учебного капитала, предоставлялось в распоряжение духовенства. Ввиду постепенного открытия семинарии, сумма была разделена следующим образом: в первом году – 3800 руб., во втором – 5600 руб., в третьем – 7400 руб., в четвертом – 9560 руб., в пятом –

11480 руб., в шестом и последующих годах по 13700 руб. Однако впоследствии планировалось, чтобы и эти расходы постепенно были переводимы на местные средства.

При поэтапном открытии классов семинарии предоставлялось Владыке Гурию перемещать в те классы детей духовенства Таврической епархии, обучавшихся в соответственных классах Херсонской семинарии [3, с. 35-36].

До тех пор, пока не будет построено постоянное здание для семинарии, епископу Гурию Синод разрешил снимать любое помещение на сумму в размере 1800 руб. ежегодно. Вместе с этим, епископу поручалось в ближайшее время найти подходящее постоянное помещение для семинарии, которое бы соответствовало требованиям семинарского устава. В нем должны быть: квартиры для ректора, инспектора, эконома; достаточное помещение в классах для занятия; отдельное помещение для семинарского больничного кабинета (больницы). Кроме того, в случае нужды епископ Гурий мог ежегодно подавать прошение (согласно определению Святейшего Синода от 1 ноября 1863 г.) о бесплатной выдаче из синодальных книжных запасов учебных книг для снабжения ими казенных студентов семинарии.

К предложению обер-прокурора Синода было приложено и само прошение епископа Гурия по делу об открытии семинарии с проектом ее преподавательского штата. Открытие семинарии требовало больших денежных ресурсов, которых часто не хватало. Например, среди преподавателей не значился преподаватель еврейского языка. Это объяснялось так: положенные по уставу внеклассные предметы – еврейский язык, церковное пение, иконописание и гимнастика – планировалось вводить в преподавание по мере поступления средств на это [3, с. 37-38].

5 сентября 1869 г., в воскресный день после Божественной Литургии император Александр II принял в своем имении в Ливадии епископа Гурия. Выслушав благодарность Владыки за оказанную духовенству Таврической епархии милость в разрешении иметь свою семинарию, император сказал: «Я рад, что устроилось. Надеюсь, что дело пойдет у вас в порядке, что ваша семинария даст людей полезных, добрых, истинных пастырей» [4, с. 97-98].

В 1873 г. прошло торжественное освящение и открытие Таврической духовной семинарии, ставшей 52-й из существовавших в то время семинарий в России и второй из открытых на юге страны в царствование Александра II. Администрация семинарии начала вести подготовку к набору воспитанников. Ею были разосланы запросы о количестве обучающихся уроженцев Таврической епархии в Екатерино-

славскую и Одесскую семинарии. Начали поступать прошения на поступления и перевод. Всего на первый прием поступило 85 прошений. Из них в первый класс принято 23 чел., во второй – 12 чел., в третий класс – 22 чел., в четвертый – 11 чел. Первым ректором семинарии назначили протоиерея Александра Брянцева, который ранее был законоучителем Киевского Института благородных девиц. Преподавательский состав формировался из числа выпускников Киевской и Санкт-Петербургской Духовных Академий [5, с. 949].

11 октября 1873 г. все семинарские здания были окончательно переданы строительным комитетом правлению семинарии. Акт передачи был скреплен подписями членов правления и строительного комитета. 24 октября обо всем этом сообщили Хозяйственному управлению. Однако Комитет пока не прекращал своего существования, поскольку необходимо было подвести итоги столь грандиозного дела и составить подробный отчет о постройке. Когда все это было исполнено, то Комитет счел свою миссию законченной и был закрыт резолюцией епископа Гурия от 21 сентября 1874 г. С этого времени заботы о благосостоянии новой семинарии полностью возлагались на попечительный надзор администрации семинарии.

Подводя итоги, необходимо отметить материальные и организационные трудности, с которыми столкнулось таврическое духовенство, а также особое внимание к открытию семинарии известного церковного деятеля и миссионера Гурия (Карпова).

Примечания

1. *Левитский И.* Симферопольское духовное училище // Таврические епархиальные ведомости. – 1901. – № 3. – С. 142-144.
2. О постройке Таврической Духовной семинарии // Таврические епархиальные ведомости. – 1873. – № 24. – С. 1063-1075.
3. Об открытии семинарии в Таврической Епархии // Таврические епархиальные ведомости. – 1869. – № 2. – С. 35-40.
4. Императорский прием епископа Гурия в Ливадии // Таврические епархиальные ведомости. – 1869. – № 4. – С. 97-98.
5. Торжество открытия Таврической Духовной семинарии в г. Симферополе. – Симферополь: Таврич. губ. тип., 1873. – 951 с.

Место церкви в жизни малого населенного пункта второй половины XIX в. – начала XX в. (на примере церкви Святого Пантелеймона Целителя в станице Славянской)

На примере первой церкви станицы Славянской показывается место и роль храма в жизни общества малого населенного пункта второй половины XIX в. – первой половины XX вв. Храм являлся культурным центром общества. Развивая церковь, общество выстраивало свою культуру в соответствии со своими традициями и религиозными нормами. Развитие гражданских основ культуры ведет к уменьшению значимости церкви как традиционного культурного центра.

Ключевые слова: Кубань, станица Славянская, церковь, культура, кладбище, некрополь, религия.

**Lopin K.B.,
Russia, Krasnodar**

The place of church in life of a small settlement in the second half of 19th - early 20th centuries (on the example of the Church of St. Panteleimon Healer in village of Slavyanskaya)

On the example of the first church of village of Slavyanskaya, the place and role of the temple in the life of the society of a small settlement in the second half of 19th - first half of 20th centuries is shown. The temple was the cultural center of the society. Developing the church, society built its culture in accordance with its traditions and religious norms. The development of civil foundations of culture leads to a decrease in the importance of the church as a traditional cultural center.

Keywords: Kuban region, stanitsa Slavyanskaya, church, culture, cemetery, necropolis, religion.

В 1865 г. у паромной переправы через р. Протоку возле упраздненного Копыльского поста была основана станица Славянская (современный город Славянск-на-Кубани). Место для нее было выбрано обжитое. Во времена Крымского ханства с 1747 г. по 1777 г. здесь располагался город-крепость Ени-Копыл. После 1783 г. и до окончания Кавказской войны его цитадель была известна как Копыльский кордон (пост). Рядом с ним в 1794-1796 гг. находилось Джерелиевское куренное селение, а перед этим непродолжительное время – селение у Черной Протоки. В начале второй половины XIX в. у оборудованной переправы располагалась Копыльская почтово-ямская станция № 5. Чуть

ниже по течению располагался небольшой хутор из нескольких хат. Причиной возникновения крупного постоянного поселения на этом месте стало укрепление российского присутствия на Кубани после окончания Крымской и Кавказской войн.

Территория новой станицы застраивалась в соответствии с планом. На сохранившемся чертеже поселения конца 1860-х – начала 1870-х гг. видно его деление по гипподамовой (прямоугольной) системе на примерно равные кварталы. Центральный квартал отводился под церковь и церковный двор (далее – двор). В настоящее время здесь расположен сквер Памяти (парк «40 лет Победы») у Городского дома культуры им. Бондаренко (далее – ГДК). Рядом пролегла столбовая дорога, делившая станицу пополам. Дорога и такое деление города сохраняются до сих пор. Центральное расположение двора должно было обеспечить удобность посещения церкви всеми станичниками и стать основным местом их сбора. По соседству с двором располагались образовательные учреждения. Так изначально был заложен исторический и культурный центр поселения, сохраняющий такую же структуру и статус до наших дней, хоть и с кардинальным изменением внешнего облика.

Во второй половине XVIII в. будущую территорию двора занимали окраины татарского города-крепости Ени-Копыл, покинутого жителями в 1777 г. Дореволюционный кубанский историк Е.Д. Фелицын отмечал, что от северо-восточной части Ени-Копыльской крепости к северо-западной части церковной площади (район автобусной остановки у здания ГДК) на расстоянии шагов 15 друг от друга и на протяжении четырёх кварталов тянулись две гряды. Проведенные им небольшие раскопки показали, что это, вероятнее всего, были остатки торговых рядов. После заселения станицы жители находили здесь керамическую и металлическую посуду, предметы быта [12, с. 18-19]. Гряды сохранялись до конца 1870-х гг.

В первые годы существования станицы ее жителям полноценную церковь возвести не удалось. Причина заключалась в финансовом вопросе – станичное правление не располагало такими средствами, а станичники не имели значительных денежных сумм для пожертвований. Отметим, что население станицы оставалось еще малочисленным. Состояло оно, преимущественно, из казаков, бывших еще несколько лет назад крестьянами, в том числе крепостными, а также казаков-переселенцев из соседних кубанских станиц. Состав переселенцев, в основном, составляли небогатые семьи, которые переселялись со старых мест жительства в надежде на улучшение своего благополучия в результате получения новых земель под ведение своих хозяйств. Командующий

войском Кубанской области Ф.Н. Сумароков-Эльстон в июле 1866 г., находясь в станице, отмечал, что ее жители терпят крайний голод из-за недостатка хлеба. Им был инициирован заем для наиболее бедных семей зерна в магазинах соседних станиц, но долг они смогли погасить только в 1872 г. в административно-принудительном порядке [7, л. 2-52].

Отсутствие церкви в первую пару лет существования станицы вынуждало ее жителей пользоваться услугами церковей соседних населенных пунктов, что вызывало крайние неудобства. Соседние поселения с церквями располагались не близко, а грунтовые дороги в непогоду становились труднопроезжаемыми.

В 1867 г. в ст. Славянскую из станицы Сторожевой переселились семьи трех братьев Болотенко. По данным, полученным от их потомков, семьи отличалась набожностью и приверженностью традициям. С собой они привезли походную шатровую церковь, использовавшуюся в станице до возведения молитвенного дома в 1868 г. [2] Построен дом был на средства станичников, причем это здание было деревянным с соломенной крышей. А рядом на трех столбах висели колокола. Построенный дом в полной мере выполнял функции церкви, поскольку в нем проводились службы и велся учет населения, о чем свидетельствует наличие сохранившихся метрических книг с начала 1870-х гг. Вместе с тем, габариты строения не соответствовали количеству растущего населения станицы и ее статусу.

В 1868 г. и последующих годах в станицу переселилась часть жителей упраздненной станицы Екатеринодарской в количестве 52 семей. В 1874 г. они обратились к войсковому правительству с просьбой выплатить им деньги для строительства церкви в ст. Славянской. Мотивировали они это тем, что в бытность их жизни в станице Екатеринодарской на средства жителей войскового сословия построили 2 церкви – во имя святого Великомученика Димитрия и во имя святой Великомученицы Екатерины. После упразднения станицы церкви были взяты на довольство жителям податного сословия г. Екатеринодара, которые компенсировали финансы, затраченные на их строительство. Полученные от них средства стали возвращать бывшим жителям станицы Екатеринодарской, проживавших на то время уже в разных населенных пунктах Кубанской области [6, л. 1-5]. По факту церкви были выкуплены у бывших прихожан новыми.

Выплаченных денег и пожертвований хватило на возведение полноценной церкви. В конце 1877 г. Кавказская епархия дала разрешение на строительство церкви во имя святого Великомученика и целителя Пантелеимона за счет средств прихожан. Под руководством местного

священника Павла Павлова и из избранных обществом церковного старосты урядника Тараса Ногния и казака Стефана Васильевича Болотенко был создан строительный комитет [8, с. 5].

Пантелеимон, имя которого носила церковь, по преданию, жил в Никодимии в III в. и был успешным целителем, учеником императорского целителя. За отказ отречься от Христа при императоре Максимиане Геркулии его убили.

По воспоминаниям представителей семьи Болотенко, их предки строили станичную церковь силами всех семей. Помимо несения казачьей службы, а также ведения приусадебного и хуторского хозяйства, они занимались чумачеством (торгово-перевозной промысел), имея несколько десятков пар волов. Поэтому они осуществляли подбор, приобретение и доставку стройматериалов. Здание церкви возводилось по типовому проекту – это была шатровая и двухпрестольная церковь. Таковую же церковь вскоре возвели в станице Ивановской. Церкви такого архитектурного типа были широко распространены на юге России. К примеру, аналогичная, но более поздняя по времени возведения, церковь Иоанна Богослова находится в г. Миргороде Полтавской области.

Построили церковь в 1880 г., а в следующем году совершили ее освящение. При церкви имелся придел в честь Покрова Пресвятой Богородицы [11, с. 150-151]. Здание было деревянным, возведенным на высоком кирпичном фундаменте размером около 35,5x22,5x11 м, ориентированным по сторонам света. Располагалось оно в северной части квартала между современными воинскими монументами в центральной части сквера и по ул. Школьной. Церковь была побелена – белый цвет означал божественность. Купола покрыты металлом и окрашены в зеленый цвет, означающий животворение и вечную жизнь. Венчали церковные купола четырехконечные кресты, распространенные, главным образом, на юге России. В церкви имелись три ступенчатых входа – с запада, юга и севера. Западный вход находился у современного воинского монумента с вечным огнем, расположенного в настоящее время в центре сквера. Рядом с церковью располагалась звонница на двух столбах.

Церковный двор был обнесен деревянным решетчатым забором, замененным в начале XX в. на металлическую ограду с кирпичным фундаментом. В восточной части церковного двора расположили кирпичную сторожку, причем службу в ней нес наряд, как правило, состоявший из казака. Это подтверждает статус церкви как культурного центра станицы. Рядом с ней располагался кирпичный дом священника с камышовой крышей. В 1897 г. на деньги прихожан построили церковно-приходское одноклассное училище [1, с. 41].

Основные средства на содержание церкви шли от сдаваемых в аренду участков на двух земельных наделах размером 60 и 160 десятин, выделенных приходу из станичного юрта в 1870 г. Помимо этого, совершались также общественные и частные пожертвования. Жертвовали деньги и предметы внутреннего убранства – хоругви, иконы, потиры, книги и др.

По плану здание должно было вмещать до 1 тыс. чел., поскольку строилось из расчета численности жителей станицы в несколько тысяч человек. Однако с быстрым ростом населения до 20 тыс. чел. в начале XX в. оно перестало соответствовать необходимой вместительности. Все это вынудило возвести две дополнительные церкви – кладбищенскую и вторую основную.

В памяти очевидцев церковь не оставила ярких образов, хотя и считалась важным сакральным строением. В.Н. Иванис в своих воспоминаниях так описал церковь на 1893 г.: «Недалеко от реки была маленькая деревянная церковь ...Площадь около церкви занимала один блок. С обеих сторон этой площади протянулись две широкие улицы без названий» [14, с. 41].

На рубеже XIX-XX вв. напротив восточной оконечности церкви у ограды были погребены двое священников. На могиле одного из них установили памятник: на высоком постаменте стоял скорбящий ангел со сложенными крыльями и опущенной головой. Такие памятники были повсеместно распространены на могилах зажиточных людей в конце XIX в. – начале XX в. и до сих пор встречаются на старых кладбищах крупных городов.

По свидетельству О.Я. Осиповой, этот памятник стоял у одного из могильных холмиков еще во второй половине 1950-х гг. Тогдашние взрослые говорили, что там похоронены священники. Чуть поодаль, среди деревьев, располагалось еще несколько могилок [5]. Наличие могил священников в этом месте было также подтверждено В.И. Болотенко [3].

Осенью 1918 г. в пределах двора были произведены погребения двух красных партизан, погибших при освобождении станицы от белогвардейцев. Подобные погребения совершались в соответствии с ранее действовавшим законодательством, позволявшим хоронить у церковью внутри населенных пунктов исключительно священников или особо знаменательных личностей. В первые годы Советской власти такое погребение повышало статус погребенных, делало их народными героями, символом народной борьбы и победы над старым государственным строем. Это не только уравнивало их с ранее погребенными знаменательными личностями, но и предполагало их почитание заменой почи-

тания погребенных в дореволюционное время. В настоящее время над этими погребениями расположен монумент, входящий в парковый ансамбль. Существуют косвенные данные о погребении во дворе у ограды в первой половине XX в. нескольких детей.

Во второй половине 1930-х гг. в стране активизировалась борьба с религией, в рамках которой происходили закрытия приходов и разрушения церквей. В 1936 г. церковь в ст. Славянской также решили снести [1, с. 28]. По воспоминаниям И.А. Болотенко (со слов его внучки И.В. Болотенко), на купол часовни повязали веревку и потянули ее лошадьми, причем часовня не выдержала и рухнула целиком [4]. По всей видимости, также были стянуты остальные небольшие башни, а затем разобрано основное здание.

Во время оккупации ст. Славянской в 1942-1943 гг. в церковном дворе расположилось кладбище немецких и румынских военнослужащих. После освобождения станицы в марте 1943 г. надгробные сооружения оккупантов убрали, но эксгумации не проводились.

В это же время рядом с могилами священнослужителей был похоронен летчик, Герой Советского Союза Н.Д. Кудря и сотни советских бойцов, освобождавших станицу. В последующие года обнаруживаемые останки красноармейцев дохоранивались в эту же братскую могилу, которая окончательно оформилась в 1955 г. В 1947 г. со станичного кладбища в могилу, расположенную у могилы красных партизан, перенесли останки советских летчиков, погибших над ст. Славянской в декабре 1942 г. В 1975 г. рядом с могилой красных партизан перезахоронили останки станичников, расстрелянных в августе 1942 г. В одной братской могиле было погребено 672 советских военнослужащих, а в другой – 53 расстрелянных мирных жителей [13, с. 66,85].

Так в течении XX в. на территории бывшего церковного двора сформировался некрополь. Начало ему было положено в дореволюционное время единичными погребениями священников, но ядром стали братские могилы советских граждан, погибших в 1942-1943 гг.

В 1958 г. некрополь был оформлен в виде сквера. Примерно там, где ранее располагался западный церковный вход, установили памятник В.И. Ленину. Позже его перенесли к Дому Пионеров, а на его месте установили воинский монумент с вечным огнем. На могилах красных партизан и погибших в 1942-1943 гг. советских граждан установили монументы. В 1955-1958 гг. был демонтирован памятник на могиле священнослужителя и убрана церковная ограда. Куда делось это надгробное сооружение доподлинно неизвестно, но существуют воспоминания местных жителей, что некий памятник в сквере ломали трактором [3]. Вероятнее всего, это и был памятник в виде ангела, который не

вписывался во внешний облик братской могилы красноармейцев с могилой Героя Советского Союза.

Чуть ранее, в 1953 г. у бывшего церковного двора началось строительство станичного Дома Культуры (современный ГДК). Он должен был стать новым культурным центром станицы вместо разрушенной церкви, вершиной «гражданской» культуры вместо бывшей «религиозной». Расположить его на месте церкви не представлялось возможным, поскольку оно было занято некрополем.

В настоящее время расположение ГДК у бывшего церковного двора породило местный исторический миф о том, что здание стоит на месте храма, а церковная площадь стала местом гуляний. Этот миф нашел отражение и в статье, посвященной первой церкви в ст. Славянской [9, с. 22]. Авторы этой статьи не учли того факта, что основная ось здания ГДК расположена в одной линии с серединой дороги ул. Гриня (ранее ул. Церковная). Это показывает, что до возведения ГДК на его месте проходила дорога, а основой площади перед ним стал перекресток улиц. Кроме того, ими не учтен и факт того, что дореволюционные улицы закладывались широкими.

Проигнорировано также и то обстоятельство, что изначально все строения располагались исключительно внутри кварталов, а не на дорогах. Дороги, окружавшие церковный квартал со всех четырех сторон, существовали с основания станицы, что отражено на станичных планах разных лет. Авторами указанной статьи не было приведено источников или ссылок на данные, утверждавшие о расположении церкви на месте ГДК. Кроме того, существуют фотографии 1953 г., запечатлевшие дорогу на ул. Гриня между ул. Красной и ул. Ковтюха и момент разметки на ней площадки под строительство ГДК. На них же видна церковная ограда, ограждающая двор от тротуара, отделенного от дороги водосточной канавой. Никаких могил или свидетельств о наличии более ранних строений на снимках нет.

Странно звучит и посыл авторов о том, что бывшая церковная площадь стала местом народных гуляний. Во-первых, площади как раз и создаются для массовых собраний в честь знаменательных событий. В дореволюционное время это были праздники, в том числе церковные, приведения к присягам в честь венчаний на царствование и т.п. Во-вторых, наличие церковной площади у рассматриваемой церкви спорно. В целом, это был церковный двор, засаженный деревьями и в границах которого располагалась церковь с административно-хозяйственными строениями, о чем свидетельствуют фотографии двора начала XX в.

Второй местный исторический миф расширяет первый. Согласно ему, церковь стояла на месте ГДК, а на месте двора до 1914 г. располагалось «первое» станичное кладбище. Отражение этого мифа можно найти и в справочнике по истории г. Славянска-на-Кубани [10, с. 32]. Согласно ему, старое кладбище в городе возникло у Свято-Успенской церкви в 1914 г. Однако, на старом кладбище сохранились памятники с 1875 г. Не учтен также факт того, что у многих славянцев на этом кладбище погребены предки, умершие до 1914 г. Кроме того, не учтено расположение кладбища и его конфигурация, свидетельствующие о том, что его территория изначально была выделена за границами станицы. Также не учтен факт законодательного запрета с конца 1770-х гг. на расположение образуемых кладбищ внутри населенных пунктов в связи с карантинными мерами. В справочнике не приводятся данные о, якобы, существовавшем кладбище у ГДК, не уточняется его судьба после 1914 г. Причина проста – воспоминаний о нем и документально подтвержденных данных его существования нет. Факт открытия кладбища у Свято-Успенской церкви в 1914 г. явно увязывается автором с датой строительства этой церкви, возведенной практически через полвека после появления первых могил.

В 2012 г. одним из поисковых отрядов в парке «40 лет Победы» были проведены эксгумации останков немецких военнослужащих, погребенных в 1942-1943 гг. В ходе работ обнаружили также погребения священнослужителей и остатки фундамента одного из административно-хозяйственных строений во дворе у месторасположения церковной ограды на ул. Церковной (современная ул. Гриня). Очевидцами раскопок он был неправильно интерпретирован как фундамент церкви, якобы уходящий под ГДК. При этом повторялись все недочеты, допущенные при построении первого мифа. Наличие у восточной окраины парка останков священников и обнаружение у северной окраины нескольких детских останков стало основанием предположения, что здесь располагалось целое дореволюционное кладбище. Однако данных об обнаружении дореволюционных погребений по всей площади бывшего двора нет.

В основе обоих мифов лежит слабое знание истории станицы, недостаточная работа с историческими источниками и вольная интерпретация отдельных находок при поисковых работах на территории бывшего двора и более позднего некрополя.

История церкви показывает, что она являлась культурным центром станицы и выполняла не только функции удовлетворения религиозных потребностей прихожан. Ею выполнялись также административная, образовательная и объединяющая жителей функции. Создание и

функционирование церкви было инициировано и осуществлено старинным обществом. Причем это был общественный запрос, а не административно навязанная необходимость.

Функционирование церкви как основного культурного центра жизни славянцев отвечало реалиям дореволюционных устоев. Смена Россией государственной формации в годы Гражданской войны повлекло изменения и в культурной жизни общества. Следствием таких изменений стала политика борьбы с религиями и сокращение религиозных учреждений. Культура уходила от религиозного восприятия мира и ориентировалась на гражданско-атеистическое. Проявлением этого процесса стало разрушение церкви и последующее возведение рядом с ее местоположением нерелигиозного гражданского центра культуры – городского Дома Культуры.

Территория двора в ст. Славянской, в силу трагических обстоятельств, была переформатирована в некрополь. Несмотря на изменение статуса и внешнего облика, она осталась культурным центром современного города Славянск-на-Кубани, а ее история в некоторой степени отразила судьбу нашей страны.

Примечания

1. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Славянск-на-Кубани и Славянский район: страницы истории. – Краснодар: Сов. Кубань, 1995. – 174 с
2. Архив автора. Воспоминания, 2015 г. Лопина (Карпенко) Г.И., 1943 г.р., г. Славянск-на-Кубани.
3. Архив автора. Воспоминания, 2023 г. Болотенко В.И., 1939 г.р., г. Славянск-на-Кубани.
4. Архив автора. Воспоминания, 2023 г. Болотенко И.В., 1972 г.р., г. Славянск-на-Кубани.
5. Архив автора. Воспоминания, 2023 г. Осипова (Петренко) О.Я., 1951 г.р., г. Таллин.
6. Государственный Архив Краснодарского Края (ГАКК). – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 2200.
7. ГАКК. – Ф. 668. – Оп. 4. – Д. 1.
8. Кавказские епархиальные ведомости за 1878 (6-й) год. – № 1-24. – Ставрополь: тип. Губ. Правления, 1878. – 898 с.
9. Ластовка О.А., Хохлова В. Свято-Пантелеимоновский храм г. Славянск-на-Кубани // Копыл. – 2014. – № 3(11). – С. 16-21.
10. Решмет Д.А. Что? Где? Когда? В Славянском районе: к 95-летию со дня образования. – Краснодар: Диапозон-В, 2019. – 304 с.
11. Селиверстов А.В. Все храмы края: иллюстрированная история всех храмов Краснодарского края (Кубанская митрополия): в 2 т. – Т. II. – Краснодар: Традиция, 2020. – 336 с.

12. *Фелицын Е.Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник: труды Кубанского областного статистического комитета. – Т.V. – Екатеринодар: тип. Кубан. Обл. Правл., 1899. – С. 1-35.

13. *Фуфалько Б.Д.* Славянский район: историко-географические сведения: социально-экономический справочник. – Краснодар: Диапазон-В, 2012. – 173 с.

14. *Иванис Василь.* Стежками життя. Спогади. Книга перша. – Торонто (Канада): Impreso en Argentina: Editorial “Peremoha”, 1958. – 192 с.

УДК 908:94(470.41)

АБУЛХАНОВА Р.Г.,
Россия, г. Набережные Челны

Лесозавод «Республиканец» в г. Набережные Челны: страницы истории

В статье дан обзор истории строительства и работы одного из старейших предприятий г. Набережные Челны – лесозавода «Республиканец», построенного еще до Великой Октябрьской революции известными представителями купеческой династии Стахеевых. Автор показала основные этапы развития этого предприятия вплоть до середины XX в. Лесозавод прекратил свое существование в связи с затоплением его территории Нижнекамским водохранилищем и созданием новых предприятий.

Ключевые слова: краеведение, Набережные Челны, лесозавод «Республиканец», купцы Стахеевы, Гражданская война, Великая Отечественная война, рабочие, пиломатериалы, клуб, Нижнекамское водохранилище.

**Abulkhanova R.G.,
Russia, Naberezhnye Chelny**

Timber mill “Republican” in Naberezhnye Chelny: pages of history

Article provides an overview of the history of construction and operation of one of the oldest enterprises in Naberezhnye Chelny – the Timber mill “Republican”, built before Great October Revolution by famous representatives of the merchant dynasty of Staheevs. Author showed the main stages of the development of this enterprise up to the middle of the XX century. Timber mill ceased to exist due to the flooding of its territory by Nizhnekamsk reservoir and creation of new enterprises.

Keywords: local history, Naberezhnye Chelny, timber mill “Republican”, merchants Staheevs, Civil war, Great Patriotic war, workers, lumber, club, Nizhnekamsk reservoir.

Одним из крупнейших предприятий города Набережные Челны с начала и до середины XX в. являлся лесозавод «Республиканец». Завод был создан на базе лесопильного завода, основанного в 1912 г. сыном известного российского купца Василия Григорьевича Стахеева (1842-1896) – Федором Васильевичем. Будучи талантливым инженером-механиком, Федор Васильевич Стахеев (1870-1945) оборудовал этот завод, который первоначально назывался «Мукомольно-вальцовый, лесопильно-строгательный и стружечный завод наследников В.Г. Стахеева». На строительство этого предприятия затратили огромную по тем временам сумму – 180 тыс. руб. Его хозяин приобрел современные машины, оборудование, построил несколько домов, кузницу и другие здания хозяйственного назначения.

Лесопильное производство было запущено в ноябре 1913 г. Впоследствии завод обеспечивал нужды строящегося элеватора. Компаньоном Стахеева и управляющим лесозавода стал П.Г. Чершинцев, который имел 1/3 доли в этом предприятии. П.Г. Чершинцев – уроженец г. Мамадыш, бывший управляющий, репрессирован в 1931 г. [1; 2]

Завод стал основой товарищества открытого типа «Ф.В. Стахеев и К°». Акционерами являлись: «Общество Мальцевских заводов», товарищество «П.К. Ушков и К°», общество «Русь», Челнинское Вольно-Пожарное общество, Камско-Вятское торговое товарищество, Государственный банк, Елабужская городская управа, Мензелинское уездное земство, а также частные лица – А.С. Кукаркин, М.А. Полякова, И.А. Бушмакин, М.С. Саитбатталов, И.Е. Ермаков, Ш.С. Халиков, Н.П. Корнилов и др. [3]

В 1913 г. на заводе работало 32 чел., но уже в 1914 г. количество занятых на предприятии выросло до 48 чел. На заводе изготавливали пиломатериалы – доски, брусья, косяки и т.п. [2] Кроме того, на территории завода действовала большая паровая мукомольная мельница. Лесозавод, по некоторым сведениям, располагал и пароходом. У Челнинского завода имелось отделение при Шайтановском лесничестве, которое выполняло заказы для Казанского порохового завода.

После Октябрьской революции 1917 г. заводы купцов Стахеевых были национализированы. Название «Республиканец» лесозавод получил в 1922 г. В 1928 г. здание лесозавода сгорело, и на месте сгоревшего завода был построен в феврале 1929 г. новый лесозавод.

Первым директором лесозавода (до 1930 г.) стал Н.М. Кешнер.

С 1930 г. по 1932 г. директорами работали Гильмутдинов и Тюленев.

С 1932 г. по 1936 г. – П. А. Холин.

С 1936 г. по 1937 г. – Рахманкулов.

В 1937-1938 гг. – С. И. Большаков.

В 1938-1939 гг. – Ф. В. Гринчук.

В последующие годы директорами являлись Чернов, Петров, Володин и Сиряев [4].

По воспоминаниям члена комсомольской ячейки лесозавода «Республиканец» Н. Калясовой, при заводе был организован пионерский отряд. Н. Калясову назначили пионервожатой этого отряда. Агитбригада «Синяя блуза» и участники художественной самодеятельности выступали перед рабочими лесозавода, подшефными селами Бетьки, Князево и рабочими Петровского спиртзавода.

Бывший комсомольский вожак лесозавода с 1927 г. по 1930 г. Ф. Гринчук вспоминал, что 1926-1927 гг. стали достаточно трудными для завода. Поскольку это предприятие систематически не выполняло производственную программу, то его рабочие подолгу не получали зарплату. Дело в том, что во время Гражданской войны завод был сильно разрушен и разграблен войсками А.В. Колчака. Кроме того, большие трудности у лесозавода имелись с доставкой ему лесоматериалов. Даже стоял вопрос о закрытии предприятия. Однако было созвано собрание рабочих, на котором все работники и служащие лесозавода торжественно дали клятву вывести завод из кризиса. На субботниках и воскресниках рабочие восстанавливали корпуса завода, ремонтировали его станки и оборудование. Благодаря их самоотверженному труду уже в сентябре 1926 г. завод стал выполнять производственный план.

В августе 1926 г. началось строительство заводского клуба, торжественное открытие которого приурочили к 1 мая 1927 г. Клуб имел двухэтажное здание с актовым залом, рассчитанным на 300 чел., и комнатами для различных кружков. Для клуба были приобретены струнные инструменты, гармонь и пианино. Заводчане, посещавшие клуб, организовали русский и татарский драматические кружки, а также политический, стрелковый, спортивный, бильярдный, шахматный кружки. Большой популярностью у жителей города Набережные Челны пользовался струнный оркестр из этого клуба. Заводчанами выпускалась стенгазета «Республиканец» [4].

Накануне Великой Отечественной войны на лесозаводе трудилось около 120 работников. Основная продукция лесозавода – пиломатериалы, товары широкого потребления, главным образом, простейшая мебель. В 1940 г. лесозавод произвел продукции более, чем на 500 тыс. руб. (в ценах 1926 г.). Основная проблема предприятия заключалась в постоянной нехватке сырья. Лес поступал в плотях в недостаточных количествах и при этом – крайне нерегулярно [5].

Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. лесозавод «Республиканец», наряду с другими предприятиями города Набережные Челны, выполнял военный заказ – изготовлял для нужд фронта мостовые фермы, лыжи, сани-«снегоступы» и т.д.

В августе 1941 г. работники лесозавода вместе с коллективами местного элеватора, а также кирпичного завода и пристани, приняли решение ежемесячно отчислять в фонд обороны свой однодневный заработок и внесли единовременные взносы. Эти городские предприятия и организации обратились ко всем труженикам района поддержать их [6; 7].

В годы Великой Отечественной войны на лесозаводе «Республиканец» было налажено производство заготовок из древесины так называемого нулевого сорта, то есть самой высшей кондиции, которые отправлялись на авиазаводы страны. К сожалению, летом 1944 г. лесозавод сгорел, поскольку стояла сильная жара, причем огонь едва не перекинулся на весь город. Однако силами рабочих и горожан лесозавод удалось восстановить.

В этот период предприятие состояло из следующих подразделений: 2 лесопильных цеха, столярный, тарный цех. В начале 1950-х гг. на лесозаводе работало около 200 чел. Все работы на заводе были механизированы, поэтому, по сравнению с предыдущим периодом, в десятки раз увеличился выпуск продукции. Лесозавод «Республиканец» отправлял свои пиломатериалы для великих строек коммунизма [4].

В середине 1950-х гг. для расширения парникового хозяйства колхозов лесозавод стал выпускать парниковые рамы и другие изделия. Предприятие активно шефствовало над школами города и района, имело подшефные деревни. В 1959 г. при лесозаводе открылся новый клуб, вмещавший 125 чел. В начале 1960-х гг. на лесозаводе «Республиканец» открылся цех домостроения, где производились 16-ти комнатные щитовые дома. Часть продукции лесозавода через Волго-Донской канал отправлялась в порты Черного моря и далее за границу.

Поскольку лесозавод находился примерно в 300 м выше по течению Камы от современной плотины Нижнекамской ГЭС, то в настоящее время его территория затоплена Нижнекамским водохранилищем. В начале 1970-х гг. коллектив лесозавода объединили с лесоцехом КамГЭС.

Примечания

1. *Ермаков В.В.* Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья: монография. Ч. 1. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. – 465 с.

2. *Ермаков В.В.* Обращение к истокам: очерки истории г. Набережные Челны. – Набережные Челны, 2000. – 430 с.

3. Энциклопедия города Набережные Челны / гл. ред. Б.Л. Кузнецов, М.Ш. Бибишев; отв. ред. Б.А. Канеев. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – 464 с.

4. Музей истории города Набережные Челны. Папка № 9Б (коллекция Ф.В. Гринчука, 1977 г.).

5. Город Набережные Челны и Челнинский район в годы Великой Отечественной войны: справ.-метод. мат-л / сост.: А.Г. Дубровский, Н.Г. Усанов. – Набережные Челны, 2001.

6. Справочный материал библиотеки МАУК “Музей истории города Набережные Челны”. Папка № НЧ 50.

7. *Ермаков В.В.* Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья: монография. Ч. 2. – Набережные Челны, 2020. – 286 с.

УДК 94:325.111(574)“1930”

ЕЛЕУХАНОВА С.В.,
Республика Казахстан, г. Караганда

Социальное положение детей спецпереселенцев в Казахстане в 1930-е годы

*Исследование выполнено в рамках реализации проекта
№ 1138-И-23 «Дети ГУЛага: из истории казахстанских
лагерей и спецпоселений»*

Статья посвящена проблеме социального положения детей раскулаченных крестьян и насильственно высланных в Казахстан в 1930-х гг. Показаны социально-бытовые условия жизни детского контингента спецпоселений региона в названный период.

Ключевые слова: Казахстан, 1930-е гг., спецпереселенцы, «бывшие кулаки», дети, жилищные условия, питание, снабжение, медицина.

**Yeleukhanova S.V.,
Republic of Kazakhstan, Karaganda**

The social status of children of special settlers in Kazakhstan in the 1930s

Study was carried out as part of the implementation of project № 1138-I-23 “Children of Gulag: from the history of camps and special settlements in Kazakhstan”

Article deals with the problem of the social status of children of dekulakized peasants and forcibly deported to Kazakhstan in 1930s. The social and living conditions of the children’s contingent of special settlements in the region during the named period are shown.

Keywords: Kazakhstan, 1930s., special settlers, “former kulaks”, children, living conditions, food, supplies, medicine.

Территория Казахстана, наряду с районами Севера, Урала и Сибири, была определена местом ссылки раскулаченных семей из других регионов СССР. К 1 сентября 1932 г. на учёте спецкомендатур в Казахстане состояла 46 091 семья, или 180 015 спецпереселенцев [1, с. 170] с Нижней и Средней Волги, из Центрально-Черноморской и Московской областей, Закавказья и Средней Азии. В составе спецпереселенцев дети составляли, в среднем, 25-30%. Согласно архивным материалам, на 20 мая 1930 г. в Казахстан вместе с родителями насильственно переселили по социально-классовому принципу 3508 детей [2, л. 152]. На 20 декабря 1931 г. только в Карагандинском районе числилось детей до 14 лет – 20439 чел. [3, л. 38]

В 1931 г. директивы ОГПУ предусматривали вывоз детей первоначально до четырнадцати лет, а затем до 10 лет их родственниками, при наличии согласия родителей. К концу 1939 г. в Казахстане проживало 396037 детей до 16-летнего возраста, родители которых были депортированы, как по социально-классовому, так и по национальному признаку [2, л. 152]. Численность детского контингента трудпоселенческого населения постоянно менялась.

Семьи спецпереселенцев на месте прибытия оказывались в тяжёлых условиях. Для них отводились районы с экстремальными природно-климатическими условиями. Расселение кулацких хозяйств вместе с семьями производилось в районах пустынных участков, отдалённых, как от центров промышленного строительства в Казахстане, так и от железных дорог и пограничных районов [4, л. 4]. Приведём воспоминания карагандинских спецпереселенцев. Котельникова Л.В. (1924 г.р.) вспоминала: «Мы с мамой не знали, куда нас забрали в 1931 г. Привезли в скотских вагонах в Караганду, на голую степь. Поселили за каменным карьером. Но тогда его не было. Отобрали у нас всё живое и неживое, люди гибли, как мухи. Не было у детей обуви, еды. Болели тифом, цингой [5, л. 3-4]. Из воспоминаний Краузе Г.Б.: «Родителей выслали с Украины в 1936 г. Эшелон ехал со ссыльными под конвоем. Ехали одиннадцать суток. Привезли их в Акмолинскую область Ново-Черкасский район, село Лозовое на точку... Потом начали умирать дети и взрослые, не привыкшие к суровому климату. Умерли три сестры мамы, их дети. Мои родители хоронили троих детей, родившихся у них с 1936 г. по 1941 г. [5, л. 120,121]

Документы свидетельствуют о том, что дети стали заложниками политиков. В «Информации оперативного сектора Карагандинского

райотдела ОГПУ в Казкрайком ВКП(б) о количестве, условиях жизни и антисоветских настроениях спецпереселенцев» от 12 ноября 1932 г. говорится об острой нехватке продовольствия для детей. В частности, в документе отмечается, что в п. Май-Кудук спецпереселенцы нерегулярно снабжаются продуктами, по три дня не выдаётся паек, и они сидят голодные. Детская кухня была устроена «на скорую руку», не благоустроена, в котлы сыпался песок и глина, приготовляемая пища задымлялась, дети от нее отказывались. Несвоевременность и недостаточность снабжения особенно отражалось на детском питании, которое, помимо этого, страдало еще и от отсутствия надлежащего контроля за обслуживающим персоналом детской кухни, вследствие чего, отпускаемые продукты расхищались. В посёлке № 3 наблюдались случаи расхищения детского пайка обслугой детской столовой. Так, в Тихоновском посёлке спецпереселенка Бочарникова заявила, что ей при получении детского пайка на кухне повара отказали в каше, заявив, что её нет, а сами у нее на глазах эту кашу ведрами забрали себе. Неналаженность детского питания, в свою очередь, отражалась на питании спецпереселенцев-работников, которые вынуждены были своими производственными пайками делиться с членами семьи. Большое влияние на снабжении спецпереселенцев имели высокие наценки на обеды при одновременном низком их качестве. Стоимость продуктов на обед на одного ребёнка составляла 7 коп., а плата взималась 25 коп. [6, л. 5,6]

В документах ОГПУ-НКВД приводится множество фактов о трагической судьбе детей спецпереселенцев. Так, в информации полпреда ОГПУ секретарю Казкрайкома ВКП(б) докладывалось, что «из-за хронического недоедания, отсутствия теплой одежды, чрезвычайно плохих жилищно-бытовых условий, как следствие вышеуказанных эпидемий, чрезмерно возросла смертность среди спецпереселенцев. На Караталстрое детей младшего возраста при обследовании спецпереселенческих жилищ не видно, ибо они в большинстве вымерли от заболеваний детскими инфекциями, желудочно-кишечными, а главным образом, от недоедания» [3, л. 153]. Резкая смена климата, ужасные жилищно-бытовые условия, скудное питание, антисанитария вызывали новые и новые потери среди детей. Местные органы в докладных записках называли такую ситуацию как совершенно недопустимую, граничащую с преступлением. Свидетельством вышесказанного служат воспоминания карагандинских спецпереселенцев. П.М. Украинская вспоминала: «У меня умерла мама и десятилетний братик. Мне было тогда семь лет. Поселили нас в Осакаровке, в бараки без крыш, в каждой по 70-80 человек. К весне 1932 г. выжило по 5-6 человек из барака» [6]. П.М. Горбунова вспоминала: «Летом 1931 г. у меня умерла дочка, прожив всего

годик, тогда же погибли от дизентерии почти все дети до пяти-шестилетнего возраста» [6].

В 1933 г. в «кулацкой ссылке» в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном Казахстане – в 13 раз. От голода и холода здесь погибло 24% спецпереселенцев, т.е. каждый четвёртый [7, с. 8]. В Казахстане только с 1935 г. стало отмечаться превышение рождаемости над смертностью.

Примечания

1. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: Интерпракс, 1994. – 267 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 1944.
3. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). – Ф. 3 – Оп. 1. – Д. 15.
4. Аппарат Президента Республики Казахстан (АП РК). – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 2969.
5. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 9. – Д. 235. – Св. 27.
6. *Чиров Д.* Откуда родом спецпоселенцы? // Индустриальная Караганда. – 1989. – 29 апр.
7. *Земсков В.Н.* “Кулацкая ссылка” в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 3-21.

УДК 37.035:930.2

БЕСЕДИНА Е.А., БУРКОВА Т.В.,
Россия, г. Санкт-Петербург

К 100-летию пионерской организации: коммеморативные практики в Ленинграде-Петербурге

Статья посвящена анализу различных коммеморативных практик XX в., сохраняющих в Ленинграде-Петербурге память о Всесоюзной пионерской организации – интереснейшем феномене советского периода отечественной истории: топонимике, монументальным памятникам и мемориальным доскам, музеям. Авторы поднимают вопрос о различных перспективах бытования конкретных примеров форм коммеморации, выявляют особенности общественного восприятия этой части культурного наследия.

Ключевые слова: краеведение, пионерская организация, коммеморация, топонимика, мемориальная доска, Ленинград, Санкт-Петербург, Россия.

**To the 100th anniversary of the pioneer organization:
commemorative practices in Leningrad-Petersburg**

Article is devoted to the analysis of various commemorative practices of XX century, preserving in Leningrad-Petersburg the memory of All-Union Pioneer Organization – the most interesting phenomenon of Soviet period of national history: toponymy, monumental monuments and memorial plaques, museums. Authors raise the question of the different perspectives of the existence of concrete examples of forms of commemoration, identify the peculiarities of public perception of this part of cultural heritage.

Keywords: local history, pioneer organization, commemoration, toponymy, memorial plaque, Leningrad, St. Petersburg, Russia.

В 2022 г. отмечалось столетие создания Всероссийской пионерской организации им. В.И. Ленина. Юбилей организации, ставшей одним из ключевых символов советской эпохи, не остался незамеченным общественностью. Он же стал поводом обратиться к изучению того, каким образом пионерское «наследие» сохраняется в социокультурном пространстве Петербурга в настоящее время.

Сегодня, когда третье десятилетие XXI в. вовсю набирает ход, остается не так много следов пионерской истории и в Петербурге, и в других городах России. Тем не менее, на карте северной столицы сохранилось немало реплик, связанных с историей советской детской организации.

Самой распространенной формой коммеморации служит топонимика. Пионерские названия появились на карте Ленинграда еще в 1930-е гг. Пожалуй, одна из известных локаций, связанных с избранной темой, – улица Пионерская на Петроградской стороне. В честь организации при трикотажной фабрике «Красное знамя» пионерского отряда им. Спартака Большая Гребецкая улица (на ней находился фабричный клуб, где пионеры проводили свои занятия и сборы) в 1932 г. получила название Пионерской. Такие же Пионерские улицы есть и в других районах Петербурга и пригородах. В начале 1960-х гг. Высоцкая улица Красного села превратилась в улицу Юных Пионеров. В Ломоносове (Ораниенбауме) существовал проспект Юного Ленинца (с 1927 г.), ныне носящий свое первоначальное название – Дворцовый.

В 1970 г. в Калининском районе Ленинграда появилась полуторакилометровая Тимуровская улица. После выход в свет книги А.П. Гайдара «Тимур и его команда» (1940) по всей стране стало зарождаться неформальное движение детей и подростков, помогавшим семьям красноармейцам, пожилым и больным людям. Тимуровское движение как

форма общественно-полезной деятельности детей, по своей сути, совпало с советской идеологией альтруизма и взаимовыручки, способствовало воспитанию и развитию в подрастающем поколении инициативы и самодеятельности, навыков общественного труда.

Еще одно название, совершенно непривычное и загадочное для современной молодежи, – ул. Пионерстроя – появилось в 1971 г. в Красносельском районе города. В 1966 г. пионеры Ленинграда занялись благоустройством улицы Переднего Края, на месте которой в годы Великой Отечественной войны велись ожесточенные бои, помогали строителям, сооружали спортивные площадки, участвовали в озеленении и архитектурном оформлении улицы. В 1971 г. дорожная магистраль была переименована в Улицу Пионерстроя, а инициатива, зародившаяся в Ленинграде, распространилась по всему Советскому Союзу [1]. Участники движения оказывали посильную помощь старшим товарищам – собирали макулатуру, металлолом, работали на субботниках, передавая вырученные деньги в фонд комсомольских строек.

Благодаря движению «Пионерстрой» на карте Ленинграда появился, судя по всему, последний топонимический объект, название которого связано с пионерской организацией. В 1982 г. на севере города была открыта новая станция метро, которая первоначально должна была носить другое название. «За несколько месяцев до того, как станция была введена в эксплуатацию, Ленинградская пионерская организация обратилась к Исполнительному комитету дать название подземки в честь всесоюзного детского движения» [2]. Название станции поддерживает ее внутреннее лаконичное оформление: молочного цвета путевые стены подземного зала венчаются алым фризом, что напоминает парадную пионерскую форму – белую рубашку с огненного цвета галстуком.

Еще в 1962 г. в центре Ленинграда между Загородным проспектом, улицами Марата и Звенигородской появилась Пионерская площадь. Она заняла историческое место, на рубеже XVIII-XIX вв. известное как Семеновский плац. В день 40-летия пионерской организации, в центре площади открылось новое здание Ленинградского театра юных зрителей, с 1922 г. располагавшегося в здании бывшего Тенишевского училища на Моховой улице. Появившееся название дополнило «детскую» тему в этом районе города.

«Пионерские» названия связаны не только с улицами, но и с зелеными насаждениями петербургской городской среды. В 1961 г. на Сердобольской улице по проекту и при участии студентов Лесотехнической академии имени С.М. Кирова был разбит пейзажный Пионерский сад [3]. В 1968 г. в Ленинграде рядом с железнодорожной станцией Пискаревка появился и Пионерский парк. Его название предопределил

находившийся неподалеку Дом пионеров Калининского района. В парке в 1973 г. установили Памятник пионерскому значку. В этом простом монументе нашло сочетание изображения солнечного круга (скорее всего, отсылающее к известной детской песне «Пусть всегда будет солнце» (1962)) и сам значок со звездочкой.

Таким образом, в топонимическом пространстве города возникла некоторая путаница – Пионерская улица, Пионерская площадь, станция метро «Пионерская», Пионерский сад, Пионерский парк оказались «не привязаны» друг к другу, находясь в разных районах города.

На карте города до 1991 г. можно было найти еще один объект, связанный с историей пионерии. Через реку Карповку в 1936 г. был переброшен железобетонный мост, пришедший на смену старой деревянной переправе. Мост украсила чугунная решетка с бронзовыми барельефами на пионерскую тематику работы скульптора Л.А. Дитриха, которые сохранились и по сей день. В 1991 г. мост получил название Силин мост (по имени дореволюционного владельца находившегося рядом с мостом земельного участка и питейного заведения), которым именовался его предшественник. Не всем горожанам пришлась по душе такая топонимическая метаморфоза, поскольку, по сути своей, она стала не возвращением старого названия, а переименованием нового объекта, связанного со старым только местоположением [4].

Следующая форма коммеморации – памятники. Их, посвященных пионерской тематике, осталось совсем немного, но данные образцы можно условно разделить на две группы: «неформальные» и «формальные». К числу первых можно отнести скульптуру «Девушка с букетом» (год установки вызывает споры у краеведов – 1939 или 1949). На протяжении многих лет этот памятник работы скульптора Е.А. Янсон на въезде в город (Приморское шоссе) являлся очень важным неформальным маркером границы территории [5, с. 16]. Сейчас, в связи с обустройством транспортных развязок, он, что важно, сохранен и перенесен в другое место.

На территории Петербурга можно найти образцы «пионерской» городской скульптуры, знакомящей современного человека с эпохой 1950-х гг. В Московском парке Победы установлена композиция, которую называют «Прием в пионеры» (скульптор И. Варшакова). На гранитном постаменте две фигуры – девочка с косичками, которой повязывает красный галстук молодая девушка, скорее всего, пионерская вожатая. Многие поколения советских детей играли около памятника, некоторые, наиболее активные, забирались на его постамент, что подчас приводило к «травме» скульптурной группы. В результате таких катаклизмов скульптура меняла свое местоположение в парке. Интересный

факт: «Прием в пионеры» можно было увидеть в кадрах фильма «Старик Хоттабыч» (режиссер Г.С. Казанский, 1957, к/с Ленфильм), однако в другом, по сравнению с сегодняшним, месте. Ныне памятник находится в очень хорошем состоянии, радует горожан и заставляет поностальгировать посетителей парка старшего возраста. Скульптура «Приём в пионеры» в 2019 г. включена в единый реестр объектов культурно-исторического значения народов Российской Федерации.

На ул. Чапыгина, д. 13, во дворе старейшей в России детской больницы (в XIX веке – Императорская Николаевская больница, в XXI веке – Детский центр восстановительного лечения им. С.С. Мнухина) находится еще один сохранившийся артефакт советского времени – «Пионерка с виноградом» [6]. Современным подросткам памятник может быть интересен с точки зрения школьной моды середины XX в. – классические косички у девочки, элегантное школьное платье и фартук с «крылышками». Этот памятник, реплика 1950-х гг., также пребывает в отличном состоянии.

В ряду скульптурных образов советской пионерии, находящихся в Петербурге, нельзя не отметить по-своему примечательную композицию из бронзы и гранита, расположенную у павильона уже упомянутой выше станции метро «Пионерская». Скульптура «Бегущие дети» («Пионеры») установлена на излёте советской эпохи в 1986 г. (скульпторы В.И. Винниченко, Л.Т. Гапонова, архитектор В.Г. Чехман (Сокольский)) [7]. Интенсивное движение вокруг станции метро «растворяет» композицию в людском потоке, и торговый контекст прилегающей территории также не способствует привлечению внимания к ней. Однако скульптура не остается незамеченной. Интересно почитать отзывы горожан, размещенные на Интернет-сайте «Яндекс Карты», на март 2023 г. их опубликовано 78. Оказывается, для подавляющего большинства петербуржцев, оставивших на портале свои реплики, это «место встречи», «это та мелочь, что создаёт облик города, делает его “обиталищем Человека”», «хорошая скульптура, вызывает ностальгические воспоминания о детстве и большой и сильной державе СССР».

Вторую – «официальную» – группу монументов образуют памятная стела (1968) на «главной» Пионерской улице, маркирующая место и дату создания первого пионерского отряда в тогда еще Петрограде; 6,5-метровый мемориал, установленный в честь 50-летия организации (1972) [8]. В том же году на той же Пионерской улице, появился еще один не совсем «пионерский» памятник, примечательный как своей предысторией, так и непростой судьбой [9]. Весной 1972 г. городская пресса сообщала о пятерке питерских ребят, которые во время подавления юнкерского мятежа 29 октября 1917 г. подносили снаряды к оруди-

ям Красной гвардии. Для историков факт участия «пятерых Гаврошей» в тех событиях является более, чем спорным, но, по всей видимости, сложившаяся и развивавшаяся мифология революции требовала появления новых героев.

И «газетный» пафос нашел свое материальное воплощение в двух артефактах. На мемориальной доске, укрепленной на стене дома № 33 на Пионерской улице, появился текст: «С этого места 29 октября 1917 года рабочие из орудия вели огонь по юнкерскому училищу, поднявшему мятеж. Пять питерских ребят подносили снаряды. Честь и слава юным борцам революции». Площадка на мостовой, где стояло орудие, была выложена булыжником и ограничена поребриком. Сейчас и о мемориальной доске, и о трехдюймовке напоминает лишь стилизованная пушка.

Местом установления второго памятного знака на эту тему – монумента юным революционерам был определен сквер у дома № 41 по той же улице. На карте он обозначался как «Сквер Гаврошей». Образы петроградских детей, сражавшихся вместе со взрослыми, отражены в памятнике, представляющем собой две разновеликие горизонтальные стелы, облицованные песчаником. Одна из них служит пьедесталом горельефной композиции, изображающей пятерых мальчиков. Памятник содержал надпись: «Честь и слава детям питерских рабочих, принимавших участие в разгроме контрреволюционного мятежа юнкеров в октябре 1917 года». И хотя пионерской организации в 1917 г. еще не было, но этот памятник парадоксально стал восприниматься горожанами как посвященный именно пионерам-революционерам.

В 1990-е гг. памятник представлял собой печальное зрелище. Накладные буквы оказались сбиты и, видимо, сданы на цветной металл. Детские головы явно использовались вандалами как мишени для метания камней. На этом история «старорежимного» памятника могла бы и закончиться. Однако в 2006 г. Санкт-Петербург принимал саммит Россия-ЕС, и гостеприимному хозяину хотелось показать себя в лучшем виде, а руины в центре города оказались совершенно лишними. Памятник в спешке восстановили, но при этом вместо пятерых мальчиков стало три мальчика и две девочки, а героическое «принимали участие» заменили на трагическое «погибшим». По мнению горожан – свидетелей этих метаморфоз, «видимо, чтобы за душу брало – погибшие дети, да еще и девочки. Теперь бедные дети внушали жалость и заставляли задуматься об этом жестоком взрослом мире, коверкающем юные судьбы» [10]. Судя по тому, каким энергичным образом трансформируется окружающий архитектурный ландшафт, смеем предположить печаль-

ные перспективы существования этого коммеморативного «осколка» ушедшей эпохи.

Особое внимание власти и общественность Ленинграда уделяли сохранению памяти о деятельности детей и подростков в годы Великой Отечественной войны. Ленинград оказался первым городом Советского Союза, где был установлен монумент в честь юных героев Великой Отечественной войны (Таврический сад, 1962). Открытый конкурс на проект монумента объявили в марте 1958 г. Из представленных на первый тур 24-х проектов ни один не был принят к осуществлению. В ходе дальнейшего творческого соревнования для сооружения рекомендовали проект в виде стелы с горельефом из песчаника (скульпторы В.С. Новиков, И.Н. Костюхин, архитектор А.И. Алымов). Надписи врезными тонированными знаками на стеле выполнены по проекту архитектора Ф.А. Гепнера [11]. Памятник любим уже несколькими поколениями горожан, тщательно реставрируется и оберегается, вокруг него обустраивается территория. В 2021 г. памятник «Юным героям обороны Ленинграда» городские коммунальщики даже защитили антиприсадными шипами против птиц.

В первой половине 1960-х гг. две улицы в Кировском районе Ленинграда (там, где более всего сконцентрирована городская топонимика в память о героях Великой Отечественной войны) назвали в честь Зины Портновой и Лени Голикова. Позже на фасадах домов появились и аннотационные мемориальные доски. В формировании истории о пионерах-героях как образах для подражания послевоенным поколениям советских детей, не обошлось без мифологии (в частности, можно ли по возрасту относить этих молодых людей к пионерам?). Однако, согласимся с историком Н.В. Никитенко, «подлинный Леня Голиков навечно остался самим собой – бесстрашным и смелым партизаном, не нуждающимся ни в каких украшениях и вымыслах. Он был и остается достойным примером патриотизма, горячей любви к своей Родине для современной молодежи» [12, с. 98].

В 1964 г. в Петергофе появилась улица юной ленинградки Юты Бондаровской (1928-1944), партизанки 6-й Ленинградской партизанской бригады, погибшей в Эстонии [13]. В 1972 г. на фасаде одного из домов по этой улице установили мемориальную доску в её честь. Могила юной героини находится в эстонском хуторе Роостоя, долгое время была запущена. Благодаря русскому обществу «Отечество» ее место захоронения приведено в порядок, поставлен надгробный памятник с выбитой надписью на русском и эстонском языках. В свете тенденций последнего времени памятник очевидно находится в «зоне риска» как

символ советской истории, всячески изгоняемой из коммеморативного пространства стран Балтии.

Следует упомянуть и еще об одной форме коммеморации о «пионерском» Ленинграде. На рубеже 1980-1990-х гг., когда Дворцы пионеров начали переименовывать в Дворцы творчества юных, замена неактуальных названий районных детских учреждений Ленинграда-Петербурга стала сочетаться с организацией энтузиастами музеев, посвященных пионерии, комсомолу, просто детству [14; 15]. В большинстве случаев здесь, вероятно, уместно говорить о «наивной» коммеморации, что не умаляет значимости этой деятельности, возможности нескольким поколениям горожан вспомнить о своем пионерском детстве, а молодым петербуржцам узнать о таком феномене отечественной истории.

Социокультурное пространство Санкт-Петербурга хранит не так много реплик «пионерского» периода жизни города, но они есть в топонимике, присутствуют в архитектурно-скульптурных формах, музейных коллекциях. Изучая коммеморативные практики по рассматриваемой теме, можно обнаружить все разнообразие их форм, предположить различные перспективы бытования этих реплик и артефактов (от полного забвения до тщательного охранения), выявить спектр настроений горожан (от безразличия до ностальгии) в восприятии этой части культурного наследия.

Примечания

1. Пионерстрой // Архивы Петербурга. URL: https://vk.com/wall-132600244_7657 (дата обращения: 02.02.2023).

2. Козлова Л. Пионеры принимали участие в строительстве станции метро «Пионерская» в Петербурге. Юные ленинградцы занимались сбором металлолома для сооружения конструкций // Комсомольская правда. – 2019. – 16 янв. URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/3356540/> (дата обращения: 15.03.2023).

3. Пионерский сад // Citywalls. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru/house26794.html?s=nvksfp6m86uof126v5fgeo9qb0> (дата обращения: 13.03.2023).

4. Ленинград. Пионерский мост. 1936 // Livejournal. URL: <https://babs71.livejournal.com/776050.html> (дата обращения: 24.03.2023).

5. «Девушка с букетом» // Прогулки по Приморскому району. Дайджест. Централизованная библиотечная система Приморского района. Информационно-библиографический отдел. СПб., 2014. URL: http://primcbs.ru/public/users/69/content_work/kraevedenie/%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC_%D1%80%D0%B0-%D0%BD%D0%B0.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

6. Пионерка с виноградом. 19.08.2011 // Неформальные достопримечательности. URL: https://www.etovidel.net/sights/city/saint-petersburg/id/pionerka_s_vinogradom (дата обращения: 25.03.2023).
7. Скульптура “Бегущие дети” (“Пионеры”) в Петербурге около ст. метро “Пионерская”. PITERBU.RU Интернет-журнал о городе на Неве. 23.07.2019. URL: <https://piterbu.ru/pamyatniki-peterburga/skulptura-begushhie-deti-pionery-v-peterburge-okolo-st-metro-pionerskaya.html> (дата обращения 20.02.2023).
8. Пионерам Ленинграда // GradPetra. URL: <https://history.gradpetra.net/pamyatnik/0/4010.html> (дата обращения: 18.02.2023).
9. Сквер Гаврошей: памятник детям петроградских рабочих // IPetersburg. URL: <http://www.ipetersburg.ru/skver-gavroshey-pamyatnik-detyam-petrogradskih-rabochih/> (дата обращения: 16.03.2023).
10. Памятник детям революции и монумент пионерам // Livejournal. d_stroz. URL: <https://d-stroz.livejournal.com/625370.html> (дата обращения: 17.03.2023).
11. *Дриевская В.* Юные петербуржцы возложили цветы к памятнику Пионерам-героям. 12.05.2021. // БЕЗФОРМАТА. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/tcveti-k-pamyatniku-pioneram-geroyam/93725240/> (дата обращения: 11.03.2023).
12. *Никитенко Н.В.* Две фотографии, или правда и вымысел о Лене Голиковой // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2013. – № 38. – С. 89-100.
13. Подсмотрено Петергоф. 28 февраля 2021 г. URL: <https://smartik.ru/petergof/post/131177835> (дата обращения: 25.02.2023).
14. Музей “История детского движения Красногвардейского района” // На Ленской. Обучаюсь, творю, создаю. URL: <http://na-lenskoj.ru/otdely/muzej-istoriya-detskogo-dvizheniya-krasnogvardejskogo-rajona> (дата обращения: 19.03.2023).
15. Музей истории молодежных организаций // Дворец творчества детей и молодежи. “Молодежный творческий форум Китеж-плюс”. URL: <https://kitejplus.ru/index.php/nashi-muzei/muzej-istorii-molodezhnykh-organizatsij> (дата обращения: 24.02.2023).

УДК 378.147:94(470+571)

КОШОКОВА С.Я.,
Россия, г. Краснодар

Перспективы реализации новой концепции преподавания истории России в КубГАУ

Статья посвящена изменениям в образовательных стандартах, связанных с преподаванием дисциплины «История России» и нюансам реализации этих изменений в КубГАУ.

Ключевые слова: методика преподавания, Кубанский государственный аграрный университет, вузы, история России, стандарт, изменения, студенты, преподаватели.

**Koshokova S.Y.,
Russia, Krasnodar**

Prospects for the implementation of a new concept of teaching the history of Russia at KubSAU

Article is devoted to changes in educational standards, related to the teaching of the discipline “History of Russia” and the nuances of the implementation of these changes in KubSAU.

Keywords: teaching methods, Kuban state agrarian university, universities, history of Russia, standard, changes, students, teachers.

Приказом Минобрнауки России № 662 от 19 июля 2022 г. «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» внесены изменения, вступающие в силу с 1 сентября 2023 г. [1] Изменения касаются преподавания истории России в высших учебных заведениях страны. В феврале текущего года в Минобрнауки утвердили Концепцию преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки. Хотелось бы напомнить, что в последнее десятилетие шел последовательный процесс сокращения часов по учебной дисциплине «История» в российских вузах [2]. Параллельно дисциплина меняла свое название и содержание. Так, если первоначально она называлась «История», то с 2019 г. – «История (история России, всеобщая история)». Соответственно, к вопросам по отечественной истории были добавлены вопросы по всеобщей истории, что значительно увеличило объем материала,

который необходимо было дать студентам. Количество часов варьировалось от 3 до 4 зачетных единиц, с постепенным уменьшением на всех направлениях до 3. При этом уменьшалась и непосредственно контактная работа преподавателей со студентами, т.е. лекции и семинары на некоторых направлениях доходили до 18/18. Таким образом, объем содержания дисциплины, и так не маленький, был увеличен, а контактные часы сокращены.

Разработчики Концепции подчеркивают, что на сегодняшний день «углубляется разнობой в подходах к отбору содержания, в трактовках и концепциях в отношении как истории России в целом, так и многих актуальных проблем прошлого» [3, с. 2]. Целью разработки Концепции является «достижения единства в осуществлении исторического образования в университетах страны» [3, с. 3]. В рамках новой Концепции на всех направлениях подготовки вводится 4 зачетные единицы, т.е. 144 часа, из которых на очном отделении 80% должны быть контактными, на заочном и очно-заочном – 40%. Закрепляется название учебной дисциплины «История России», но при этом сразу следует отметить, что всеобщая история не исключается полностью из курса.

В Концепции предписывается сделать акцент на:

- 1) традиционной для России сильной центральной власти;
- 2) многонациональном и поликонфессиональном характере Российского государства;
- 3) созидательном характере деятельности Русского государства и населяющих его народов;
- 4) роли русского народа, русского языка и русской культуры в развитии культуры и просвещения на территории всей страны и формировании общероссийской идентичности;
- 5) приоритетном внимании к героическим страницам борьбы за свободу и независимость для формирования российского патриотизма.

Кроме этого, разработчики Концепции не забыли и о региональном компоненте [4], который должен быть интегрирован и синхронизирован с общим курсом истории России.

Вузовский курс «История России» должен быть логическим продолжением школьного курса, причем даваться на более высоком проблемном уровне. В рамках Кубанского государственного аграрного университета (КубГАУ) есть определенные сложности, связанные с разным уровнем входных знаний студентов по истории [5; 6]. До 2019 г. историю в КубГАУ сдавали только абитуриенты, стремившиеся попасть на юридический факультет. Соответственно, уровень базовых знаний у студентов-юристов был значительно выше, чем у всех остальных студентов. Это действительно позволяло проводить лекции и се-

минары на более высоком уровне, а студенты демонстрировали заинтересованность и желание углубиться в учебный материал по дисциплине [7].

Ситуация изменила, когда вместо трех обязательных предметов при поступлении в вуз ввели два обязательных и один на выбор из перечня. Сейчас даже при поступлении на юридический факультет «История» не является обязательным предметом. Хотя нужно отметить, что, выбирая между историей, иностранным языком и информационными технологиями, абитуриенты-юристы чаще всего отдают предпочтение истории [8]. Кроме юридического факультета историю по выбору в КубГАУ сдают на экономических направлениях и факультете управления. С одной стороны, количество студентов, сдающих историю, в целом, стало больше, а, с другой стороны, преподаватели сталкиваются с разным уровнем подготовки студентов по этой дисциплине на одном потоке и в каждой отдельно взятой группе. Все это создает сложности в определении содержательной части лекций и семинаров по дисциплине «История», особенно в ситуации ограниченности контактных часов для ее изучения.

Увеличение контактных часов по дисциплине «История России» позволит частично решить указанную проблему. У преподавателей появится возможность уделять внимание и базовой части предмета, и переходить на проблемный анализ, и рассматривать историографию отдельных вопросов. Студентов с высоким уровнем входных знаний можно сразу ориентировать на исследовательскую деятельность, изучение источников, дискуссионных вопросов. Кроме того, позитивным в Концепции является единство уровней исторического развития: всеобщее-общероссийское-региональное [9] с упором на общероссийское государственное развитие.

Примечания

1. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 “О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования”. Официальный Интернет- портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 30.03.2023).

2. *Салфетников Д.А.* Информационная сторона глобализации на современном этапе развития общества // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: сб. ст. по мат-лам 73-й науч.-практ. конф. препод. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 537-538.

3. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях

высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf> (дата обращения: 30.03.2023).

4. *Салчинкина А.Р., Харитонов Е.М., Хоружая С.В.* Практика реализации казачьего компонента в образовательном процессе Кубанского государственного аграрного университета // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 31. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 97-99.

5. *Кошокова С.Я.* Методы эффективного взаимодействия с различными типами учащихся в процессе обучения // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: мат-лы XIII науч.-метод. конф. с междунар. уч. (22-23 марта 2018 г., Ярославль). – Ярославль: ЯрГУ, 2018. – С. 543-544.

6. *Кошокова С.Я.* Особенности преподавания истории на негуманитарных факультетах вузов // Практико-ориентированное обучение: опыт и современные тенденции: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 01-30 апреля 2017 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2017. – С. 353.

7. *Салфетников Д.А.* К вопросу о формах проведения мероприятий в рамках гражданско-патриотического воспитания в вузах // Качество современных образовательных услуг – основа конкурентоспособности вуза: сб. ст. по мат-лам межфак. уч.-метод. конф. (Краснодар, 25 марта - 07 апреля 2016 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 443-445.

8. *Хоружая С.В., Гербут Е.А.* Специфика мониторинга удовлетворенности потребителей образовательных услуг высшей школы // Практико-ориентированное обучение: опыт и современные тенденции: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 01-30 апреля 2017 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2017. – С. 369-370.

9. *Кошокова С.Я.* Использование краеведческого материала в учебном курсе “История” на кафедре истории и политологии КубГАУ // Кубанские исторические чтения: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 29 июня 2018 г.). – Краснодар: Краснодар ЦНТИ, 2018. – С. 135-138.

УДК 94(470):378.147:37”1941/1945”

САЛФЕТНИКОВ Д.А.,
Россия, г. Краснодар

**Преподавание истории Великой Отечественной войны
в среде студенческой молодежи как важный фактор сохранения
исторической памяти**

В статье рассматриваются важные аспекты сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, особенности и проблемы современной информационной обстановки в контексте задач образовательной и воспитательной работы в вузах. Показаны виды и направления этой работы, содействующие предотвращению фальсификаций ис-

тории войны и военно-патриотическому воспитанию российской молодежи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, фальсификация, патриотизм, архивы, музей, вузы, студенты.

**Salfetnikov D.A.,
Russia, Krasnodar**

Teaching the history of Great Patriotic War among students as an important factor in preserving historical memory

Article discusses important aspects of preserving the historical memory of Great Patriotic War, the features and problems of the modern information environment in the context of the tasks of educational work in universities. The types and directions of this work are shown, which contribute to the prevention of falsification of the history of the war and the military-patriotic education of Russian youth.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, falsification, patriotism, archives, museum, universities, students.

В этом году в России отмечается 80-летний юбилей важнейших событий Великой Отечественной войны. Это и победа под Сталинградом, и бессмертный десант на Малой земле, и завершение Коренного перелома в войне на Курской дуге. Конечно же, и освобождение советских городов: Краснодара, Ростова-на-Дону, Ворошиловграда (Луганска), Орла, Белгорода, Харькова и др. Об этом говорится не только в медийном пространстве, на мероприятиях различного уровня, но и, безусловно, с еще большим вниманием, в образовательной среде – в школах, колледжах и вузах.

Тема Великой Отечественной войны знаковая, особенно в контексте событий, происходящих сегодня. Ведь не только не прекращаются попытки грубых фальсификаций истории войны, но открыто совершаются и системные действия некоторых недружественных стран по реанимации нацизма. До сих пор в данном контексте у нас в стране сохраняется следующая проблема: в сохранении и использовании исторической памяти о событиях войны не завершен процесс монополизации, в первую очередь, государственно-идеологической. Это препятствует созданию актуальных идеологических конструкций и создает уязвимость в информационных конфликтах [1, с. 161].

Они становятся все более ожесточенными и, навязанные нам извне, приобретают все более опасный характер, угрожая безопасности нашей страны и других членов мирового сообщества. С помощью информационных технологий углубляются и обостряются экономические и финансовые процессы. То есть определяющим в попытках сформиро-

вать однополярный мир определенной модели стал именно информационный базис [2, с. 537].

Конечно, в современной информационной среде освоение и использование информационных технологий в вузовском образовательном процессе считается безусловным. При этом, кроме компьютерной техники, использование видеоматериалов, аудиоматериалов, доступных цифровых технологий при изучении темы Великой Отечественной войны, должно быть направлено на достижение объективной картины событий военных лет, их итогов, злодеяний гитлеровского оккупационного режима и конкретной роли каждой из борющихся стран в отражении гитлеровской агрессии. Ведь именно эта тема несет в себе для молодежи не только объемный и развивающий фактический материал, но и мощный воспитательный заряд, формирующий у студентов правильную гражданскую позицию и прочные патриотические чувства.

В свою очередь, эти факторы крайне необходимы для сохранения исторической памяти о событиях и людях этой Великой войны. Как учебная дисциплина история России включает в себя рассмотрение воинской славы и трудовых подвигов поколений наших предков. Это способствует созданию атмосферы творчества на семинарах, где студенты выступают с докладами и рефератами, обсуждая вопросы, которые, безусловно, оставляют свой след во внутреннем мире каждого учащегося. Кроме этого, необходимы и разнообразные виды внеаудиторной работы [3, с. 444]. Имеются в виду: сотрудничество с историческими музеями, участие в организации выставок, посвященных войне, а также в военно-исторической реконструкции. В залах и экспозициях краеведческих музеев представлены материалы, которые характеризуют участие жителей конкретного края, области, республики в войне с немецко-фашистскими захватчиками. В этом плане задачи музеев были обсуждены еще в 1945 г. и сегодня актуальность использования средств музейной педагогики никак не меньше. Вообще, сегодня вопросы, связанные с достоверной подачей информации о войне и с предотвращением фальсификаций ее истории, происходит из-за усилившихся тенденций мистификации сознания человека (как на персональном, так массовом уровне), наблюдаемых в большинстве западных стран. Причем работает на эту деструктивную линию значительная часть институциональных структур западных государств, что не может не вызывать обеспокоенности и в нашей стране, и у мировой общественности.

Так, принятая в сентябре 2019 г. резолюция Европарламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» не только отрицает главную роль СССР в разгроме западноевропейского фашизма в годы Второй мировой войны, но и открыто предлагает признать нашу

страну – Советский Союз – виновником начала этой войны. Эту преступную ложь пытаются использовать как эффективное информационное оружие против нашей страны, выводя эту ложь из идеологической плоскости в юридическую, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Поэтому сейчас крайне необходимо отходить от сложившейся с 1990-х гг. в некоторых кругах практики огульной критики советского наследия, включая внутреннюю и внешнюю политику СССР. Значительная часть исторически весомых событий в истории нашей страны приходится на советский период. Роль Советского Союза в реальной помощи другим народам до сих пор трудно переоценить. Также необходимо формирование государственного заказа на объективные и системные научные исследования, посвященные истории советского периода. Необходимо создание отечественного документального и художественного кинематографа, который должен базироваться на исторической, документальной фактологии, а не на лживых и откровенно враждебных источниках. [4, с. 169].

Проблема искажений исторических фактов, принижение значимости событий на Восточном фронте обостряются не только из-за явной политической ангажированности западных историков, но и «благодаря» тем российским историкам и публицистам, которые разделяли с 1990-х гг. либерально-прозападные позиции. Зачастую они крайне необъективно освещали вопросы, связанные с боевыми действиями, количеством людских потерь, изуверской сущностью гитлеровского оккупационного режима на советской территории и героической борьбе с ним.

Огромную роль в манипуляции массовым сознанием сегодня играют социальные сети, да и, в целом, Интернет – не только как средство оперативного получения информации, но и как средство идеологической и даже политической борьбы. Студенты чаще всего смотрят не аналитические телепередачи (и статистика говорит нам о том же), а через гаджеты получают готовую информацию об исторических событиях, нередко – анонимную, не подкрепленную достоверной документальной базой, а то и откровенно аморальную, направленную на забвение памяти борцов с нацизмом.

Задача современного исторического образования в нашей стране состоит в повышении качества преемственности между средним (школьным) и вузовским уровнями образования. Студентов необходимо ориентировать на поиск научно выверенной, документальной информации о войне. Она со всей очевидностью показывает решающую роль СССР во Второй мировой войне, практически со всех сторон. Так, объективные данные показывают, что против Советского Союза было

развернуто 70% всех войск вермахта, и численность их на Восточном фронте постоянно увеличивалась за счет переброски с западного театра военных действий. И по протяженности (от 3 тыс. до свыше 6 тыс. километров) он превосходил все вместе взятые фронты, удерживаемые англо-американскими союзниками, и по количеству разгромленных немецко-фашистских дивизий [5, с. 77].

И, конечно, необходимо содержательное, объемное изложение для студентов одного из самых тяжелых вопросов из истории Великой Отечественной войны – злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на оккупированных советских территориях. В наши дни серьезное место отводится публикации и популяризации огромного количества документов по данной тематике [6]. В государственных архивах краев и областей, подвергшихся оккупации, вышли сборники документов, посвященные зверствам гитлеровского оккупационного режима, жертвам среди мирного населения и военнопленных. Проводится большая работа по оцифровке документов, в том числе многих, бывших ранее под грифом «секретно». Особую роль играет внедрение в образовательный процесс в российских вузах с 2021 г. модуля «Великая Отечественная война: без срока давности», который имеет практико-ориентированный характер [7; 8]. В содержании его учебных материалов заложен как информационно-исторический, так и эмоционально-ценностный компонент [9].

Главный эмоциональный фон как раз и обусловлен горечью от колоссальных жертв гитлеровского нацистского режима, полным осознанием этого. Однако обусловлен он еще и чувством благодарности ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, а значит – чувством гордости за свою многострадальную и Великую страну. Это содействует сохранению исторической памяти нашего народа в его нынешних и будущих поколениях.

Примечания

1. Память о войне и войны памяти: исторические уроки прошлого и политические вызовы современности. Материалы “Круглого стола” сотрудников, аспирантов и студентов Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2016. – № 3. – С. 154-180.

2. Салфетников Д.А. Информационная сторона глобализации на современном этапе развития общества // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: сб. ст. по мат-лам 73-й науч.-практ. конф. препод. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 537-538.

3. Салфетников Д.А. К вопросу о формах проведения мероприятий в рамках гражданско-патриотического воспитания в вузах // Качество современных образо-

вательных услуг – основа конкурентоспособности вуза: сб. ст. по мат-лам меж-фак. учеб.-метод. конф. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 443-445.

4. *Дронов В.А.* Методы формирования патриотических ценностей у молодежи в условиях информационной глобализации // Великая Отечественная война 1941-1945 годов и патриотическое воспитание молодежи. К 75-летию Великой Победы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Ульяновск, 15 апреля 2020 г.). – Ульяновск: УлГТУ, 2020. – С. 168-171.

5. *Сперанский А.В.* Великая Победа в контексте современной истории: концептуальные подходы и политические мнения // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. онлайн конф. (г. Казань, 20-21 октября 2020 г.). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – С. 72-79.

6. *Салчинкина А.Р.* Электронные банки данных “Подвиг народа”, “Мемориал” и “Память народа” в цифровой среде исторической науки // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: мат-лы Юб. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Кубанского ГАУ (Краснодар, 06 апреля 2022 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2022. – С. 629-632.

7. *Салчинкина А.Р., Харитонов Е.М., Хоружая С.В.* Включение образовательного модуля “Великая Отечественная война: без срока давности” в образовательные программы высшего образования // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: Междунар. межвуз. осенняя науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 сентября 2022 г.): сб. мат-лов и докл. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2022. – С. 189-192.

8. *Салчинкина А.Р., Харитонов Е.М., Хоружая С.В.* Реализация образовательного модуля “Великая Отечественная война: без срока давности” в высших учебных заведениях южного федерального округа // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: Междунар. межвуз. осенняя науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 сентября 2022 г.): сб. мат-лов и докл. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2022. – С. 184-189.

9. *Салчинкина А.Р.* Применение цифровых технологий в изучении истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в рамках вузовской дисциплины “История (история России, всеобщая история)” // Кубанские исторические чтения: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 июня 2022 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А. – С. 108-112.

УДК 81.373.21/930.85:902/904

КОСОЛАПОВ В.В.,
Россия, г. Геленджик

История античной Ахеи в топонимах

Автором статьи рассмотрены в хронологическом порядке топонимы, берущие свое начало с античной Ахеи. В статье показано влияние на топонимику современного Черноморского побережья государств, существовавших на территории Северо-Западного Закавказья (Колхидское, Лазское, Абхазское, Грузинское царства) и народов, здесь живших в античную эпоху (греки, римляне, гениохи, зихи, саниги, аланы, готы, турки и др.).

Ключевые слова: топонимика, этимология, ороним, этноним, гидроним, ойконим, потамоним, этимология, античность, Большой Геленджик, Черное море, Ахея, Боспорское царство, Лазское царство, Абхазское царство, Грузинское царство, исторические источники, археологические находки.

**Kosolapov V.V.,
Russia, Gelendzhik**

History of ancient Achaea in toponyms

Author of article considers in chronological order the toponyms originating from ancient Achaea. Article shows the influence on the toponymy of the modern Black Sea coast of the states, that existed on the territory of Northwestern Transcaucasia (Colchis, Lazian, Abkhazian, Georgian kingdoms) and peoples who lived here in the ancient era (Greeks, Romans, Geniochs, Zikhs, Sanigs, Alans, Goths, Turks, etc.).

Keywords: toponymy, etymology, oronym, ethnonym, hydronym, oikonym, potamonym, etymology, antiquity, Big Gelendzhik, Black Sea, Achaea, Bosporan kingdom, Lazian Kingdom, Abkhazian kingdom, Georgian kingdom, historical sources, archaeological finds.

Геленджикские земли помнят много народов за свою длительную историю. Письменные источники свидетельствуют, что в античное время на территории современного Большого Геленджика жили: «73. КЕРКЕТЫ. А за Синдской Гаванью – керкеты. 74. ТОРЕТЫ. После же керкетов тореты и греческий полис Торик и гавань. 75. АХАЙИ. А за торетами – ахайи» [1]. У Арриана вместо Торика упомянуты Пагры, за которыми до Старой Ахеи (Архипо-Осиповка) жили ахейцы [2]. Распо-

ложение этих топонимов на современной карте подтверждено расчетами дистанций [3].

Саки появились на Кавказе в VII в. до н.э. Ороним «Папай» (819 м) в честь верховного бога скифов – Папая. Ороним «Шек» (412 м) на правом берегу в устье р. Пшады происходит от этнонима «саки», персидского варианта этнонима «скифы». Здесь встречалось много наконецников стрел скифского типа. Для сравнения: ойконимы «Шеки» в Азербайджане и «Саки» в Крыму [4].

В VI в. до н.э. началась колонизация Черноморского побережья Кавказа (ЧПК) греками-ионийцами. В 480 г. до н.э. греческие полисы Восточного Крыма и Тамани объединились в Боспорское царство со столицей в Пантикапее, которое просуществовало до VI в. Боспорский царь Левкон I в IV в. до н.э. присоединил синдвов, керкетов и торетов [5].

Греческая усадьба, обследованная Н.А. Онайко на Тонком Мысу в г. Геленджике существовала с VI в. до первой половины V в. до н.э. Возможно, эта усадьба погибла во время военного визита Перикла. Затем афиняне на берегах бухты построили Торик, который в IV в. до н.э. был присоединен к Боспору [1]. Однако он пока не найден археологами. Уровень моря в античное время был ниже современного примерно на 5 м. С самолета виден античный причал на Тонком Мысу недалеко от обследованной усадьбы.

Целью экспедиции Перикла 437-436 гг. до н.э. стало обеспечение безопасности поставок зерна в Аттику, контроль над Пантикапеем и морским путем из Амиса в Боспор. Геленджикская бухта располагалась между Боспорским царством и племенами ахеев, зигов и гениохов, промышлявших пиратством [6]. Торик, основанный здесь афинянами, позволял им достичь поставленных целей.

Греческие торговые суда обладали хорошими мореходными качествами, ориентировались в открытом море по звездам и светилам. И греки уже в V-IV вв. до н.э. освоили в Понте путь Амис – Торик – Синдика – Пантикапей и др. [6] Расстояние между Ториком и Амисом составляло 390 км. Например, такое же расстояние в Западном Понте на линии между Каллатисом и Херсонесом Таврическим, а между Каллатисом и Гераклеей Понтийской – 360 км. Грекам в открытом море пираты на лодках с худшими мореходными качествами были не страшны.

Однако суда, идущие в открытом море, пиратам были и не нужны. Они, как волки, поедающие больных и слабых, грабили суда, потерпевшие кораблекрушение или стоявшие у берега или идущие вблизи берега. Они также грабили прибрежные поселения, заманивали огнем в засаду корабли ночью или в тумане. Пиратам было удобно нападать на

суда вблизи портов. Для этого они прятались в закрытых от волн бухтах Никаксина (Новороссийск) и Торика. Контроль этих гаваней для греков и Боспорского царства стал особенно важен для безопасного торгового мореплавания. Кроме того, они могли быть использованы в случае непогоды или непредвиденного ремонта, поскольку находились недалеко от курса следования по пути Торик – Синдика. Ахейские пираты были ближе зигов и гениохов как к этим бухтам, так и к маршруту Пантикапей – Амис. Поэтому борьба с ними являлась первоочередной задачей. Других таких удобных гаваней на Восточном Черноморье не имелось, вплоть до Пицунды.

В IV в. до н.э. Скилак упоминал о существовании на ЧПК между ахайями и кораксами гениохов [1]. Затем на месте гениохов жили в I в. до н.э. зихи [7] и саниги [8], а гениохи через четыре века исчезли с карты ЧПК.

Боспорские цари проводили карательные операции против ахейских пиратов, нападавших на торговые суда, шедшие вдоль берегов Понта. Евмел, борясь с пиратами в конце IV в. до н.э., дошел до Пшады. На ахейской земле он заложил город Гиер (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на реке Гиер (устье р. Мезыбь) [9]. Там имелся широкий эстуарий для стоянки пиратских лодок, откуда они могли нападать на суда, идущие из гавани Торик. В Великую Отечественную войну там стояли торпедные катера, а до войны по притоку Мезыби р. Адербе сплавливали лес.

«В.И. Лавров со слов адыгов указывал на факт ссылки греческих преступников в Гиер (Гвер)» [10]. Сами греки считали черноморских ахейцев бывшими греками (например, из Орхомена и др.), которые, «будучи эллины родом, называются, оварварившись, ахейцами». Ахейцы были суровы к эллинам и враждебны к керкетам [11]. Часть переселенных Евмелом беженцев из мёзийского Каллатиса в пограничный Гиер тоже могла быть эллинами [9]. Из выше изложенного следует, что ахейцы и гениохи были разными народами.

В Северо-Западном Закавказье также создавались древнегреческие полисы. Местные народы взаимодействовали с греками и другими жителями Кавказа, со своими южными соседями: персами и народами Анатолии, а позднее также с Римом, Византией, арабами. Там последовательно существовали Колхидское, Лазское, Абхазское и Грузинское государства.

Ахея в течение длительного времени, находясь между Боспорским царством и государствами Северо-Западного Закавказья, являлась независимой. Несмотря на гористую местность, вся ее территория была доступна через перевалы с высотами ниже 220 м, открытыми круглый год, независимо от погоды. С северными соседями перевалы повыше – до

380 м, что тоже всегда преодолимо, в отличие от перевалов Алании, Сочи и Абхазии. Сюда докатывались волны народов, прошедших по степям и предгорьям Северного Кавказа, здесь искали убежище сбежавшие с их пути народы.

По долинам крупнейших ахейских рек Мезыбь, Пшада и Вулан проходили торговые пути к Черному морю. В устьях рек Пшада и Вулан также имелись эстуарии для стоянки лодок. Например, в эстуарии Вулана и сейчас стоят прогулочные катера.

В Ахее невысокие горы (до 920 м) без непроходимых скальных участков не могли обеспечить защиту от набегов ни с севера, ни с юга. Например, для контроля гораздо меньшей территории нынешнего Новороссийска Боспорским царством было построено два десятка крепостей. Спасти боспорцев могла бы только сплошная крепостная стена, как в Абхазии. В целях безопасности морского судоходства от пиратов Боспорское царство контролировало только бухты Торики и Гиера. Устья рек Пшады и Вулана контролировали ахейцы.

Боспорские цари, возможно, имели договоренности с гениохами по совместному противостоянию с ахейцами. Для этого они допускали их на свои рынки с награбленным добром. Ахейне не смогли длительно противостоять одновременным угрозам с севера, востока и с юга. В V в. зихи, поглотив территорию ахейцев, продвинулись на север до Гепталы (Торики), на юге же они граничили с санигами по р. Ахеунт (Шахе) [11].

Память об ахейцах сохранилась в этнонимах и топонимах Черноморского побережья. Одно из подразделений шапсугов называется агуйя, гуаие или гой (см. топонимы Агой, Гойтх, Гуаия). Стефан Византийский в VI в. упоминал здесь хоев [10].

Зихи, гениохи, саниги – это родственные народы, говорившие на языках адыго-абхазской группы, жившие по обеим сторонам Кавказского хребта. С античного времени и до XIII в. они вместе входили в государственные образования, созданные в Западном Закавказье. Чужим доступ на территорию от Старой Лазики/Никопсии до Диоскурии был закрыт. Чужак мог безопасно там находиться только под покровительством аборигена. Их северная граница продолжалась к северу от Старой Лазики/Никопсиса. Конкретную привязку этой границы в разные эпохи можно проследить по топонимам, сохранившимся с той поры. Ниже будет объяснено, что в ахейской земле они контролировали только побережье. Очевидно, что до I в. н.э. внутренние земли Ахеи не подчинялись ни Боспору, ни гениохам, ни зихам.

Во II в. до н.э. Колхидское и Боспорское царства были присоединены к Понтийскому царству [5]. Проиграв Третью войну с Римом в 65

г. до н.э. Митридат VI, формально царь гениохов и зихов, проплыл мимо них от Диоскурии до ахейцев. «Побережье гениохов не было приспособлено для захода судов. Даже сами пираты уносили с побережья свои камары на себе. По берегу зигов пройти было невозможно, и Евпатор проплыл его морем» [12].

Далее Евпатор прошел по щелям Еропкина (найдено много монет и др.) и Скупкова водораздел между реками Вулан и Пшада, и вышел на северные склоны Кавказа (через Папайский перевал (386 м), западнее г. Митридат) к своим подданным. Добравшись до Пантикапея таким путем, Евпатор избежал столкновения с римской эскадрой, ожидавшей его у входа в Керченский пролив.

Восточная граница Боспора г. Митридат возле г. Убин-Су названа так в честь царя Митридата Евпатора. Убин-Су от убу (тат.) – трясина, топкое место и су (тат.) – вода (ср: озеро Убинское в Новосибирской обл.) [13].

Колхидское царство в I в. до н.э. стало провинцией Рима. Его жители колхи, они же заны [14]. Последний этноним сохранился на территории Геленджика в двух гидронимах и ойкониме. Джанхот – от абх.-абазин. ‘жан-кыт’ (зан-кыт) – селение и река жанеевцев. Адыгский этноним жане, тур. сане, у Ш.Б. Ногмова [10] зане или занно дали гидроним Жане, приток р. Мезыбь.

«Саниги – саны». Ипполит Римский и Евсевий Кесарийский. «Саниги – жанеевцы, сан – зан. В литературе и летописях до XI в. жанеевцы упоминались как саниги» [8]. Этноним саниги (I в. до н.э. – XI в. н.э.) [8] составлен из корня ‘зан – сан’ и адыг. суффикса множественности – г. (ср.: адыги, абазги, зиги, джиги, касоги).

В истории нередко лидирующий народ государства (в данном случае заны) расширял свое влияние за счет династических браков со второстепенными народами. В результате этого, последние могли перенимать титульный этноним, оформив его в соответствии со своими языковыми правилами. Это справедливо не только для этнонимов, но и для топонимов, возле которых проживали такие этносы.

Со временем жанеевцы заселили реки Джанхот и Хотецай и переместились по их истокам на северные склоны хребта Танукятх в долину р. Жане. А в средние века жанеевцы занимали приморские земли от долины р. Цемес (Новороссийск) до р. Пшады [10].

Саниги – предки абазин, самого северного народа из всех вошедших позднее в абхазскую нацию, обособленно проживали с I в. на земле ахейцев. Красная щель между реками Джанхот и Пшада тогда называлась Нихапшь/Нахапш у Люлье и Некепш у Дюбуа де Монпере – священные воды, где абх. ‘ныха’ «священный», а из адыг. – пс- трансфор-

мированный 'пш' – «река, вода». В.И. Ворошилов считал, что в гидрониме присутствует этноним рода Нихе или Ниге [10].

Еще одна «священная река» – р. Пшенахо Туапсинского района. Тешев переводил через Псынако – долина родников. Также Нихетх – «священный хребет», разделяющий реки Аше и Псезуапсе в Лазаревском районе. Тешев считал, что ороним образован от адыг. 'ныхи' – «осина» и 'тхы' – «хребет» [10]. Ниха – «священное» дерево возле аула Б. Кичмай на реке Шахе (ср.: абх. 'ныха' «священный» и шапс. 'ниха' «осина») [10]. Возможно, что и ойконим Никопсия/Никопсис на реке Нечепсухо также образован от абх. 'ныха' «священный» с адыг. 'псе' – река.

Ныхой у абхазов могли быть горы, деревья, реки и родники. Характерно то, что все топонимы, производные от 'ныха' представляют пять основных районов ЧПК – от р. Шахе до Геленджика. В Лазаревском и Туапсинском районах это главные реки, а в Геленджике самая большая река замкнутого приморского горного района. И вариант таких этимологий от слова 'ныха' – «священный» – вполне правомерен. Кроме того, недалеко от Нихапши высочайшие вершины главных ахейских хребтов Коцехурского и Танукятх позднее были названы Тхаб и Тхачегочук соответственно. Первое образовано от адыг. 'тхы' «бог, хребет», адыг. 'бэ' «много» и означает «многобожие или много хребтов». Второе – адыг. «земля (вершина) под покровительством богов» [15]. Река Жане берет начало с горы Тхаб, а река Джанхот с хребта Танукятх, недалеко от горы Тхачегочук.

В 63 г. до н.э. Боспор стал протекторатом Рима [5]. После этого Римская империя для борьбы с пиратством и контроля данного района разместила на территории Ахеи возле устьев двух крупнейших рек Вулана и Пшады свои гарнизоны. Они находились в нескольких километрах от устья, а на берегу Черного моря поставили только дозорные и таможенные посты. Римские предметы местные жители находили в садах и огородах не только в с. Архипо-Осиповка, но и в с. Береговом. Пока не известно, существовали ли эти гарнизоны одновременно или поочередно и как долго. Аборигены жили в ущельях, поскольку на берегу Черного моря была постоянная опасность нападения пиратов.

Б.В. Мелешко возле с. Архипо-Осиповка исследовал римскую башню, существовавшую во второй трети I в. н.э. Выяснилось, что офицеры, служившие здесь, являлись римскими гражданами. А обнаруженная керамика из Колхиды и Синопа указывает на местные нижние чины [16]. Джанхот, основанный в это же время санигами на северной границе Колхидского царства (см. выше), использовался для информационной поддержки этих гарнизонов.

Арриан упоминал на берегах Геленджикской бухты поселение Пагры [2]. Предположительно, оно находилось вверху по ул. Морской в Геленджике (бывший завод ЖБИ).

В первой половине III в. на Северо-Запад Черноморского побережья Кавказа ворвались готы-тетракситы и ворады (бораны). Первые могли быть связаны с потамонимом Хотецай/ Хотечей – «долина готов» через 'хоте' от «гот» и адыг. 'чей' – «долина» (южная граница с Лазикой) [10] или адыг. «река, протекающая по балке» или адыг. «бешеная собака» [15]. Вторые – с оронимом Варада (Маркотхский хребет) [10]. Их государство Эвдусия просуществовало до V в. [11]

Римская провинция Лазика возникла на осколках Колхидского государства, а в конце III в. н.э. стала независимым Лазским царством, просуществовавшим около 250 лет. Лазы, они же чаны [17]. Селение в районе нынешнего поселка Новомихайловский Туапсинского района уже во II в. н.э. называлось Старая Лазика [2]. На правом берегу возле устья р. Красная щель гора Чанхот (421 м) от абх.-абазин. 'чан-кыт' «селение чанов» – их северная граница с готами. Возможно, жанеевцы-саниги уже обособились от Лазики и остались жить в буферной зоне на р. Джанхот между готами и чанами.

В середине III в. аланы продвинулись к Боспорскому царству. Гидроним Вулан, возможно, имеет аланскую этимологию от этнонима алан [10]. Или адыг. «неспокойная» и убых. Улана – река Улэ от женского имени Улэ и убых. 'ана' «река» [15]. Возможна также сиракская этимология. Сираки под давлением готов переместились из степей в горы. Ахейцы были вытеснены из долины этой реки. Под их контролем осталась только долина р. Пшады. Римский гарнизон, если и имелся, то прекратил, скорее всего, свое существование.

В V в. вместо Пагры Псевдо-Арриан указывал Ептала/ Гептала [11]. В том же веке гунны-утигуры вернулись на Северо-Западное побережье Кавказа, затем с 520 г. эти земли находились под протекторатом Византии. В конце VI в. эта территория вошла в состав Тюркского каганата [5].

Абхазское царство существовало в течение VI-X вв. Его границы достигали в некоторые годы Геленджикского района [18].

После распада Тюркского каганата в начале VII в. возникла Великая Булгария со столицей в Фанагории [19]. Ее южные границы с Абхазским царством отметили вершиной Хан, переименованной из Шек (устье р. Пшада). Она связана с ханом Великой Булгарии Кубратом.

Во второй половине VII в. Хазария разгромила болгар [19]. Южная граница хазар с Абхазским царством проходила по р. Беш – «пять» по-хазарски, в настоящее время Бетта, ойконим и потамоним. Гора

Арарат (350 м), возвышающаяся над левым берегом устья реки, имеет 5 вершин. Возможно, что позднее маршрут в Амис или ближайший порт южного Причерноморья проходил мимо Бетты и ороним Арарат был так назван моряками по аналогии с Малоазийским Араратом. Обе горы оставались всегда на одной стороне маршрута, но в противоположных концах.

Зихи, занявшие земли ахейцев в V в., до второй половины X в. – времени падения Хазарского каганата – проживали отдельно от Абхазского царства. Это повлияло на обособление будущих адыгов от будущих абхазов.

Наследником Абхазского царства стало Грузинское царство, площадь которого при царице Тамаре обладало максимальным размером за всю свою историю. На севере его границы находились за Никопсией [20]. Очевидно, что река Азмашах «Великая шахиня» в Геленджике стала пограничной и названа в ее честь. Одними из титулов Великой Тамары были суверен Востока и Запада и шахиншахиня, аналог перс. шахиншах. А араб. женское имя 'Асма' означает «великая, господствующая».

«К X веку северо-западная граница Абхазского царства достигала района Геленджика, при этом абхазская экспансия происходила большей частью мирным путем, когда, при относительно слабом перемещении этнических элементов, аборигенное население переходило на язык более сильного и влиятельного соседа» [10]. Это же подтверждают топонимы. Граница санигов достигала рек Джанхот и Жане.

«После походов Батыя (1236-1240 гг.) и нашествия Тимура (1395 г.) на Северный Кавказ, наблюдается активизация адыгейской (черкесской) экспансии на юго-восток. Если до этого предки адыгов теснились в северо-западной части Кавказа, то после спада татаро-монгольских нашествий происходило их интенсивное расселение к юго-востоку, до современных Кабарды и Осетии, а по берегу моря к югу от Геленджика. При этом наблюдалось несколько волн черкесской экспансии к югу вдоль побережья, а также переселения в обратном направлении (например, расселение шапсугов из долины Псезуапсе к северу вплоть до Геленджика, или передвижение бжедухов из района Хоста-Сочи до Туапсе и далее, а затем на северный склон). В результате черкесской экспансии к началу XVII в. абазинский (абхазский) язык отступает уже к району Туапсе, а к концу XVIII в. эта граница отходит к югу от Сочи. В это время усиливается влияние горных убыхских племен и они расширяют границы своих территорий» [10]. Например, к северу от г. Новороссийска находится поселок Убых. А саниги, проживавшие в районе рек Жане и Джанхот, стали адыгами-жанеевцами.

Из вышеизложенного видно, что абхазские этимологии являются более ранними, чем адыгейские (см. выше примеры на ‘ныха’).

Таким образом, на территории Ахеи в разные исторические периоды проживали элины, саки, мёзы, зихи, жанеевцы, саниги, римляне, аланы, ворады (бораны), готы, тюрки, болгары, хазары и др., что отложилось в названиях рек, гор, населенных пунктов и т.д. современного Черноморского побережья.

Примечания

1. Скилак Кариандский – Перипл обитаемого моря. URL: <https://www.shamardanov.ru/skilak-kariandskij-peripl-obitaemogo-morya-vdi-1988-№1-2.html> (дата обращения: 28.12.22).

2. *Арриан*. Объезд Евксинского Понта. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1476500300> (дата обращения: 28.12.22).

3. *Косолапов В.В.* Черноморское побережье Кубани на карте Флавия Арриана // Кубанские исторические чтения: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26 июня 2015 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2015. – С. 142-146.

4. Саки (племена). Сайт “Википедия”. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Саки_\(племена\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Саки_(племена)) (дата обращения: 28.12.22).

5. Боспорское царство. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Боспорское_царство (дата обращения: 28.12.22).

6. *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла. URL: <http://vdi.igh.ru/system/articles/pdfs/000/001/841/original/ce4d079de39883c9d98bd978bd7d1900e8cc3845.pdf?1531147872> (дата обращения: 28.12.22).

7. *Страбон*. Книга XI. Гл. 2 // Страбон. География: в 17 кн. / пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского / под общ. ред. проф. С.Л. Утченко; ред. пер. проф. О.О. Крюгер. – М.: Ладомир, 1994. – 943 с.

8. Саниги. Сайт “Википедия”. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Саниги> (дата обращения: 28.12.22).

9. *Косолапов В.В.* Штрихи к истории Геленджика // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 32. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 110-112.

10. *Ворошилов В.И.* Топонимы Российского Черноморья: история и этнография в географических названиях. – Сочи; Майкоп: Качество, 2005. – 263 с. URL: http://apsnyteka.org/652-voroshilov_toponimy_rossiyskogo_chernomoriya_vvedenie_v_toponimiku_chernomorskogo_poberezhya_kavkaza.html (дата обращения: 28.12.22).

11. *Псевдо-Арриан*. Объезд Евксинского Понта. URL: <https://studfile.net/preview/9630115/page:2/> (дата обращения: 28.12.22).

12. *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Москва. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grecheskaya-kolonizatsiya-vostochnogo-prichernomorya-itogi-i-perspektivy-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 28.12.22).

13. Убинское озеро. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убинское_озеро (дата обращения: 28.12.22).
14. Колхида. Сайт “Википедия”. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Колхида> (дата обращения: 28.12.22).
15. *Ковешников В.Н.* Очерки по топонимике Кубани. – Краснодар: б.и., 2006. – 249 с.
16. Римская сторожевая башня (Архипо-Осиповка). Сайт “Википедия”. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Римская_сторожевая_башня_\(Архипо-Осиповка\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Римская_сторожевая_башня_(Архипо-Осиповка)) (дата обращения: 28.12.22).
17. Лазика. Сайт “Википедия”. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лазика> (дата обращения: 28.12.22).
18. Абхазское царство. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абхазское_царство (дата обращения: 28.12.22).
19. Великая Болгария. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Великая_Болгария (дата обращения: 28.12.22).
20. История Грузии. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Грузии#Царица_Тамара_и_Золотой_век (дата обращения: 28.12.22).

УДК 338.43:631.3

АЛЕКСЕЕНКО О.И.,
Россия, г. Краснодар

Китайские тракторы на российском рынке сельскохозяйственной техники: современное положение и перспективы

В статье показано, как уход западных производителей тракторов повлиял на российский рынок и способствовал исключительно быстрому закреплению на нем китайской техники. В сегменте машин малой и средней мощности китайские тракторы стали конкурировать с продукцией Минского тракторного завода. По мнению автора статьи, китайские производители в ближайшие годы будут энергично наращивать свое присутствие в сегменте мощных и особо мощных тракторов. В статье сделан вывод, что промышленность КНР сможет занять существенную долю российского рынка сельскохозяйственных машин.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китай, экономические санкции, сельскохозяйственная техника, тракторы, рынок, конкуренция.

**Alekseenko O.I.,
Russia, Krasnodar**

Chinese tractors on Russian agricultural machinery market: current situation and prospects

Article shows, how the withdrawal of western tractor manufacturers affected rus-

sian market and contributed to the exceptionally rapid consolidation of chinese equipment on it. In segment of small and medium-power machines, chinese tractors began to compete with the products of Minsk's tractor plant. According to the author of article, chinese manufacturers will vigorously increase their presence in the segment of powerful and especially powerful tractors in the coming years. Article concludes, that chinese industry will be able to take a significant share of the Russian market of agricultural machinery.

Keywords: Russian Federation, China, economic sanctions, agricultural machinery, tractors, market, competition.

С усилением западных санкций в 2022 г. произошли изменения на российском рынке сельскохозяйственных тракторов. Из России ушли европейские и североамериканские поставщики и освободилась ниша, ранее занятая дорогими иностранными тракторами. Это привело к росту доли продукции российских и белорусских тракторостроителей на рынке РФ, о чем автор уже писала [1; 2; 3]. Однако они не могли полностью заполнить освободившуюся обширную нишу, поэтому встал вопрос замены западной техники другой. Начиная с марта 2022 г. многие дилеры переориентировались на модели тракторов из КНР. Выставка «Агросалон-2022», проходившая в Москве в сентябре 2022 г., показала разнообразие китайской техники, уже представленной на российском рынке [4]. Хотя проблемы с сервисом и обеспечением запасными частями не снята с повестки дня, продажи тракторов из КНР в последний год значительно возросли [5]. В данной статье поставлена задача показать, насколько воспользовались новой экономической ситуацией в РФ китайские производители тракторов. История китайского тракторостроения восходит к 1953 г., когда советское правительство согласилось помочь КНР построить в 1955-1960 гг. 156 объектов важнейших отраслей промышленности. Сооруженный в рамках данной программы сотрудничества тракторный завод в г. Лоян стал первым предприятием новой для Китая отрасли и получил название Dongfanghon (Алеет Восток). Сами тракторы были скопированы с советских ДТ-54 и получили название «Алеет Восток-54». В июне 1958 г. с помощью советских инженеров, основываясь на чертежах трактора С-80, Аньшанский тракторный завод «Красное знамя» начал производство трактора «Красное знамя-80» с двигателем в 80 л.с. [6, с. 135]. Лоянский тракторный завод стал первым из пяти подобных предприятий. Ещё четыре завода были сооружены в Наньчане, Аньшане, Тяньцзине, и Шэньяне. Они освоили производство лучших советских колесных и гусеничных тракторов, выпуская их ежегодно десятками тысяч [7; 8]. С тех пор производство выросло на порядок. Так, по данным Национального бюро статистики Китая, в 2019 г. в КНР было произведено 617700 тракторов [9]. Это по-

чти вдвое превышает показатели тракторной промышленности СССР в 1980-е гг. и почти в 70 раз – показатели современной РФ.

В настоящее время в КНР производят до 50% всех товаров мира, а ее ВВП уже десятилетия растет рекордными темпами. Однако многие аграрии России воспринимали китайскую технику как товар низкого качества с неремонтопригодными конструкциями и некомпетентным сервисом. Тем не менее, текущая рыночная конъюнктура вносит свои поправки, многие недостатки изделий КНР были устранены: 1) Вопрос качества машин ведущих производителей КНР решен уже давно. Сегодня многие российские аграрии оценивают китайские агрегаты даже выше, чем тракторы МТЗ. 2) Сервисное обслуживание, в целом, выстроено и оно, учитывая текущие санкции, имеет тенденцию к улучшению. 3) Запчасти и комплектующие были, есть и будут, опасаться их дефицита в РФ не стоит.

Ситуация, сложившаяся с 2022 г., показала, что западные надежные и качественные тракторы от John Deere и других производителей, ушедшие с российского рынка, будет сложно заменить. Поэтому придется работать с отечественными и китайскими машинами. В России, например, сельскохозяйственные машины из Китая уже почти монополюльно охватывают сегмент мини-тракторов. Продукция китайского сельхозмашиностроения становится все более качественной, конкурентоспособной и востребованной, а тракторы завоевывают все больше мировых рынков, в том числе в среднем и высоком классе мощности. В настоящее время очевидно, что сегментом мини-тракторов китайские производители не ограничатся, а будут поставлять в РФ тракторы разных назначений и мощностных категорий. Всего на российском рынке представлено около 20 китайских брендов, но основными в классе тракторов средней и высокой мощности являются компании Dongfeng, Foton Lovol, CHERY, XINGTAI, YTO Group, Zoomlion, Shandong Weituo Group, Xuzhou KAT Agricultural Equipment, SHIFENG. Следует помнить и о том, что, во-первых, вопреки распространенному мнению, РФ – не главный импортер для Китая (9-е место с долей 2%) и, во-вторых, Россия сама имеет сильное сельхозмашиностроение [10].

По состоянию на начало 2021 г. производством сельскохозяйственной техники в КНР занимаются не менее 120 заводов, активно развивающих как собственные разработки, так и проекты с использованием европейских технологий. В различных сегментах российского рынка сельскохозяйственных тракторов, доля китайских машин существенно разнится. Диапазон весьма широк: от 60% в секторе мини-тракторов с мощностью до 49 л.с. и до менее 2% в секторе тракторов малой (от 50 до 99 л.с.), средней (от 100 до 199 л.с.) и высокой мощно-

сти (от 200 до 450 л.с.). По данным аналитических изданий «Росинформагротех» и Минсельхоза России, по состоянию на 2021 г. доля импортной техники в структуре тракторов на российском рынке составляла около 68%. Кроме того, по данным аналитического агентства «АСМ-Холдинг», около 6% занимают иномарки отечественной сборки и около 31% импортированные иномарки (не включая тракторы из Республики Беларусь). К тому же, рынок тракторов в РФ все еще не является насыщенным, количество тракторов ежегодно снижается при одновременном увеличении нагрузки на каждую единицу. Таким образом, аграриям, по-прежнему, нужны одновременно качественные, высокопроизводительные и доступные машины [10].

Ключевым преимуществом тракторов китайского производства является их цена. В настоящее время промышленность КНР сумела создать оптимальное предложение для мирового рынка сельхозмашин по соотношению «цена-качество». К преимуществам также можно отнести высокий уровень комфорта, функциональности, универсальности, простоты в работе и обслуживании. На российском рынке предлагается широкий диапазон навесного и прицепного оборудования для агрегатирования с тракторами китайского производства. Технические недостатки в определенных моделях все еще существуют, но они не носят системного характера и, чаще всего, легко устранимы в полевых условиях. По статистике, в текущих российских условиях китайские тракторы выходят из строя не чаще популярных брендов. К недостаткам машин из КНР можно отнести и недостаточно развитый сервис. В определенных регионах нашей страны возникают проблемы с поиском оригинальных запасных частей и их установкой. Но укрепление партнерских отношений между Китаем и Россией, скорее всего, поможет преодолеть этот недостаток [10].

Остановимся на трех наиболее мощных и хорошо представленных на российском рынке сельхозтехники компаниях. Одним из самых сильных китайских игроков в России является Foton Lovol International Heavy Industry из города Циндао [11]. Эта компания – крупнейший производитель строительных и сельскохозяйственных машин. Она занимает 1-е место по производству сельскохозяйственной техники в КНР, а ее тракторы продаются в 118 странах мира, включая и Россию. Сюда компания поставляет широкий модельный ряд машин с мощностью от 25 до 185 л.с. Кроме того, компания лидирует по продажам тракторов средней и большой мощности на протяжении последних 7 лет. Уже сейчас сформирована сеть дистрибуции и сервиса, включающая продажи, сервис, поставки запасных частей, обучение клиентов и обратную связь в России, куда сейчас поставляются 4 модели мини-

тракторов, 6 моделей малой и средней мощности, 6 версий более мощных машин. В 2022 г. в РФ успели привезти две новинки: универсально-пропашные тракторы Lovol TD 1304-III – самый мощный (130 л.с.) из серии колесных тракторов Lovol TD третьего поколения – и Lovol TD 904-III (90 л.с.). По тяговой классификации машины относятся к самым распространенным категориям колесных тракторов с номинальным тяговым усилием 2 тс. и 1,4 тс [10].

Компания Zoomlion Heavy Industry Science & Technology Co., Ltd. была основана в 1992 г. [12] Главные направления ее деятельности – разработка и производство тяжелых высокотехнологичных строительных и сельскохозяйственных машин. Имея более, чем 20-летний опыт внедрения инноваций и совершенствования производства, компания в настоящее время является международным холдингом, выпускающим примерно 600 подтипов техники. Концерн Zoomlion Heavy Machinery владеет одним из крупнейших заводов Китая, который расположен в городах Вуху и Кайфен. Предприятие производит специализированную и строительную технику, а также сельскохозяйственные машины, в том числе тракторы мощностью от 24 до 600 л.с. В Россию пока поставляются только тракторы мощностью от 24 до 180 л.с. Из тех изделий, которые уже сейчас доступны российским аграриям, можно выделить полноприводный трактор 804C мощностью 80 л.с. и трактор RS-1204-F, который имеет более мощный двигатель в 120 л.с. В 2021-2022 гг. еще одним важным сигналом для отрасли стала поставка в Россию первой партии новых более производительных тракторов Zoomlion RN1104 и RS1604F мощностью до 160 л.с. Техника уже активно работает в Черноземье, Приволжье и на Урале [10].

Компания YTO Group Corporation [<https://ytocorp.com>] создана на основе первого тракторного завода КНР в г. Лоян и является крупнейшим китайским производителем сельскохозяйственной и строительной техники. До использования бренда YTO тракторы и двигатели производились под брендом Dongfanghon, о чем сказано в начале статьи. Компания имеет самый широкий модельный ряд гусеничных и колесных сельскохозяйственных тракторов, производимых в КНР. В нем представлено более 45 различных машин мощностью от 18 до 220 л.с. Направление мини-тракторов представлено 15-ю моделями мощностью от 18 до 40 л.с., а более мощные сельскохозяйственные тракторы (80-220 л.с.), способные работать с широким набором прицепных и навесных агрегатов – 6-ю современными моделями. Все эти изделия поставляются или будут поставляться в РФ [10].

В сегменте мощности от 300 л.с. и выше Китаю также есть, что предложить аграриям России. Такие тракторы в КНР производятся

компанией Xuzhou KAT Agricultural Equipment (Сюйчжоу КАТ) [13]. Фирма входит в концерн Construction Machinery Group (ХСМГ), созданный в 1989 г. Подразделение по производству сельскохозяйственной техники создано в 2005 г. и ориентировано, прежде всего, на производство тракторов повышенной мощности под наименованием КАТ. Основные производственные мощности расположены в Сюйчжоуском индустриальном парке. Продукция поставляется в регионы Восточной Азии, Среднего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы. Среди тракторов преобладают 9 основных моделей средней мощности. Однако в настоящее время есть перспективы поставки в нашу страну и более высокопроизводительных машин. Самым мощным сельскохозяйственным трактором в серийной линейке компании является КАТ4404, оснащенный современным 6-цилиндровым двигателем в 440 л.с. [10]

Между тем, среди отечественных обозревателей по вопросам АПК сохраняется мнение, что китайские производители поставляют в Россию лишь тракторы средней и малой мощности, но не делают мощные тракторы, производство которых и в самой России почти отсутствует [14]. Наличие среди китайской продукции трактора КАТ4404 показывает, что это не так. Ниже будут приведены и другие факты, доказывающие, что мощные тракторы в КНР производятся.

Руководитель комитета Союза промышленников «Прогресс» А. Никонов обнародовал в 2023 г. в журнале «Агротехника и технологии» данные, согласно которым, в 2020 г. КНР экспортировала в Россию 945 тракторов, а в 2022 г. – 4883. По сегментам мощности картина такая: от 40 до 150 л.с., соответственно, 925 и 3809; от 150 до 250 л.с. – 20 и 1012; от 250 до 500 и более л.с. – 0 и 62. Таким образом, продажи китайских тракторов в 2022 г., по сравнению с 2020 г., увеличились в нашей стране в 5 раз [5].

А. Никонов считает, что популярность тракторов китайского производства растёт по нескольким причинам:

– Китай наращивает экспорт в Россию за счёт продаж именно китайской техники, не ограниченной рамками лицензий западных производителей.

– Дилеры, продававшие западную технику, остались не у дел, имея сформированный рынок сбыта, но уже не имея возможности его удовлетворить. Проработав несколько вариантов, они пошли естественным путем – наладили контакты с китайскими производителями. Используя свои компетенции для продвижения китайских тракторов, они, тем самым, увеличили долю рынка китайской техники в РФ.

– Дополнительным стимулом продаж китайской техники стала активизация уже существующей в нашей стране дилерской сети китайских производителей, чему способствовала появившаяся возможность занять высвободившиеся рыночные ниши [5].

А. Никонов констатирует, что ёмкость рынка тракторов в диапазоне мощностей 40-150 л.с., высвободившуюся после ухода западных производителей в 2022 г., китайские предприятия и Минский тракторный завод (МТЗ) поделили в соотношении 36% на 64%. В абсолютных цифрах это 3044 единицы китайских производителей и 8544 – МТЗ. Это позволило полностью занять долю западных производителей и частично закрыть потребность в технике в сегменте 150-200 л.с. Однако полностью удовлетворить существующий в России спрос такого сегмента пока не удаётся, поскольку ни российские, ни белорусские производители в полной мере не могут его освоить. Поэтому в 2022 г. эта потребность на 45% была удовлетворена за счёт китайской техники, на 17% – за счет западных брендов. Отечественные компании в данном сегменте поставляют 33% техники. Появление китайской техники в категории 250 л.с. и выше показывает, что данная ниша представляет особый интерес, и в перспективе в ней образуется высокая конкуренция. Ожидается, что в 2027 г. объём продаж китайской техники мощностью более 250 л.с. может составить свыше 1000 ед. И если российские производители тракторов, специализирующиеся на этом мощностном диапазоне, хотят сохранить свою долю на рынке, им придётся пересмотреть свою политику в области цен, гарантий, сервиса и обеспечения потребителей запасными частями [5].

На основе приведенных фактов, статистических данных и экспертных оценок можно сделать следующие выводы и предположения:

– При сохранении ценовой политики, повышении внимания к гарантийному и сервисному обслуживанию, обеспечению запчастями, китайские производители тракторов завоюют значительную долю российского рынка.

– В сегменте машин малой и средней мощности китайские тракторы несколько потеснят продукцию МТЗ.

– Шансов, что в данный сегмент вернется отечественная техника, нет. Соответствующие российские заводы разрушены, а компетенции утрачены.

– Китайские производители в ближайшие годы будут агрессивно наращивать свое присутствие в сегменте мощных и особо мощных тракторов.

– Уход западных производителей с российского рынка исключительно благоприятно повлиял на закрепление на нем китайской техники. И этот процесс продолжится.

Примечания

1. *Алексеевко О.И.* Проблемы обеспечения агропромышленного комплекса России сельскохозяйственной техникой в условиях новых западных санкций // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 31. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 87-94.

2. *Алексеевко О.И.* Современное состояние сельскохозяйственного машиностроения в Российской Федерации // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 27. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2020. – С. 99-104.

3. *Алексеевко О.И.* Машиностроение и электроэнергетика в системе отечественного агропромышленного комплекса (АПК) // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Спец. вып. 18. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2016. – С. 21-37.

4. Белорусские и китайские новинки на Агросалоне – 2022. 25.10.2022. URL: <https://glavpahar.ru/articles/belorussskie-i-kitayskie-novinki-na-agrosalone-2022>.

5. *Никонов А.* Китайский захват. Что ждёт российский рынок тракторов в 2023 году. 17 марта 2023 // Агротехника и технологии. Март-апрель 2023. URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/39990-kitayskiy-zakhvat-chto-zhdyet-rossiyskiy-rynok-traktorov-v-2023-godu/>.

6. *Ван Вэй.* История развития китайской сельскохозяйственной техники при содействии Советского Союза // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. – № 1. – С. 132-143.

7. Автомобили и Техника СССР и Соц. Стран. URL: https://vk.com/wall-101323493_77816?ysclid=lgca0ufr1a695411693.

8. *Бухаров В.Л.* Китайские бульдозеры. URL: <https://dolina-sdm.ru/information/752/>.

9. Китайский рынок сельскохозяйственной техники: рост, тенденции, влияние covid-19 и прогнозы (2023-2028 гг.). URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/china-agricultural-machinery-market>.

10. Хорошо или плохо – захватят ли китайские тракторы российский рынок? 28.03.2022. URL: <https://glavpahar.ru/articles/horoshho-ili-ploho----zahvatyat-li-kitayskie-traktory-rossiyskiy-rynok>.

11. Компания “Foton Lovol International Heavy Industry Co., Ltd”. URL: <https://www.fotonlovol.ru/o-kompanii>.

12. Компания “Zoomlion Heavy Industry ScienceTechnology Co., Ltd”. URL: <https://zoomlionheavy.ru/?ysclid=lgkxyvrz3z669373515>.

13. Компания “Xuzhou KAT Agricultural Equipment”. URL: <https://kattier.ru/?ysclid=lgkygya9c1864480447>.

14. *Миронова Е.* Китайские тракторы могут занять 20% рынка в России. 09 декабря 2022. URL: <https://mashnews.ru/kitajskie-traktoryi-mogut-zanyat-20-ryinka-v-rossii.html>.

**Российское законодательство
об иностранных агентах в 2022-2023 гг.**

В статье показана эволюция законодательства РФ об иностранных агентах – физических лицах и организациях в 2022-2023 гг. Дана информация о современных правовых актах, содержащих определения «иностранный агент», «иностранное финансирование», «иностранное влияние», раскрыты ограничения, налагаемые на иностранных агентов и санкции за их нарушения. Автор сделала вывод о том, что укрепление суверенитета РФ в сфере внутренней политики и идеологии последовательно продолжается.

Ключевые слова: Российская Федерация, суверенитет, законодательство, федеральный закон, иностранный агент, некоммерческая организация, неправительственная организация.

**Faroi T.V.,
Russia, Sochi****Russian legislation on foreign agents in 2022-2023**

Article shows the evolution of the legislation of the Russian Federation on foreign agents – individuals and organizations in 2022-2023. Information is given about modern legal acts containing definitions of “foreign agent”, “foreign financing”, “foreign influence”, restrictions imposed on foreign agents and sanctions for their violations are disclosed. Author concluded, that the strengthening of the sovereignty of Russian Federation in the sphere of domestic politics and ideology continues consistently.

Keywords: Russian Federation, sovereignty, legislation, federal law, foreign agent, non-profit organization, non-governmental organization.

В 2022-2023 гг. продолжилось начатое в 2014 г. восстановление государственного суверенитета Российской Федерации в экономической, политической и идеологической областях. Изменения затронули и сферу права. Так, в связи с принятием базового закона РФ от 14 июля 2022 г. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [1], были внесены поправки в ряд действующих законов. Цель очевидна – освободить российскую внутреннюю политику от внешнего контроля и вмешательства [2].

В данной статье предпринята попытка показать предпринятые меры по освобождению России от внешнего контроля ее политико-идео-

логической сферы путем изменения законодательства и правопримени- тельной практики.

Как пояснял один из соавторов названного выше закона председа- тель комитета по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарев, действующее законодательство об иноагентах содержало набор разрозненных положений, а новый закон призван их системати- зировать и сделать процедуру контроля за деятельностью лиц и органи- заций, находящихся под зарубежным влиянием, прозрачной.

В соответствии с законом, иностранный агент – это лицо, получа- ющее поддержку из-за рубежа или находящееся под иностранным вли- янием и занимающееся в России политической деятельностью, целена- правленным сбором сведений в области военной, военно-технической деятельности РФ или распространением сообщений и материалов для неограниченного круга лиц. Иноагентами могут быть признаны: рос- сийское или иностранное юридическое лицо; общественное объедине- ние без образования юридического лица; иное объединение лиц; ино- странная структура без образования юридического лица; физическое лицо, независимо от его гражданства [2].

Иностранным влиянием считается «предоставление иностранным источником лицу поддержки или оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения или иными способами». Под поддержкой понимается предоставление лицу иностранным источни- ком денежных средств или иного имущества, оказание организационно- методической, научно-технической или иной помощи. Иностранными источниками могут быть как иностранные государства и организации, в том числе международные структуры без образования юрлица, так и граждане других стран, а также российские юрлица и граждане, уже получающие зарубежное финансирование или поддержку. На ино- странных агентов возлагается обязанность сообщать о наличии такого статуса своим работникам и органам публичной власти, в которые они обращаются, лоббируя свои интересы. Кроме того, они обязаны марки- ровать производимые ими материалы [2].

Согласно новому закону, иностранные агенты не могут: осу- ществлять просветительскую деятельность в отношении несовершен- нолетних или педагогическую – в государственных и муниципальных образовательных организациях; производить информационную продук- цию для несовершеннолетних. Иностранцы не могут работать на государственной или муниципальной службе, быть членами избира- тельных комиссий, выступать организаторами публичных мероприя- тий, принимать участие в закупках товаров, работ и услуг для обеспе- чения государственных и муниципальных нужд; получать государ-

ственную финансовую поддержку, в том числе при осуществлении творческой деятельности; осуществлять эксплуатацию значимых объектов критической информационной инфраструктуры и деятельность по обеспечению ее безопасности; участвовать в качестве эксперта в проведении государственной экологической экспертизы. Они также не смогут инвестировать в стратегические предприятия в России, пользоваться системой упрощенного налогообложения, вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов и политических партий. Кроме того, при обретении статуса иноагента граждане не смогут работать на государственной и муниципальной службе, в органах внутренних дел. Статус иноагента станет основанием для увольнения из ФСБ, СК, СВР, ФСИН, а также органов таможни, внутренних дел, противопожарной службы [3; 4].

Министерство юстиции РФ будет вправе получать справки по операциям, счетам и вкладам любых физических и юридических лиц при наличии признаков нарушения закона об иноагентах, а также по операциям, счетам и вкладам уже признанных иноагентами. Кроме того, ведомство сможет получать данные о банковских счетах иноагентов от налоговой службы [3].

Министерством юстиции РФ ведется единый реестр иностранных агентов. В случае нарушений в деятельности иноагента, уполномоченный орган теперь обязан выдать предписание об их устранении. Нарушение законодательства об иностранных агентах влечет за собой административную, уголовную и иную ответственность [2]. Одновременно создается отдельный реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами. Согласно закону, таковым признается физическое лицо, входящее в состав органов юридического лица – иностранного агента или являющееся его учредителем, участником, руководителем либо работником, а также лицо, осуществляющее политическую деятельность и получающее денежные средства или имущество от иностранных агентов для осуществления политической деятельности. На физических лиц, аффилированных с иностранными агентами, не распространяются требования и ограничения, установленные для иностранных агентов [4].

Закон устанавливает основания для исключения некоммерческой организации из реестра иностранных агентов. Для этого она должна прекратить получать денежные средства из иностранных источников, либо прекратить политическую деятельность, либо выполнить оба эти условия. Для впервые включенных в реестр физических лиц предусмотрен упрощенный порядок выхода из него. Для этого необходимо подать заявление и приложить документы, подтверждающие прекраще-

ние обстоятельств, послуживших основанием для включения в реестр [2]. Данная норма уже работает. Так, по состоянию на июль 2022 г. из реестров Минюста РФ исключили шесть СМИ и 144 НКО, ранее признанные иноагентами [4].

В апреле 2023 г. комиссия Государственной Думы по расследованию иностранного вмешательства в дела РФ представила пакет из пяти законопроектов, касающихся деятельности иноагентов – зарубежных неправительственных организаций (НПО), функционирующих на территории РФ и пытающихся обойти законы и регистрацию в качестве филиала или представительства. Председатель комиссии В.И. Пискарев сообщил: «Мы предлагаем внести изменения в закон об иноагентах, поскольку есть пробелы, которые были выявлены в ходе правоприменения. Иноагенты в России имеют свои запреты и ограничения при приеме на работу, ограничения преподавательской деятельности, не имеют права пользоваться льготными налогообложениями. Всего таких 18 ограничений, но их можно обойти, потому что с иноагентами взаимодействуют юридические и физические лица, и если они содействуют иноагентам в обходе этих законов, то ограничения теряют свою юридическую силу». В связи с этим, в законы были предложены поправки, которые предусматривают обязанность всех граждан исполнять требования закона об иноагентах, а также расширяют компетенции Министерства юстиции по контролю за деятельностью не только самих иноагентов, но и тех лиц, которые способствует обходу ими ограничений [5].

Второй пакет законопроектов относится к деятельности иностранных неправительственных и некоммерческих организаций. По словам В.И. Пискарева, все 23 организации, признанные нежелательными на территории России, не имели филиала в качестве представительства в РФ. «По закону о некоммерческих организациях, любое зарубежное НПО или НКО обязано иметь регистрацию в Министерстве юстиции. Как только зарубежное НПО отказывается регистрироваться, мы понимаем, что эти организации создаются специально для того, чтобы действовать в нарушение законодательства РФ», – отметил парламентарий. Поэтому комиссия предлагает этим законопроектом внести изменения в Уголовный кодекс и Кодекс административных правонарушений наказание за взаимодействие с зарубежными НПО, не зарегистрированными в РФ [5].

Важным направлением восстановления суверенитета РФ является исключение воздействия на политическую ситуацию так называемых нежелательных организаций. К ним относятся иностранные и международные неправительственные организации, деятельность которых признана

представляющей угрозу основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности государства. В мае 2015 г. федеральным законом было введено понятие «нежелательные организации» на территории РФ [6]. Документ внес изменения и дополнения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) РФ, а также в федеральные законы «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Закон позволяет объявлять деятельность иностранной и международной НПО «нежелательной на территории Российской Федерации» [7].

28 июня 2021 г. введен в действие Федеральный закон о внесении изменений в законодательство [8]. Одной из поправок стал запрет на участие граждан и юридических лиц РФ в зарубежной деятельности организаций, признанных в России нежелательными. Другая поправка предусмотрела еще одно основание для признания нежелательной в РФ иностранной или международной неправительственной организации – в случае оказания посреднических услуг при проведении операций с денежными средствами и (или) имуществом организаций, уже признанных в России нежелательными [7].

Решение об объявлении деятельности организации нежелательной на территории России принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с Министерством иностранных дел РФ. На Министерство юстиции РФ возложено ведение перечня таких организаций. Деятельность иностранной или международной НПО признается нежелательной автоматически со дня обнародования информации на сайте Минюста и в «Российской газете». После признания организации нежелательной блокируются ее безналичные денежные средства и имущество в России, закрываются отделения и филиалы, запрещается распространение информационных материалов, в том числе через СМИ. Вводится запрет на осуществление в РФ программ или проектов нежелательных организаций, учреждение ими российских некоммерческих, общественных и религиозных организаций. Предусмотрено ограничение на въезд в Россию лиц, участвующих в деятельности нежелательных организаций [7].

За участие в деятельности иностранной или международной организации, признанной нежелательной в России, налагаются штрафы (статья 20.33 КоАП РФ): на граждан – от 5 тыс. до 15 тыс. руб.; на должностных лиц – от 20 тыс. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц – от 50 тыс. до 100 тыс. руб. Тем, кто уже подвергнулся административному наказанию за сотрудничество с нежелательной организацией, грозит уголовная ответственность. За подобные преступления статья 284.1 УК РФ предусматри-

вает минимальное наказание в виде штрафа от 300 тыс. до 500 тыс. руб. (или дохода осужденного за два или три года), обязательные или исправительные работы, максимальное наказание – лишение свободы на срок от двух до четырех лет. В 2021 г. дополнениями к статье 284.1 УК РФ было введено уголовное наказание за участие в финансировании нежелательной организации и осуществление ее деятельности на территории России [7].

Первой нежелательной организацией в России был признан американский The National Endowment for Democracy («Национальный фонд поддержки демократии»), учрежденный Конгрессом США. Соответствующее решение Генпрокуратура РФ приняла 28 июля 2015 г. В общей сложности с 2015 г. по 13 февраля 2023 г. включительно в перечень нежелательных организаций Минюстом внесено 75 иностранных и международных неправительственных организаций.

В число признанных нежелательными входят: структуры американского финансиста Джорджа Сороса – Open Society Foundation и Assistance Foundation Open Society Institute; U.S. Russia Foundation for Economic Advancement and the Rule of Law; National Democratic Institute for International Affairs (США); «Открытая Россия» (Великобритания); European Platform for Democratic Elections (Германия), German Marshall Fund of the United States; Ukrainian World Congress (Канада); Atlantic Council of the United States (США); Khodorkovsky Foundation (Великобритания); Oxford Russia Fund (Великобритания); Medusa Project (Латвия); Andrei Sakharov foundation (США) и др. 6 марта 2023 г. Генпрокуратура РФ сообщила, что принято решение признать нежелательной в Российской Федерации деятельность Transparency International со штаб-квартирой в Берлине (ФРГ) [7].

Как и следовало ожидать, перемены в законодательстве об иностранных агентах, НКО и НПО вызвали общественную реакцию, прежде всего, со стороны адвокатского сообщества. Учитывая правозащитную миссию адвоката и адвокатуры, это реакция оказалась, в основном, негативной. Высказаны подозрения в посягательстве законодателей на основополагающие ценности либеральной демократии, прав человека и гражданского общества. Данные ценности трактуются в западном духе, что не удивительно. Адвокатура, в лице ее медийного актива, придерживается их, по крайней мере, последние полтора века и, полагаем, не стоит ожидать перемен и в дальнейшем.

Часть адвокатов считает, что новая редакция ч. 1 ст. 19.34 КоАП позволяет привлекать к административной ответственности вообще кого угодно, в том числе и за «бездействие в качестве иностранного агента». Другие полагают, что изменения в Уголовном кодексе направлены на упрощение процедуры уголовного преследования иноагентов и уже

сточение наказания. Третьи отмечают, что законодательные изменения ограничивают конституционно гарантированные права на свободу деятельности общественных объединений, на идеологическое многообразие. Так, управляющий партнер адвокатского бюро «Правовой статус» А.В. Иванов считает, что изменения ст. 239 УК носят косметический характер и направлены на корректировку диспозиции, ужесточение уголовного наказания и изменение категории данных преступлений. «На мой взгляд, изменения направлены на упрощение процедуры уголовного преследования иноагентов и ужесточение наказания. После введения поправок в УК станет проще привлекать к уголовной ответственности лиц, наделенных статусом иноагента. Помимо тенденции расширения репрессивного законодательства мы становимся свидетелями уничтожения гражданского общества (или его остатков)», – полагает он [9].

Адвокат адвокатской палаты Новосибирской области О.А. Забалуева отметила, что в Законе об НКО отсутствуют формально определенные, четкие и конкретные термины, а именно определения «политическая деятельность», «иностранный агент», а также отсутствует законодательно закрепленная обязанность для контролирующих органов устанавливать причинно-следственную связь между получаемым финансированием (либо иностранным влиянием) и осуществляемой деятельностью «иностранный агент». Все это, по мнению О.А. Забалуевой, создает предпосылки для избирательного и произвольного правоприменения контролирующими органами мер административной и уголовной ответственности к любым некоммерческим организациям. Она подчеркнула, что такая правоприменительная практика существенно ограничивает конституционно гарантированное право на свободу деятельности общественных объединений, допуская непоследовательное и произвольное применение законодательства контролирующими органами и судами [9].

Так или иначе, новые законодательные акты продолжают тенденцию восстановления суверенитета Российской Федерации в правовой сфере. Относительно их эффективности давать оценки еще преждевременно, поскольку еще не наработан массив правоприменительной практики. Однако, как представляется, есть основания для общего вывода. Принятые в связи с началом специальной военной операции на Украине правовые акты, регулирующие различные сферы государственной и общественной жизни РФ, содержат логичную и достаточно стройную систему норм. Работа законодателя по обновлению нормативной базы применительно к новым условиям, отличается последовательностью и настойчивостью.

Примечания

1. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ “О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием”. Опубликован 19.07.2022. Вступил в силу 01.12.2022. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html?ysclid=lgpbxhoq0o934971598>.

2. Как будет работать новый закон об иноагентах. 29.06.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/54760/>.

3. Уточняется законодательство, регулирующее деятельность иноагентов. 24.11.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/55841/>.

4. Путин подписал обобщенный закон, регламентирующий деятельность иноагентов. 14 июля 2022 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/852092>.

5. Госдума ужесточает наказание для иноагентов и зарубежных НПО. 19 апреля 2023 г. URL: <https://actualcomment.ru/gosduma-uzhestochayet-nakazanie-dlya-inoagentov-i-zarubezhnykh-npo-2304190913.html>.

6. Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 23.05.2015 № 129-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179979/.

7. *Геодакян А.* Что известно о нежелательных организациях на территории России. ТАСС 6 марта 2023. URL: <https://tass.ru/info/7207299>.

8. Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 28.06.2021 № 221-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388476/.

9. *Арстанова А.* Приняты законы, ужесточающие ответственность за нарушение порядка деятельности иноагентов. 21 декабря 2022 г. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-zakony-uzhestochayushchie-otvet-stvennost-za-narushenie-poryadka-deyatelnosti-inoagentov/>.

УДК 398/930:008

ПСИХОМАХОВА А.Р.,
Россия, г. Москва

Роль адыгских просветителей в исследовании фольклора

Статья освещает деятельность просветителей по изучению фольклора адыгов. Автором показан огромный вклад в культуру, который внесли С. Хан-Гирей, Ш. Ногмов, А.-Г. Кешев, П. Тамбиев.

Ключевые слова: культура, фольклор, адыги, изучение, просветители.

Psihomakhova A.R.,
Russia, Moscow

Role of Adyghe enlighteners in the study of folklore

Article highlights the activities of enlighteners in study of folklore of Adygs. Author shows the huge contribution to culture, made by S. Khan-Giray, S. Nogmov, A.-G. Keshev, P. Tambiev,

Keywords: culture, folklore, Adyghe, study, enlighteners.

Влияние фольклорного наследия в изучении истории и культуры каждого народа неизмеримо велико. Фольклор создавался в глубокой древности, представлен песнями, сказками, пословицами, загадками, частушками, скороговорками, ритуалами и др.

Фольклорные песни, в свою очередь, делятся на героические, исторические, обрядовые, любовно-лирические, траурные, песни пахоты, косьбы, свадебные, танцевальные и др. Они исполняются на всех семейных и общественных празднествах в сопровождении музыкальных инструментов. Каждый народ, борясь за свою свободу, создавал богатую событиями историю. Поэтому стремление осмыслить современность невозможно без обращения к историческому опыту народа. Обращение к культурному наследию наиболее остро воздействует на умы и души последующих поколений. Песни – это драматическая поэма всей яркой и легендарной истории народа. На протяжении многих столетий оттачивалась музыкальная культура [1, с. 167]. В её рядах хранятся рассказы о славных подвигах, мыслях и чаяниях народов былых времён [2]. В песенном фольклоре создавались портреты легендарных воинов и героев, воспевались их удачи и победы, утверждался образ благородного и сильного человека как примера для молодого поколения. Будучи народом честолюбивым, адыги более всего восхваляли в

своих песнях славу и успех. Они сочиняли и хранили черкесские песни, запечатлевая в песнях различные события [3]. В адыгской культуре не было принято, открыто выражать свои чувства, как мужчинам, так и женщинам. Поэтому любовная тема в песенном фольклоре выражена не ярко. Иные темы, такие, как повседневная жизнь, труд на полях, бытовые подробности, были им интересны в значительной мере [4, с. 152]. Несмотря на многовековую сопредельность с другими этномузыкальными группами, адыги сумели сохранить свою культурную самобытность.

Изучением фольклора занимались такие адыгские просветители, как С. Хан-Гирей, Ш. Ногмов, А-Г. Кешев, П. Тамбиев [5, с. 182-183]. Каждый из них по-разному определял место устного народного творчества в повествовании истории народа.

В «Записках о Черкесии» С. Хан-Гирей неоднократно высказывается на эту тему. Он подходит к фольклору очень осторожно, не раз подчеркивая его «баснословие». Отмечая главные недостатки фольклора – отсутствие летоисчисления и выраженную мифологизацию – он в тоже время не отрицал, что фольклор содержит «в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характера людей минувших веков» [6, с. 112]. Отметим, что С. Хан-Гирей обозначил два основных элемента содержания фольклорных произведений – это факт и ментальность эпохи. Описывая исторические факты, С. Хан-Гирей прибегал к данным фольклора только в том случае, если не имелось возможности получить информацию из другого источника. Упоминая сказания о нартах, автор «Записок» склонен был верить в то, что это «воинственное рыцарское сообщество» существовало, так как в фольклорных источниках есть подтверждение – «название кавказских кислых вод, около Пятигорска нартсан (вино нартов); река за Кубанью Нарт-пс-хо (река нартов) и многие другие наименования». Кроме этого, «на местах, где по указанию народных преданий, жили нарты и где тела их погребены, находят в земле оружия, отличающиеся своею огромностью». С. Хан-Гирей проверял данные кабардинского фольклора, сопоставляя их со сведениями историографического источника, в качестве которого им была привлечена «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Поскольку сведения Н.М. Карамзина совпадали с данными фольклора, то С. Хан-Гирей делал вывод о том, что предания кабардинцев относительно царства Астраханского справедливы, причем народные песни «содержат истины весьма важные».

У Ш. Ногмова отношение к фольклору было несколько иным. Это понятно уже из названия его произведения, из той задачи, которую он

перед собой поставил. В его понимании фольклорный материал нес в себе конкретные фактологические данные, поэтому он считал возможным на его основе воссоздать историю адыгов. Если С. Хан-Гирей стремился проверять фольклорные сведения другими историческими источниками, то Ш. Ногмов указывал на взаимопроверяемость фольклорных источников разных жанров. Доверие Ш. Ногмова к фольклору было столь безгранично, что в тех случаях, когда его данные расходились с данными других источников, он решал вопрос в пользу фольклора: «Они увидят из следующих преданий, что две повести, происшедшие собственно у нас, перенесены греческими историками к восточным славянским народам» [7, с. 64]. Обнаружив похожие сюжеты у Н.М. Карамзина, Ш. Ногмов без тени сомнения утверждал, что по недоразумению славяне спутаны с кавказскими антами, подтверждая свое мнение верностью имен, приведенных в сказании, и наименованием пути от моря до р. Кубани. Современник Ш. Ногмова и его личный знакомый Д. Кодзоков указывал, что тот при обработке фольклора пользовался письменной традицией В. Скотта [8, с. 163]. Главным достижением В. Скотта явилось то, что он в своих романах не просто передавал какие-то факты, но пытался передать колорит эпохи. Ш. Ногмов собирал исторические факты, предания и легенды, стремясь выстроить их не просто в хронологическом порядке, но так, чтобы в них прослеживался смысл истории адыгов. Важным источником для первых адыгских историков являлись собственные знания и воспоминания. Ш. Ногмов и С. Хан-Гирей получили свои знания, участвуя в народных праздниках, в кунацких, где обсуждались важные вопросы, в том числе и исторические темы, в разговорах со старшими и ровесниками. На это указывали авторы в своих текстах: «Имея часто случай участвовать в общественных беседах, я с жадностью слушал повествования наших стариков и с течением времени успел собрать множество слышанных от них преданий и песен». Если Ш. Ногмов использовал в своем произведении, воспринятый таким образом фольклор, то С. Хан-Гирей – элементарные знания о нормах поведения, общественных отношениях, быте. С. Хан-Гирей осмыслил накопленные знания, сопоставил их с данными других информаторов и исторической литературы, дал достаточно полную картину жизни адыгского общества. Личный опыт и знания ему пригодились не только в описании бытовых реалий, но и в воспроизведении конкретных моментов истории. Одним из ярких примеров является описание взятия Анапы в 1828 г., в котором С. Хан-Гирей принимал личное участие. Кроме этого, он использовал сведения, полученные от очевидцев «методом расспрашивания», о чем есть неоднократные упоминания в его текстах [9, с. 33]. Опросы проходили в форме непринуж-

денных бесед, в ходе общения С. Хан-Гирей затрагивал те или иные темы из любознательности. Один из примеров целенаправленного сбора материала по конкретной проблеме имеется в «Записках»: «Ни досуг, ни обстоятельства не позволили мне во время нахождения моего на Кавказе собирать подробнейшие сведения о населенности Черкесии таким образом, как это должно бы было делать по всей строгости отчетливого собирателя статистических сведений о крае малоизвестном». В те периоды, когда С. Хан-Гирей находился за пределами Кавказа, информацию ему могли предоставлять земляки. Полученные сведения от земляков С. Хан-Гирей сопоставлял, выявлял противоречия и иногда сравнивал с данными, опубликованными в литературе [10, с. 30]. «Сведения же, в следующей таблице предлагаемые, – подчеркивал С. Хан-Гирей, – собранные мною наскоро, по разным показаниям, – неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собой противоречили...» [11; 12]. Подобное критическое отношение к устным источникам Хан-Гирей проявлял постоянно. Он впервые дал полную классификацию песенного творчества адыгского народа, причем научно исследовал его характер и отличительные особенности, а четыре песни включил в «Записки о Черкесии».

Много сил и энергии вложил П. Тамбиев в сбор и публикацию адыгского фольклора. В записях П. Тамбиева разносторонне характеризуются как военная, так и обыденная жизнь адыгов. В песнях, сказаниях и преданиях, запечатлевших историю внутренних и внешних войн, слышатся осуждение межплеменных конфликтов, стремление к сплоченности и мирной жизни, готовность к защите отечества. В них иллюстрируется отношение народа к воинской доблести, прославляются герои, защищающие свое отечество, отстаивающие мирную жизнь. В соответствии со своей социальной принадлежностью, П. Тамбиев отдавал предпочтение тем произведениям устного народного творчества, которые воспевали силу и могущество князей и уорков, и даже ради восхваления феодалов нередко искажал подлинные имена героев народных сказаний [13, с. 223-224]. Кабардинский писатель и литературовед Хачим Теунов писал по этому поводу: «Паго Тамбиев, собиравший сказы в начале XX в. и тогда же опубликовавший их, заменил имена подлинных героев – выходцев из народа, дворянскими фамилиями Тамбиевых, Куданетовых, Астемировых. Таким образом носители лучших нравственных черт кабардинского народа по этим фальсифицированным произведениям оказались аристократами» [14, с. 67]. Правильность этого замечания Х. Теунова убедительно подтверждается и адыгским фольклористом А.М. Гатагатлем, сопоставившим народные тексты с вариантами П. Тамбиева [15, с. 67].

А.-Г. Кешев в статье «Характер адыгских песен» выступил как фольклорист [16]. Всесторонне освещая особенности адыгской песни при сравнительно-историческом их исследовании, он высказал оригинальные научные соображения, придал большое значение сбору и публикации народного фольклора. Тревогой проникнута его статья «О незаметном вымирании горских песен», в которой автор отметил низкий уровень работы по изучению исторического прошлого и культурного наследия горцев, призвав обратить на это самое серьезное внимание [17]. А.-Г. Кешев провел семиотический анализ адыгских преданий. Выступая как этнограф в очерке «Из кабардинских (адыгских) преданий», А.-Г. Кешев в своей литературной обработке дал возможность осознать и восстановить сложную структуру общественной и духовной жизни общества адыгов [18]. Он сумел уловить общий процесс и главное направление в развитии адыгских народов. Художественными приемами он воспроизвел состояние экономической жизни и на ее основе духовный мир адыгских народов со всеми противоречиями, вытекавшими из неравномерного развития края. Глубокое знание истории народа и мастерство художника дали возможность А.-Г. Кешеву осветить общественно-политический строй и культуру адыгских народов, а также их связи с соседними народами. В его очерке содержатся интересные сведения о семейном и общественном быте, о положении старшего мужчины и женщин в семье, о гостеприимстве и куначестве, о судопроизводстве и народном собрании, о народных играх и свадебных обрядах, о народной медицине и религии, о музыке и танцах. Песню А.-Г. Кешев рассматривает не только как источник для воссоздания исторического прошлого народа, но и характеризует ее общественное воздействие, когда она служит школой воспитания. Много ценного содержат сведения А.-Г. Кешева о джегуако. Он отмечал, что в старину влиятельные князья и дворяне приглашали к своему двору джегуако. Ценным в данных автора о джегуако является то, что они подкреплены конкретными примерами. Согласно предложенной А.-Г. Кешевым классификации, адыгские песни разделяются на героические, свадебные, плясовые и колыбельные, причем каждый из перечисленных видов подразделяется еще на отделы и соответственно характеризуется. Однако разделение песен на эти виды он считал формальным, поскольку признавал в них доминирующим героическое содержание.

Отметим, что использование устных источников в трудах адыгских просветителей имеет свои отличительные особенности. Например, С. Хан-Гирей, в отличие от Ш. Ногмова, использовал не только фольклор, но и сведения информаторов. К тому же, он более критично относился к содержанию устных источников, всегда сопоставляя и проверяя

их. Несмотря на определенный тенденциозный подход к фольклору, П. Тамбиев, все-таки, проделал полезную работу по пропаганде устного народного творчества адыгов. Собирая и публикуя адыгские сказы, он снабжал их русским переводом и, тем самым, делал тексты достоянием для широких слоев читателей. Одним из главных недостатков устных источников является их выраженная субъективность. Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его «видение» событий, не обязательно совпадавшее с «видением» других людей или с реальностью. Фольклор со временем трансформируется в соответствии с нуждами общества, которое он обслуживает. Но, тем не менее, нельзя не согласиться с А.-Г. Кешевым, который указывал, что со сбором историко-этнографических сведений и фольклора горцев нельзя медлить, поскольку в новых исторических условиях они начинают стираться из памяти народной.

Примечания

1. *Кешева З.М.* Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX в. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. – 168 с.
2. *Схалыхо Д.С.* Нравственно-этические традиции в адыгском героическом эпосе “Нарты” // Эпосы народов и их роль в миротворческой миссии России и Кавказа: мат-лы междунар. конгресса. – Краснодар, 1996. – С. 32-34.
3. *Соколова А.Н.* Истоки и этапы формирования адыгской гармоника // Гармоника: история, теория, практика: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 19-23 сент. 2000 г.). – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2000. – С. 144-157.
4. *Унежев К.Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик: Изд. центр “Эль-Фа”, 1997. – 227 с.
5. *Хакуашев А.Х.* Адыгские просветители. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 259 с.
6. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 335 с.
7. *Шортанов А.Т.* Ногмов как фольклорист и историк // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX-начале XX в.: мат-лы конф. (Нальчик, 28-29 марта 1974 г.). – Нальчик: б.и., 1976. – С. 63-75.
8. *Кумыков Т.Х.* Дмитрий Кодзоков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 180 с.
9. *Шеуджен Э.А.* Историография: история исторической науки: курс лекций. – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1999. – 255 с.
10. *Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х.* Введение // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 3-46.
11. *Хан-Гирей С.* Бесльный Абат // Шаги к рассвету: Адыгские писатели-просветители XIX в.: Избранные произведения. – Краснодар: Кн. изд-в, 1986. – С. 107-164.
12. *Хан-Гирей С.* Князь Пшьской Аходягоко // Шаги к рассвету: Адыгские писатели-просветители XIX в.: Избранные произведения. – Краснодар: Кн. изд-в, 1986. – С. 165-198.
13. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX - начала XX века: Кн. 1: сб. / сост., вступ. ст. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и А.М. Гутова; подгот.

текстов и общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.

14. *Теунов Х.* Литература и писатели Кабарды. – М.: Сов. писатель, 1958. – 382 с.

15. *Гадагатль А.М.* Героический эпос “Нарты” и его генезис. – Краснодар: Кн. изд-во, 1967. – 422 с.

16. *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен // Терские ведомости. – 1869. – № 13-14.

17. *Кешев А.-Г.* О незаметном вымирании горских песен // Терские ведомости. – 1871. – № 20.

18. *Кешев А.-Г.* Из кабардинских (адыгских) преданий // Терские ведомости. – 1871. – № 30.

УДК 008:14

РУЦИНСКАЯ И.И.,
Россия, г. Москва

Скульптурные памятники Урала в первых региональных путеводителях: особенности интерпретации

Первые путеводители по Уралу положили начало процессу закрепления статуса туристических достопримечательностей за местными памятниками культуры и искусства. Данный процесс подчинялся общим закономерностям, но в то же время имел ярко выраженные региональные особенности. В статье исследуются способы интерпретации и презентации скульптурных памятников выдающимся деятелям Урала, используемые в текстах региональных путеводителей.

Ключевые слова: культура, искусство, монумент, скульптура, Урал, путеводитель, регион.

**Rutsinskaya I.I.,
Russia, Moscow**

Sculptural monuments of the Ural region in the first regional guidebooks: aspects of interpretation

The first guides to the Ural region initiated the process of assigning the status of tourist attractions to cultural and art monuments. This process was subject to general patterns, but at the same time had very distinct regional features. Based on the texts of local guidebooks, article explores the ways of presenting and interpreting sculptural works of prominent people of the Ural.

Keywords: culture, art, monument, sculpture, Ural, guide, region.

Как известно, развитие массового туризма в русской провинции началось со второй половины XIX столетия.

Урал присоединился к данному процессу на несколько десятилетий позже, что, в первую очередь, было связано с медленным развитием транспортной системы и туристской инфраструктуры, но кроме того – с широко распространенными стереотипами, согласно которым, регион труден и опасен для передвижения, неустроен, а из объектов туристской привлекательности располагает только красивыми горными пейзажами. Так, автор путеводителя по Верхнекамскому краю И.В. Шестаков с горечью писал: «В центральной России принято думать, что Пермская губерния – страна медведей и непроходимых болот, города лишь пародии на благоустройство, без проявления культурной жизни» [7, с. 5].

Тем не менее, с конца XIX в. на Урале все активнее развивалась туристская индустрия. Индикатором данного процесса стало издание местных путеводителей – текстов, специально издаваемых для туристов и призванных знакомить их с особенностями и достопримечательностями региона.

Одна из важных функций путеводителя заключается в том, чтобы переводить памятники истории, культуры, искусства, природы в разряд достопримечательностей, то есть объектов, существующих в туристском пространстве и обладающих набором соответствующих «потребительских качеств».

Описание любого артефакта в путеводителе неизбежно сопровождается редуцированием информации и ее упрощением, поскольку путеводитель по определению обязан доносить до массового читателя сложный и многоплановый (а порой и сугубо научный) материал, то есть выступать в качестве текста научно-популярного жанра.

Кроме того, можно предположить, что путеводители, выступавшие своеобразной рекламой региона, должны были широко использовать такие приемы, как усиление развлекательной составляющей информации, форсирование ее эмоционального воздействия на читателя.

Авторы первых провинциальных путеводителей отчетливо понимали необходимость (порой тяжкую необходимость) использования перечисленных приемов. Однако насколько неуклонно они следовали им? Можно ли увидеть в способах интерпретации и формах презентации артефактов региональную специфику?

Особенно наглядным представляется анализ способов описания такой группы региональных достопримечательностей, как скульптурные монументы.

Скульптура как вид искусства появилась в России только в Петровскую эпоху. Скульптурные монументы долгое время не выходили за пределы столичных или усадебных пространств. Их «проникновение» в

провинциальные города началось только со второй четверти XIX столетия.

Урал в данном отношении не был исключением.

С 1820-х гг. и до революции 1917 г. создание скульптурных монументов шло с нарастающей скоростью. Тематически они четко делятся на две неравные группы: памятники императорам (среди которых, безусловно, лидирует Александр II), и памятники заводчикам, предпринимателям, управляющим фабриками. Нас интересует вторая.

Количество памятников этой группы можно оценивать по-разному. Можно сказать: их всего лишь три. А можно: их целых три! Нам представляется, что второй вариант более адекватен, учитывая общее ограниченное количество городских монументов в российской провинции XIX столетия, возведенных не в честь царей или военачальников, а в честь гражданских лиц регионального значения.

Все три памятника – произведения Николаевской эпохи. Правда, между первым и последним лежит отрезок протяженностью в 28 лет, а это значит, что стилистически они неизбежно отличаются, поскольку именно в этот временной отрезок русское пластическое искусство расставалось с классицизмом, с ориентацией на античные образцы, на отвлеченные идеалы.

Итак, мы говорим о следующих городских монументах:

1. Памятник С.Я. Яковлеву, 1827 г. (г. Невьянск).
2. Памятник Н.Н. Демидову. 1837 г. (г. Нижний Тагил).
3. Памятник А.Н. Карамзину, 1855 г. (г. Нижний Тагил).

Все они сооружены на территории Пермской губернии, что не случайно, поскольку именно этот край входил в число лидеров по темпам мемориализации среди губерний европейской части Российской империи. К.Г. Сокол указывает, что к 1915 г. на территории края насчитывалось 34 памятника [6, с. 11]. Однако, согласно дотошному справочнику А.В. Весновского, составленному в том же 1915 г. «на основе сведений, полученных Статистическим Комитетом от уездных исправников», в губернии их было 44 [2, с. 3].

Посвящение памятников владельцам заводов, управляющим можно считать региональной спецификой, отражающей особенности освоения и развития Урала. По сути, прославляемые личности выступали в роли цивилизаторов территории.

Согласно классификации, предложенной К.Г. Соколом, монументы владельцам и управляющим заводами относятся к группе поставленных «по заслугам» и одновременно – «по пребыванию» [6].

Памятники С.Я. Яковлеву и Н.Н. Демидову сооружены по инициативе и на деньги потомков (внуков в первом случае и сыновей – во

втором). МонуMENT в честь А.Н. Карамзина (сына известного историка) – на собранные рабочими средства, что отражено в посвяtitельной надписи: «Андрею Николаевичу Карамзину признательные тагильцы».

Можно говорить о существовании прямой зависимости между тем, от кого исходила инициатива создания памятника, и его стилистикой, риторикой, характером образности. И дело не только в наличии у потомков средств и готовности потратить большую сумму на сохранение памяти о своем прославленном предке. Дело в том, что дети и внуки промышленников с Урала были людьми европейски образованными, вписанными в контекст западноевропейской культуры, имевшими представление о современных формах мемориализации. Они легко превращали создание монумента для далекого заводского поселка в акт творения европейского или, по крайней мере, российского столичного масштаба, имея возможность привлечь к работе лучших мастеров. Так, памятник Н.Н. Демидову создавала европейская знаменитость «первого ряда», французский скульптор Франсуа Жозеф Бозио. Он известен как придворный скульптор Людовика XVIII и Карла X, директор Академии изящных искусств, а также как мастер, которого Н.Н. Демидов хорошо знал и которому при жизни давал несколько заказов на изготовление скульптуры для своей виллы во Флоренции.

Над памятником С.Я. Яковлеву, по сообщениям уральских краеведов, «работали (предположительно) известные мастера Петербурга – художник О. Кипренский и скульптор М. Крылов», которых можно назвать ведущими столичными мастерами [3, с. 205].

Так что оба эти памятника выдающимся людям служили демонстрацией культурных связей и культурных притязаний заказчиков.

Что касается монумента в честь А.Н. Карамзина, то он, будучи созданным по заказу и на деньги работников заводского поселка, не апеллировал к европейским знаменитостям. Он был отлит на местном Тагильском заводе. Его образный язык вписывался в систему существовавших в России сооружений. Изображение самого Карамзина представляет собой не круглую скульптуру, а рельеф на прямоугольной стене.

В итоге, три памятника уральским предпринимателям, демонстрируют знакомство с разными видами монументальной скульптуры: многофигурная аллегорическая композиция, бюст, рельеф.

В уральских текстах второй половины XIX в. – начала XX в. больше всего внимания уделяется памятнику Н.Н. Демидову. И это не удивительно: второго такого сооружения на Урале не существовало. Он представлял собой грандиозную аллегорическую композицию, выполненную в поздне-классической стилистике.

Первое подробное описание монумента встречаем не в путеводителе, а в путевых записках. В 1885 г. Э.П. Янишевский – математик по образованию, впоследствии работавший управляющий контрольными палатами в Перми и в Казани – совершил поездку по реке Чусовой. Его подробное описание данного путешествия было включено в текст «Памятной книжки Пермской губернии» [4], а также издано отдельной книгой [8].

Описание памятника Н.Н. Демидову, выполненное Э.П. Янишевским, впоследствии кочевало из одного уральского путеводителя в другой. Переписывая практически дословно развернутый текст, авторы бедкерев не делали ссылок на первоисточник. Подобная практика была достаточно распространенной в данный период, в ней нет ничего неожиданного: первые путеводители очень часто представляли собой компиляцию разных источников.

Вопрос, который нас интересует: что меняли авторы путеводителей, переводя описание памятника из жанра личных путевых записок в жанр бедкера. Наиболее показательны в данном отношении знаменитые путеводители А.В. Весновского: «Путеводитель по Уралу» 1899 г. (в нем журналисту принадлежало более половины текста и общая редактура) [5] и «Иллюстрированный путеводитель по Уралу», изданный пять лет спустя, уже с указанием его авторства [1].

А.В. Весновский практически дословно повторяет развернутое описание монумента, сделанное Э.П. Янишевским. В первом издании «Путеводителя по Уралу» он проявляет максимальную сдержанность, ничего не добавляя от себя, ничего не перефразируя. Единственные изменения, которые он вносит: отказ от нескольких фраз. И эта сокращение весьма красноречиво.

Журналист опускает нелесную оценку памятника: фразу «замысловатый и курьезный по идее» [8, с. 4]. Он также выбрасывает из текста путеводителя процитированные Э.П. Янишевским слова местного извозчика: не понимая смысла аллегорий, неграмотный человек предложил свои трактовки женских аллегорических фигур: «Наверху Демидов с женою, а по углам внизу все его семейство» [8, с. 4]. Автору путевых записок эти трактовки показались забавными, поэтому он включил их в текст своей книги.

Как видим, в первом издании путеводителя А.В. Весновский считает своим долгом просто убрать чересчур личностные, эмоциональные трактовки, любое проявление какой-либо иронии или негатива.

Однако в путеводителе 1904 г. автор подобными трансформациями уже не удовлетворен. Он добавляет собственные ремарки, смысл которых – дать позитивную характеристику памятника. В частности, вме-

сто упомянутой нами оценки («замысловатый и курьезный по идее») Весновский вставляет фразу: «Памятник выглядит эффектным, красивым и оригинальным». Описывая отдельные детали монумента, добавляет эпитет «изящный». Видны целенаправленные, нарастающие во времени стремления автора убрать любые негативные характеристики, предоставив читателю исключительно позитивный образ достопримечательности. Данный процесс, конечно же, свидетельствовал о процессе формирования туристского пространства, в котором произведение существовало.

Что остается неизменным в описании каждого из трех памятников, так это настойчивые указания на материал, из которого они изготовлены, подробное цитирование надписей и подписей на них. Важным для авторов представляется рассказ о местоположении монументов: указывается не просто название площади (необходимое для ориентации туриста), но и ее внешний вид, а также внешний вид тех домов и храмов, рядом с которыми расположен памятник. И при всей этой точной географии демонстрируется полное равнодушие к проблеме авторства (в текстах не фигурирует ни одна фамилия скульптора или архитектора) и к вопросам стиля. Не поднимаются также вопросы портретности, внешнего сходства изображенных персонажей.

За настойчивым стремлением к точности, упорядоченности, объективности описания, стояло даже не столько понимание природы жанра путеводителя, сколько знание собственной аудитории: тех особых уральских туристов, которые ехали осматривать заводы, рудники и фабрики. Следуя запросу, уральские бедекеры были буквально переполнены рассказами о месторождениях, добыче ископаемых, устройстве заводов.

Описание произведений искусства, вставленные в этот контекст, давали туристу представление о том, что пространство уральских городов по-европейски заполнено скульптурными монументами, вполне вписывается в представление о «цивилизованном современном городе», но заранее настраивало его на региональную специфичность этих городов.

Примечания

1. *Весновский В.А.* Иллюстрированный путеводитель по Уралу. – Екатеринбург: тип. “Уральской жизни”, 1904. – 442 с.
2. *Весновский В.А.* Исторические памятники в Пермской губернии. – Пермь: типо-лит. Губ. Правл., 1916. – 42 с.
3. *Карфидов А.* Из истории Невьянского завода // Урал. – 2008. – № 11. – С. 206-232.

4. Памятная книжка Пермской губернии... Календарь Пермской губернии на 1887 год / изд. Перм. стат. ком-та; составили: Р. Рума и и.д. секретаря Перм. стат. ком-та А. Прозоровский. – Пермь: типо-лит. Губ. правл., 1886. – 326 с.

5. Путеводитель по Уралу. – 1-е изд. – Екатеринбург: газ. “Урал”, 1899. – 351 с.

6. Сокол К.Г. Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX вв. как объекты исторической географии: дис. ...канд. геогр. наук: 25.00.24. – М., 2009. – 187 с.

7. Шестаков И. Верхнекамский край. Путеводитель от г. Перми по реке Каме до Соликамска и Чердыни. – Ярославль: тип. К.Ф. Некрасова, 1916. – 16 с.

8. Янишевский Э.П. Поездка на реку Чусовую. – Пермь: тип. Губ. зем. управы, 1887. – 42 с.

УДК 008

МАЛИШ М.А.,
Россия, г. Краснодар

Актуальные вопросы культурного развития современного цифрового общества

В статье рассматриваются актуальные вопросы культурного развития современного цифрового общества. Автором статьи проведен анализ особенностей развития культуры в условиях глобализации, рассмотрено влияние глобализационных процессов и формирующегося цифрового общества на культурное разнообразие человечества, показано влияние информатизации на развитие современной культуры.

Ключевые слова: культура, информационное общество, цифровое общество, информатизация, информационные технологии, цифровая культура.

**Malish M.A.,
Russia, Krasnodar**

Topical issues of cultural development of modern digital society

Article deals with topical issues of cultural development of modern digital society. Author of the article analyzes the features of development of culture in the context of globalization, examines the impact of globalization processes and the emerging digital society on the cultural diversity of mankind, shows the impact of informatization on the development of modern culture.

Keywords: culture, information society, digital society, informatization, information technologies, digital culture.

Одной из перспективных моделей отношений культуры и цивилизации является переход к новому информационному обществу. Данный переход происходит естественно-историческим путем, опираясь на человеческие ресурсы, культурные ценности и развитие новых информационных технологий. В современном обществе будущее человечества связано с инновационным развитием. Информация сегодня перестает быть национальным ресурсом и, благодаря свободному доступу, становится ведущим ресурсом – определяющим фактором процессов глобализации и информатизации общества. Под информатизацией общества понимается «системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития деятельности человека с помощью средств информатики с целью создания информационного общества и на этой основе – дальнейшего продолжения прогресса цивилизации». Развитие компьютерной техники и информационных технологий способствует становлению цифрового общества, построенного на использовании различной информации. В информационном обществе изменится весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все силы направлены на производство и потребление товаров, в информационном обществе производятся и потребляются, в основном, интеллект и знания, что приводит к увеличению доли умственного труда [1].

Во второй половине XX в. развитие информационных технологий привели к возникновению «Теории информационного общества». Первые работы, связанные с этой тематикой, появились в 1960-1970-х гг. Популярность получила в культурологии концепция Герберта Маршалла Маклюэна, связавшего социокультурный процесс с особенностями получения, переработки и передачи информации. Он выдвинул тезис о том, что смена эпох в истории человечества определяется господствующими средствами коммуникации (язык, печать, наука, компьютеры, телевидение и т.д.). Каждая эпоха, согласно Г.М. Маклюэну, имеет свои особенности, а «средство коммуникации есть сообщение». Позже была выдвинута концепция «третьей волны» Элфина Тоффлера, в которой рассматривался новый термин «информационное общество» [2]. Отметим также, что наряду с ним в литературе используются такие термины, как «технотронное общество», «общество знания», «постиндустриальное общество».

Для нового этапа цивилизации цифровые технологии являются главным средством ускорения жизни общества, причем это касается всех сфер жизнедеятельности. Сокращается время между возникновением идеи и ее внедрением на практике. В конце 1980-х гг. Рифгат

Фаизович Абдеев обосновал концепцию информационной цивилизации, положив в ее основу достижения информатики, кибернетики, генетики, синергетики, микроэлектроники и экологии.

В современном обществе информационная культура развивается наряду с новыми информационными технологиями. Специалисты любого профиля должны уметь обрабатывать и использовать информацию с помощью компьютеров, телекоммуникаций и других средств связи. Информационная технология – это процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления. Об информатизации начинают говорить как о стратегическом курсе общества, как о ресурсе, определяющем уровень развития государства. Цифровая культура – это не оцифровка и перенос культурных объектов в виртуальную реальность. Это феномен человеческого общества, основанный на глобальных изменениях взаимодействия, коммуникация и технологий жизнедеятельности человека. Цифровизация стала оказывать существенное влияние на культуру из-за появления Интернета как массовой формы коммуникации и широкого использования персональных компьютеров и других цифровых устройств, таких, как смартфоны, что привело к формированию феномена цифровой культуры. Цифровые технологии настолько проникли в жизнь современных людей, что изучение цифровой культуры потенциально охватывает все аспекты их повседневной жизни и не ограничивается Интернетом или современными коммуникационными технологиями. Центральным ядром цифровой культуры является система ценностей, характеризующаяся как организация (система), которая способствует и поддерживает использование цифровых технологий в процессе своего функционирования с целью наибольшей эффективности. Она также включает в себя нормы, правила, традиции, способы и формы коммуникации и принятия решений [3].

Объекты цифровой культуры, в отличие от традиционных объектов культурного наследия (архитектура, изобразительное искусство, другие артефакты), находятся в постоянном изменении и могут быть исследованы в динамике как процесс. Это связано с особенностями цифровой сетевой «гипертекстовой» среды: коллаборативность, креативность, совместное использование продукта. Таким образом, объекты цифровой культуры не бывают полностью завершенными, например, доступ к информационному контенту объектов цифровой культуры – гиперссылки и социальные сети (например, совместное Интернет-творчество: фанфики, Интернет-мемы). Особенностями объектов цифровой культуры также является возможность изменения пространства и

времени в результате их существования в виртуальной реальности (например, создание «синтезированных» объектов посредством объединения предметов или явлений из различных исторических эпох, изменение пространственного и временного контекста и т.п.). Использование дополненной и виртуальной реальности в выставках, в том числе в музеях и произведениях искусства, фестивалях и иных культурно-массовых мероприятиях: получение мгновенного доступа к информационному контенту, персонализация контента (например, музыки, информации на выставках произведений искусства). Что касается визуализации «традиционных» культурных объектов и создание интерактивной среды, то цифровые технологии позволяют создавать виртуальные вымышленные миры, формировать у человека опыт-симуляцию в дополненной или виртуальной реальности. Объектами цифровой культуры являются компьютерные и видео-игры, а также моделирующие ситуации, создающие вымышленные автономные миры.

Культурное развитие общества с внедрением новых цифровых технологий (мультимедиа, компьютерной графики) предоставляет новые возможности создавать интересные творческие проекты. Информационные технологии позволяют сближать разные национальные культуры, имеющие сходные исторические, нравственные, религиозно-философские и мировоззренческие корни [4].

Однако рассматривать культуру как целое на основе признания единства истории, где творческий процесс по производству материальных и духовных компонентов культуры происходит на основе единых ценностей, где есть общие механизмы производства, сохранения, распространения, обмена культурными ресурсами, пока преждевременно. Видимо, мировая культура еще не приобрела качества системы, а ее национальные варианты долго еще будут оставаться основным способом освоения ее достижений. Такое представление о мировой культуре не исключает ее единство в определенные исторические периоды. Известно, что связанность – это определяющий признак целого (т.е. в организации системы ведущую роль играют не элементы, а связи между ними). Поэтому мировая культура должна представлять собой иерархически связанную многоуровневую систему, где ведущими являются духовно-нравственные ценности, поскольку только они могут пронизывать все уровни (экономический, правовой, политический, религиозный и т.д.) такого рода системы. Попытки создать ценностные векторы развития, претендующие на мировое лидерство, предпринимались и будут предприниматься, но они до настоящего времени не увенчались успехом. В качестве примера можно привести мировые религии, коммунистическую и фашистскую идеологии, либерализм и др. Большинство из

них стали эффективными «идеологиями» благодаря тому, что они сумели дать достойный «ответ» на угрожающий народу «вызов». Глобальные «вызовы» всему человечеству еще не осознаны, хотя многие из них уже выявлены, поэтому «управляющие идеи» генерируют нации или, в меньшей мере, объединения наций. Переход к информационному обществу делает данный процесс более динамичным.

Вместе с тем, культура не способна развиваться вечно по единой, универсальной схеме. В ее развитии наступают периоды, которые способствуют быстрому культурному развитию. К таким явлениям можно отнести внедрение цифровых технологий [5].

Отметим, что практически вся культура находится в виртуальной реальности – все объекты культуры, ценности имеют значение не как утилитарно физические объекты, а на уровне эмоционального восприятия, и только для человека. Поэтому цифровая культура есть феномен именно культуры, с точки зрения ее пространственного нахождения, но в погружении в цифровые технологии и среду. Информатизация способна служить различным целям – просвещать людей, развивать у них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, способствовать и помогать их компетентному участию в общественной жизни, развивать цифровое общество.

Примечания

1. *Овсянников В.П.* Культурология: учеб. пособие. – Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2009. – 363 с.

2. *Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – 781 с.

3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

4. *Фролова С.М., Листвина Е.В.* Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 408-412.

5. *Сергеева И.Л.* Трансформация массовой культуры в цифровой среде // Culture and Civilization. – 2016. – Vol. 6. – Is. 6A. – pp. 55-65.

УДК 930:0(075.8)/94(37)

КИРИЛЛОВА А.И.,
Россия, г. Елизово

Происхождение этрусков: научный дискурс и отражение в учебной литературе

В статье анализируются исследования происхождения этрусков: трактовки античных авторов и современные научные работы по данной теме. Этрусски – один из этносов, участвовавших в основании древнеримской цивилизации. Их достижения – основа развития Рима на начальном этапе развития. Анализ учебной литературы позволяет определить, как передовые достижения науки находят отражение в учебниках для вузов и техникумов.

Ключевые слова: учебная литература, история Древнего мира, Древний Рим, античность, этрусски, происхождение этрусков.

**Kirillova A.I.,
Russia, Elizovo**

The origin of Etruscans: scientific discourse and reflection in educational literature

Article analyzes the studies of the origin of Etruscans: interpretations of ancient authors and modern scientific works on this topic. Etruscans are one of the ethnic groups, that participated in foundation of the ancient Roman civilization. Their achievements are the basis of development of Rome at the initial stage of development. Analysis of the educational literature makes it possible to determine how the advanced achievements of science are reflected in textbooks for universities and technical schools.

Keywords: educational literature, history of Ancient world, Ancient Rome, antiquity, Etruscans, origin of the Etruscans.

Древнеримская цивилизация – ее возникновение и развитие – один из основных блоков истории Древнего мира. Древний Рим, его традиции и культура – одна из самых популярных тем в современных блогах историков и популяризаторов истории. Этрусски наравне с италийскими племенами стояли у истоков Древнего Рима.

Античная историография предлагает следующие версии происхождения этрусков:

1) версия историка Геродота о том, что этрусски пришли из Малой Азии, «миновав многие народы, они прибыли, наконец, к омбрикам, где

основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидийцев они стали называться по имени сына того царя, который заставил их выселиться; имя его они присвоили себе, и названы были тирренами» [1].

2) версия Дионисия Галикарнасского: «Кажется мне, правы скорее те, кто считает их местным населением, а вовсе не пришельцами» [1].

Таким образом, еще в древности существовали две версии происхождения этрусского этноса. Однако историография предлагает и иной вариант происхождения этнической группы и ее появления на Апеннинском полуострове. Так, болгарский ученый В. Георгиев утверждает, что этруски не кто иные, как известные из поэм Гомера и Вергилия жители Трои – троянцы. Основываясь на легенде о переселении троянцев во главе с Энеем в Италию, которая встречается и в римском, и в греческом эпосе, он подкрепляет свою теорию лингвистическими данными, доказывая схожесть названий «Этрурия» и «Троя». В пользу этой теории свидетельствует и тот факт, что в «Илиаде» и «Одиссее» отсутствуют упоминания об этрусках, игравших одну из ведущих политических ролей в Эгейском мире» [2]. Долгое время существовала и «северная» теория происхождения этрусков: «И альпийские племена, бесспорно, тоже по происхождению этруски, особенно ретии, которые, однако, под влиянием окружающей природы одичали до такой степени, что они не сохранили от старых обычаев ничего, кроме языка, но даже и язык они не сумели сохранить без искажения» [1]. Ретия – это территория, находящаяся в пределах современного Подунавья, Швейцарии и Тироля. Обилию теорий о происхождении этрусков способствовало и обилие этнонимов: «тиррены», «расены», «туски» и «этруски».

Таким образом, долгое время ученые на основании анализа письменных и археологических источников приходили к противоречивым выводам. Анализ лингвистических источников (язык и его элементы) также не давал точного и единственно верного ответа на поставленный вопрос: каково этническое происхождение этрусков и как они появились в Италии? «Везде в Европе появление степных предков совпало с появлением индоевропейских языков. Когда прибывал индоевропейский язык, он вытеснял местные языки, на которых говорили раньше. По какой-то причине этруски оказались более устойчивыми в плане сохранения и языка, чем их соседи. Вместо того, чтобы перенять культуру и язык у народов, прибывших со степей, они сами их обучили своему языку... В результате на этрусском языке разговаривали и использовали его в надписях на гробницах еще 800 лет, пока не возникла Римская империя со своим латинским языком» [3]. Таким образом, согласно исследованиям лингвистов и археологов XVIII-XX вв., этрусский язык

продолжал существовать, когда единая этническая общность этрусков уже исчезла.

Лишь благодаря современным методам исследования (анализ ДНК и митохондриальной ДНК) исследователям удалось установить точное происхождение этрусков: «Новое исследование генетиков из Института Макса Планка, Тюбингенского университета (Германия) и Университета Флоренции (Италии), похоже, разрешило загадку, которая занимала ученых свыше двух тысяч лет: происхождение этрусков. Секвенирование ДНК более 80 человек (48 жили в промежутке от 800 до первого года до нашей эры, железный век и Римская республика; шесть – от первого до 500 года нашей эры, период империи; 28 человек – от 500 до 1000 года нашей эры (12 из Центральной Италии и 16 из Южной)), показало, что представители этой доримской культуры были коренным населением Апеннин, а не мигрантами с Ближнего Востока» [4; 5]. Благодаря современным методам исследования в 2021 г. в долгой дискуссии о происхождении этрусков определена наиболее вероятная версия.

Современная учебная литература, несмотря на максимально свежий год издания, не всегда содержит результаты научных открытий и самые последние научные данные. Так, анализ учебников для вузов и среднего профессионального образования (СПО) по истории, всеобщей истории и истории Древнего мира позволил выявить, что пока эта информация и последние достижения исторической науки не нашли свое отражение в учебной литературе. Так, учебник для СПО под редакцией С.Н. Питулько предлагает неиталийскую версию происхождения этрусков, но не называет их прародину или зону первичного расселения [6, с. 56]. Учебник для вузов под редакцией Т.В. Кудрявцевой предлагает две версии происхождения этрусков, однако, содержательно склоняясь к тому, что это пришлый этнос, прибывший на Апеннинский полуостров в 800 г. до н.э. [7, с. 265] Учебное пособие для вузов В.О. Никишина определяет этрусков как этнос, появившийся в результате слияния автохтонных (коренных) жителей Апеннинского полуострова и выходцев из Малой Азии [8, с. 11]. Таким образом, даже самые «свежие» учебники и учебные пособия достаточно медленно включают в себя последние достижения науки и открытия в области археологии и исторической генетики. Однако современный этап развития человеческого общества и активно идущий процесс информатизации требуют от учителя и преподавателя максимально полного владения самыми актуальными данными.

Скорость приращения информации, обилие качественно новых методов исследований и ежегодные открытия даже в истории Древнего мира требуют от современного педагога навыка работы с научным тек-

стом, постоянного повышения квалификации и переработки конспектов лекций и материалов для студентов. Учебные издания, несмотря на переиздания и несомненное совершенствование, тем не менее, не успевают за научным прогрессом и требуют постоянной актуализации и комментариев учителя/преподавателя. Эта же причина обуславливает высокую актуальность работы студентов, особенно студентов-историков, с периодическими изданиями и сборниками материалов научно-практических и научно-теоретических конференций. Преподаватель высшей школы и техникума превращается из ретранслятора информации в учебного-исследователя. Все это осложняет подготовку к лекционным и практическим занятиям, требует от педагога усидчивости и высокой мотивации к работе, знания научного дискурса преподаваемых дисциплин, умения отбирать достоверные источники информации.

Примечания

1. Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1970. – 227 с. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1337478415> (дата обращения: 13.02.2023).

2. Потрашков А.С. Загадки истории. Древний Рим. – М.: Фолио, 2009. – 384 с. URL: https://kartaslov.ru/книги/А_С_Потрашков_Древний_Рим/2?ysclid=ldzyq61nzt110496962 (дата обращения: 13.02.2023).

3. Жуков А. Основали Рим и исчезли – секрет загадочной цивилизации этрусков раскрыт. 03.10.2021. URL: <https://hi--news-ru.turbopages.org/hi-news.ru/s/research-development/osnovali-rim-i-ischezli-sekret-zagadochnoj-civilizacii-etruskov-raskryt.html> (дата обращения: 13.02.2023).

4. Азарова М. Генетики разрешили древний спор о происхождении этрусков. URL: <https://naked--science-ru.turbopages.org/naked-science.ru/s/article/history/proishozhdenie-etruskov> (дата обращения: 13.02.2023).

5. Poth C., Zaro V., Spyrou M.A., others. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abi7673> (дата обращения: 13.02.2023).

6. Всеобщая история: в 2 ч. Ч. 1. История Древнего мира и Средних веков: учеб. для сред. проф. образования / под ред. Г.Н. Питулько. – М.: Юрайт, 2023. – 129 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-11918-3. Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/517181> (дата обращения: 13.02.2023).

7. История Древнего мира: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. Т. В. Кудрявцевой. – М.: Юрайт, 2023. – 437 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-05055-4. Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/512000> (дата обращения: 13.02.2023).

8. Никишин В.О. История Древнего мира. Древний Рим: учеб. пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 299 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-00262-1. Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/512878> (дата обращения: 13.02.2023).

ГАРУНОВА Н.Н., ТАГИРОВА П.М.,
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала

**Имперская социокультурная практика
(на примере Северного Кавказа XIX века) в процессе
присоединения и освоения иноэтничных окраин
(по материалам исследований Е.А. Гуровой)**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с российским опытом социокультурного освоения полиэтничного пространства, исследованные в работах молодого историка Е.А. Гуровой.

Ключевые слова: историография, Северный Кавказ, XIX век, Российская империя, социокультурная практика, интеграция, Е.А. Гурова.

**Garunova N.N., Tagirova P.M.,
Russia, Dagestan, Makhachkala**

**Imperial socio-cultural practice (on the example of North Caucasus of 19th
century) in process of annexation and development of other ethnic outskirts
(based on research by E.A. Gurova)**

Article deals with issues related to Russian experience of socio-cultural development of polyethnic space, investigated in works of the young historian E.A. Gurova.

Keywords: historiography, North Caucasus, XIX century, Russian Empire, socio-cultural practice, integration, E.A. Gurova.

В своих публикациях Е.А. Гурова справедливо полагает, что Российская империя изначально, в продолжение всего своего формирования, строилась на полиэтничной основе, а социокультурный, этнический и географический полиморфизм был её данностью. На примере Северного Кавказа, как одного из наиболее проблемных регионов, который вовлекался в Российский имперский проект на протяжении многих десятилетий, можно проследить большинство, присущих Российской империи, способов империостроительства.

Е.А. Гурова затрагивает очень сложный вопрос локальной истории – «центр-периферия» [2]. Сложность ситуации определялась и связывалась с тем, что российские власти были вынуждены синхронизировать трансформационные процессы, протекавшие в центре империи с глубоким и всесторонним обновленчеством, охватившим социальную

сферу кавказской периферии. На наш взгляд, на этом вопросе следовало бы остановиться подробнее, поскольку в России не было типичного для многонациональных западных империй разделения на метрополию (национальное государство) и колониальную периферию в качестве донора. Наоборот, колониальный характер расширения Российской империи способствовал формированию системы «центр – провинция – пограничье» и, как правило, пассионарные люди концентрировались не в заморских колониях, а в столицах и на динамической границе государства (фронтир, «засечные» и другие укрепленные линии). Особенности российского имперского государства также определялись тем обстоятельством, что оно строилось в зоне фронтиров, на пограничье территорий и культур, которые поглощались метрополией, воспринимавшей фронтиры как собственное продолжение. Расширение границ России на южном направлении сопровождалось за счет завоеванных областей и присоединением новых территорий на Кавказе. Здесь возводили города-крепости, которым, на наш взгляд, не уделено должного внимания, но именно они в свое время выполнили функции опорных пунктов для российских властей. Е.А. Гурова пишет о роли городов, указывает на стремление к компромиссу со стороны властей, которые обеспечивали постепенное приобщение автохтонных народов к российской государственной системе. Города, которые первоначально возникали как крепости, со временем становились все более полиэтничными и поликонфессиональными центрами, становились местом, где зарождались и развивались новые формы городской жизни.

Характеризуя российско-северокавказские противоречия и поиск путей их преодоления, Е.А. Гурова показывает, что для империи горцы являлись весьма неудобным историческим партнёром, договороспособность которого оставляла желать лучшего. Она отмечает при этом, что вооружённое противостояние, которое имело место на Кавказе в первой половине XIX в., невозможно было преодолеть исключительно с помощью оружия.

Е.А. Гурова часто обращает внимание, что острие набегов горцев было направлено, преимущественно, на соседей, а потому горский социум оказался весьма «неудобным» историческим партнером, и выстраивать диалог с ним оказалось непросто. Мы полагаем, что военизированный уклад жизни горцев, возникший в более ранний период под влиянием целого ряда политических, экономических и иных причин, сохранялся. И то, что в одной культуре считалось преступлением, в другой – не только не осуждалось, но, наоборот, восхвалялось и героизировалось. С идеей, что горцы без набегов не могли прожить, не всегда можно согласиться. На наш взгляд, в вопросе о набеге горцев вы-

воды, высказанные Е.А. Гуровой, не бесспорны и не всегда найдут поддержку у ряда кавказоведов. Мы принимаем «набеги» как историческое явление и готовы исследовать эту проблему. При этом говорить, что это основной вид занятий и основа хозяйства горцев, что это постоянный промысел, на наш взгляд, не всегда возможно. В истории конкретных, мало-мальски стабильных обществ с таким типом хозяйства не было [1].

Е.А. Гурова много места в своей работе уделила событиям Кавказской войны. Параллельно с войной шла и мирная жизнь, поэтому, на наш взгляд, можно было бы уделить место и рассмотреть в этом плане роль контактных зон. В них даже в период войны присутствовал диалог культур, здесь можно рассмотреть подвижные границы в регионах, не сразу включенных полностью и окончательно в юрисдикцию российского правительства.

Неоднократно в своей работе Е.А. Гурова рассматривает и описывает ту особую роль, которую как инструмент по реформатированию местного социума играл Собственный Его Императорского Величества Конвой. Она указывает, что Конвой стал своеобразным социальным лифтом для выходцев из горской среды, а они, в свою очередь, стали ретрансляторами имперского правосознания среди своих земляков. В данном вопросе мы бы высказали сомнение, поскольку количество привлеченных горцев к военной службе и, прежде всего, их участие в охране высшего представителя власти – императора – было очень маленьким, и это не могло считаться своеобразным социальным лифтом для основной части населения. В Дагестане, например, практика привлечения из аманатов в Конвой насчитывала очень небольшое количество примеров, причем это получает развитие только в послевоенный период, к концу XIX века.

Е.А. Гуровой также исследуются меры и методы по приобщению местных народов к порядкам империи, анализируется реакция населения региона на разрушение традиционного социокультурного миропорядка. Можно согласиться с автором в том, что многие ограничения, введенные новой властью, могли казаться горцам абсурдными и даже враждебными.

Е.А. Гурова обосновывает свой вывод о том, что процесс освоения Россией северокавказских просторов заключался и в постепенном уяснении российской стороной местной этнокультурной специфики и приспособлении к ней. На этом пути случались и сложности [3]. На наш взгляд очень интересны высказывания автора о том, что и имам Шамиль, и российские власти по-разному (содержательно), но в равной степени «отнимали» у горских народов Северного Кавказа их прошлое,

заменяя, направляя их по пути вносимых социокультурных нововведений.

Примечания

1. *Абдулпатахов М.А., Гарунова Н.Н.* Еще раз к вопросу об особенностях взаимоотношений дагестанских владетелей с российскими военными властями в первой трети XVIII века // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 37. – № 3. – С. 35-42.

2. *Гурова Е.А.* К вопросу о причинах российско-северокавказских противоречий в первой половине XIX века и способах их преодоления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4(200). – С. 54-59.

3. *Гурова Е.А.* Собственный Его Императорского Величества Конвой как способ сближения горцев Северного Кавказа с Россией // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1(201). – С. 32-37.

УДК 930.2

ЖАБЧИК С.В.,
Россия, г. Краснодар

Архивные источники об участии кубанского казачества в русско-турецких войнах XIX в. на Балканском театре

В статье рассмотрены отдельные моменты военного участия кубанских казаков в русско-турецких войнах XIX в. на Балканском театре.

Ключевые слова: архивные источники, кубанское казачество, русско-турецкие войны, боевые действия, Балканский регион.

**Zhabchik S.V.,
Russia, Krasnodar**

Archival sources about the participation of Kuban cossacks in Russian-Turkish wars of XIX century in Balkan theater

Article considers some moments of the military participation of Kuban cossacks in Russian-Turkish wars of XIX century in Balkan theater.

Keywords: archival sources, Kuban cossacks, Russian-Turkish wars, military operations, Balkan region.

На протяжении столетий отношения россиян к южным славянам можно охарактеризовать как отеческие. Русские люди всегда считали

южных славян своими младшими братьями, которые нуждаются в помощи, в силу сложившихся обстоятельств, поскольку балканские народы находились под протекторатом Османской империи, иной веры, нежели южные славяне [1; 2]. В связи с этим, русские люди всегда приходили на помощь, когда южные славяне в этом нуждались. Свидетельства этих событиях сохранились в различных архивных фондах.

Важными архивными источниками о непосредственном участии кубанских казаков в русско-турецких войнах XIX в. являются материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Различные военные донесения, рапорты, журналы боевых действий об участии черноморских, кубанских казаков находятся в фондах 470 «Война с Турцией 1806-1812 годов», 477 «Турецкая война 1828-1829 годов», 485 «Русско-турецкая война 1877-1878 годов», 846 «Военно-ученый архив».

Самыми ценными архивными источниками являются материалы Государственного архива Краснодарского края, которые хранятся в фондах 249 «Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска», 250 «Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска», 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска».

Архивные материалы свидетельствуют об участии кубанского казачества в ряде войн XIX в. [3; 4], в том числе в двух русско-турецких войнах первой половины столетия. 16 октября 1806 г. началась очередная русско-турецкая война 1806-1812 гг. с перехода Молдавской армии И.И. Михельсона реки Днестр. Командование Кубанского войска выставило для участия в этой войне два конных и один пеший полки [5, л. 1]. 9-й пеший полк под командованием подполковника Паливода отправился на Дунай. В начале 1807 г. он вошел в состав Дунайской гребной флотилии, в которой и находился до окончания войны. В мае 1807 г. полк участвовал в штурме Тульчи. В это же время подполковник Паливода погиб [6, с. 43]. Вместо него был назначен командовать полком войсковой старшина Г.К. Матвеев.

Судя по архивным документам, 9-й пеший полк простоял до 1809 г. при Килии в бездействии [7, л. 62,119]. К концу 1809 г. русская армия перешла Дунай. В мае 1810 г. 9-й пеший полк участвовал в осаде важной турецкой крепости Силистрии. Летом 1810 г. удачные боевые действия под Рущуком способствовали началу мирных переговоров между Россией и Турцией. В дальнейшем полк принимал участие в боевых действиях вплоть до февраля 1813 г. В Екатеринодар он прибыл 7 мая 1813 г.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. привлекла к участию в боевых действиях один пеший и два конных полка Черноморского казачье-

го войска, о чем свидетельствуют архивные источники. Есаул Павел Животовский стал командиром 1-го пешего полка. В апреле 1828 г. 1-й полк поступил под начало капитана 2-го ранга В.М. Микрюкова, командующего Дунайской флотилии. 29 мая 1828 г. 1-й пеший полк особо отличился при разбитии турецкого флота под Браиловым [8, л. 7]. В начале июня Браилов пал. Для ведения успешных дальнейших действий необходимо было занять Силистрию. В июле 1828 г. полк участвовал в осаде этой крепости. Однако осада затянулась и вскоре была прекращена. В начале 1829 г. вновь началась осада города. После удачной бомбардировки, в которой участвовал 1-й пеший полк, крепость Силистрия сдалась. Далее полк участвовал в крейсеровании в составе авангарда Дунайской флотилии [9, л. 27].

Согласно архивным данным, 5-й и 6-й полки были сформированы позднее и выступили из Полтавского куреня только 31 августа 1828 г. Командиром 5-го полка стал войсковой старшина Залесский, 6-го – есаул Завгородний [10, л. 73об.]. Маршрут полков пролегал от Екатеринодара до Тирасполя. Полки прибыли на театр военных действий к концу октября 1828 г. и в осаде Силистрии не участвовали. По прибытии в Тирасполь 3 ноября 5-й полк был причислен в резерв действующей армии. 6-й конный полк прибыл только 13 ноября в г. Балту Каменец Подольской губернии, где и остановился в окрестностях города [11, л. 281]. Только в декабре 5-й полк был переброшен в Бессарабскую область для охраны кордонной карантинной линии. В начале февраля 1829 г. 5-й полк покинул эту линию, а на его место прибыл 6-й полк.

После сдачи крепости Силистрии 18 июня 1829 г. Дунайская армия начала переход через Балканы. Черноморские полки попали в резерв армии. На момент завершения успешного перехода 12 июля 1829 г. русские войска владели тремя проходами через Балканы. К концу июля было предпринято наступление на г. Сливно, в котором кубанцы не участвовали. Они прикрывали правый фланг, со стороны дороги на Казан. При занятии г. Сливно 6-й полк остался в нем и в походе к г. Адрианополю не участвовал. 5-й полк в августе 1829 г. участвовал во взятии г. Кирклиса и г. Люле-Бургаса [12, л. 31]. Далее полки содержали демаркационную линию и участвовали в разъездах по военным дорогам, до заключения с Портой мира.

Материалы о начавшейся русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и участии в ней кубанского казачества также сохранились в архивах. В войне принял участие 7-й пеший пластунский батальон, 1-я и 2-я сотни которого под командованием есаула А.А. Баштанника были отправлены в Дунайскую армию. В мае 1877 г. они одними из первых переправились через Дунай и вошли в состав Передового отряда под командова-

нием И.В. Гурко. Перед отрядом стояла задача перейти Балканы. 1 июля 1877 г. пластуны перешли Балканы через Ханкойский проход. Далее в начале июля казаки действовали в боях при занятии д. Ханкой, Уфлани, г. Казанлык [13, л. 240-240об.]. Турки решили перебросить в тыл русским войскам 70-тысячную армию. Поэтому русским войскам необходимо было удержать перевалы, чтобы не пропустить турок. Продвигаясь к Балканам, кубанские пластуны участвовали в боях с турками у г. Ени-Загры, г. Ески-Загры и у деревни Джурани [13, л. 240об.]. С 25 по 27 июля 1877 г. кубанцы приблизились к главному Балканскому хребту, находясь под командованием генерал-майора Н.Г. Столетова. К 11 августа они прибыли на Шипкинский перевал [13, л. 240об.]. С 13 августа завязались упорные бои за Шипку, которые продолжались до конца 1877 г.

Кубанские пластуны отмечены в последнем бою 28 декабря 1877 г. у деревни Шейново и Шипки. В январе 1878 г. 1-я и 2-я сотни пластунов после разгрома армии Веселя-паши выступили за Балканы, продвигаясь к Адрианополю. После заключения перемирия до августа 1878 г. пластуны находились в составе 14 дивизии [13, л. 241].

2-й Кубанский казачий полк под командованием подполковника С.Я. Кухаренко в составе Кавказской бригады также воевал на Балканском фронте. В июне 1877 г. полк перешел Дунай у Зимницы [14, л. 117об.]. 30 июня полк участвовал в перестрелках с турками возле Никополя. После захвата турками Плевны, русское командование приняло решение взять город штурмом. Кавказской бригаде было поручено наблюдение за Плевной.

8 июля 1877 г. начался первый штурм Плевны [14, л. 118]. Кавказской бригаде было приказано зайти в тыл. Штурм закончился поражением русских войск. Кубанцы обеспечивали отступление ротам Костромского полка до тех пор, пока отряд не скрылся из виду. Через 10 дней полк вновь сражался под Плевной под общим командованием М.Д. Скобелева. Атака Ловчи, в авангарде которой сражалась Кавказская бригада, прошла более успешно. Далее полк участвовал в третьем штурме Плевны [15, л. 19]. После очередной неудачи русское командование приняло решение блокировать крепость.

В дальнейшем казаки участвовали в сражениях с большей частью войск Османа-паши у реки Вид, под Горным Дубняком. В конце сентября 1877 г. Кавказская казачья бригада перешла под командование генерал-адъютанта И.В. Гурко. Необходимо было контролировать Софийское шоссе, имевшее стратегическое значение для осажденных турок. 2-й Кубанский полк участвовал во взятии этих объектов, а именно: Горного Дубняка, Дольного Дубняка и Телиша [16, л. 17]. В ноябре

1877 г. часть Кубанского полка была задействована в столкновениях с турками в составе Златицкого отряда, а также в сражениях при Правце и Этрополе. 2-й Кубанский полк не участвовал в четвертом штурме Плевны, поскольку был задействован в сражении под Златицей. После падения Плевны кубанцы в составе отряда генерала И.В. Гурко перешли Балканы и вышли на Софийское шоссе. За Балканами казаки участвовали в боях при Горном Бугарове и Ташкисене, заняли Софию под общим руководством И.В. Гурко. К концу декабря 1877 г. казаки участвовали во взятии Самокова и Баньи. В начале января 1878 г. кубанцы в составе западного отряда, под общим командованием генерала И.В. Гурко, заняли Филиппополь, разбив армию Сулеймана-паши [17, л. 119]. Победа под Филиппополем открывала русским войскам путь на Константинополь. 19 января 1878 г. было объявлено перемирие и 2-й Кубанский полк занял демаркационную линию.

Архивные фонды содержат сведения об участии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. лейб-гвардейцев. Они стали участниками третьего штурма Плевны. Далее лейб-гвардейцы были прикомандированы к Гвардейскому корпусу под общим начальством И.В. Гурко. 12 октября в сражении при Горном Дубняке гвардейцы находились в авангарде и, заметив турецкие разъезды, отбросили их. В результате совместных действий со стрелковыми батальонами это селение было взято русскими войсками. 16 октября Кубанский дивизион участвовал во взятии Телишской укрепленной позиции. Из прибывших на Балканский фронт кубанцев только гвардейский дивизион участвовал в четвертом штурме Плевны в конце ноября 1877 г. Далее гвардейцы были прикомандированы к Главной квартире Главнокомандующего армией Великого князя Николая Николаевича, которого они сопровождали при переходе через Балканы, во время движения к Адрианополю и Сан-Стефано.

Таким образом, можно сделать вывод, что различные архивные источники предоставляют важнейшую информацию об участии кубанского казачества в русско-турецких войнах XIX в.

Примечания

1. Жабчик С.В., Попов В.В. Болгары на территории казачьей Кубани в конце XVIII – начале XX вв. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 107. – С. 955-966.

2. Жабчик С.В. Связи населения Кубани и Черноморья с южными славянами в конце XVIII - начале XX века: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2010. – 226 с.

3. *Салчинкина А.Р.* Антропологический подход к историческим источникам по истории Кавказской войны XIX века // Год науки и технологий 2021: сб. тез. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 09-12 февраля 2021 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 376.

4. *Салчинкина А.Р.* Бинарная оппозиция “свой – чужой” в историческом нарративе: образ горца в сознании казачества в годы Кавказской войны XIX в. // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 22. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2018. – С. 25-27.

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 514.

6. *Короленко П.П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Исторический очерк. – Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правл., 1896. – 96 с.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. – Оп 16. – Д. 2886.

8. РГВИА. – Ф. 477. – Оп 1. – Д. 12.

9. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 20.

10. РГВИА. – Ф. 846. – Оп 16. – Д. 4455.

11. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 978. – Т. 2.

12. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 22.

13. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 2475. – Т. 2.

14. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8407.

15. РГВИА. – Ф. 485. – Оп 1. – Д. 327.

16. РГВИА. – Ф. 485. – Оп 1. – Д. 644.

17. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8407.

УДК 930/94(47).08”19”

ХУДОЛЕЕВ А.Н.,
Россия, г. Новокузнецк

Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала «Русский архив» (1870-1880-е гг.)

Рассматриваются рецензии, публиковавшиеся в журнале «Русский архив» в течение 1870-1880-х гг. Выделяется несколько ключевых подходов в оценке рецензентами научных работ. С позиции рецензентов анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность источниковой и методологической базы их исследований. Делается вывод о важности рецензионного творчества для отслеживания развития отечественной исторической мысли второй половины XIX в.

Ключевые слова: Петр Иванович Бартенев, журнал «Русский архив», историческая мысль, дореволюционная историография, научные рецензии.

**Coverage of problematic issues of Russian history in the review
department of the journal “Russian Archive” (1870-1880)**

Reviews published in journal “Russian Archive” during the 1870s-1880s are considered. There are several key approaches in the evaluation of scientific papers by reviewers. From the position of the reviewers, the objectivity and reasonableness of the authors’ positions, the representativeness of the source and methodological base of their research are analyzed. The conclusion is made about the importance of peer-reviewed creativity for tracking the development of Russian historical thought in the second half of XIX century.

Keywords: Pyotr Ivanovich Bartenev, journal “Russian archive”, historical thought, pre-revolutionary historiography, scientific reviews

Начавший выходить, благодаря известному историку Петру Ивановичу Бартеневу (1829-1912), в 1863 г. журнал «Русский архив», наряду с «Русской стариной» и «Историческим вестником», во второй половине XIX в. - начале XX в. по праву считался одним из наиболее популярных исторических изданий. Миссия журнала заключалась в публикации документов личного происхождения (дневников, мемуаров, эпиталярного наследия) XVIII в. и XIX в. Однако спустя некоторое время в нем начали появляться исследования, посвященные тем или иным аспектам истории России [1], а также рецензии на выходившие в свет научные труды по данной тематике.

В 1873 г. профессор Московского университета Н.А. Попов обратил внимание на работу доцента Санкт-Петербургского университета В.Г. Васильевского «Очерк истории города Вильны», опубликованную в серии «Памятники русской старины в Западных губерниях» [2]. Рецензент высоко оценил это исследование, позволявшее пролить свет на трудные, порой трагичные страницы выживания православной конфессии в католическом мире [3]. Спустя два года он же в положительном ключе отозвался на продолжение публикации «Очерка» В.Г. Васильевского [4], который поставил важную цель – «разъяснение прошлых судеб русского населения в Западном крае и разыскание в оном русских старинных памятников» [5, с. 233].

Развитие рецензионного творчества в «Русском архиве» в 1880-е гг. связано с сотрудничеством в нем известно ученого-антинорманиста Д.И. Иловайского. В журнале П.И. Бартенева Дмитрий Иванович охотно отвечал критикам его «Истории России», высказывал мнение по новейшим публикациям в области средневековой Руси. Так, он негативно отнесся к исследованию преподавателя Императорского Александровского лицея Е.А. Белова «Об историческом значении русского боярства

до конца XVII в.» [6]. В частности, Д.И. Иловайский не был согласен с оценками личности и деятельности Ивана IV. По его мнению, Е.А. Белов нанес вред научному познанию тем, что старался «не только обелить Грозного, но и возвести его в великие люди и для сего не стесняется в толковании фактов действительных и в измышлении небывалых» [7, с. 364]. Стоит отметить, что Д.И. Иловайский причислял Е.А. Белова к лагерю норманистов, чем, во многом, и объяснялась резкость его суждений.

Е.А. Белов ответил Д.И. Иловайскому, обвинив того в предвзятом, поверхностном отношении, в передергивании аргументации и в научном снобизме, поскольку «г. Иловайский справедливость мнений считает по мере приближения к его мнению» [8, с. 221]. Это заставило Дмитрия Ивановича вновь вернуться к работе Е.А. Белова. Он отметил, что личные выпады автора исследования о русском боярстве свидетельствуют только о дилетантизме и неспособности вести настоящую научную полемику [9, с. 129].

Если у Е.А. Белова имелось историческое образование (окончил Казанский университет) и за ним Д.И. Иловайский признавал наличие элементарных студенческих знаний, то исторические штудии предводителя московского дворянства Д.Д. Голохвастова крайне возмутили Дмитрия Ивановича. Д.Д. Голохвастов решил посоревноваться в правильности понимания терминологии средневековой Руси как с Д.И. Иловайским, так и с покойным С.М. Соловьевым. В частности, он назвал ошибочным понимание ими термина «кормление» как получение дохода с территории и настаивал, что «кормление» означало «управление» [10]. На это Д.И. Иловайский язвительно заметил, что предводитель дворянства занимается «сизифовым трудом», поскольку вопрос о «кормлениях» достаточно изучен и раскрыт в научной литературе и получается, что «значение слова “кормление” ему лучше известно, чем самому летописцу XVI в.» [9, с. 130-131]. Любопытно, что позицию Д.И. Иловайского полностью поддержал В.О. Ключевский, не соглашавшийся с ним по многим вопросам, касавшимся древней и средневековой русской истории [11].

Английским переводом записок княгини Е.Р. Дашковой заинтересовались бывший директор Феодосийского учительского института М.Ф. Шугуров [12] и любитель русской истории дипломат А.Б. Лобанов-Ростовский [13]. Вывод был однозначен. Опубликованные в 1840 г., благодаря Марте Бредфорд (Вильмонт), мемуары Е.Р. Дашковой сильно изменены по сравнению с русскоязычным оригиналом. В ходу были вставки, дополнения, стилистические правки, стремившиеся исправить шероховатости подлинника [14, с. 139]. Однако «этот недоста-

ток у нее общий почти со всеми переводчиками ее времени, и было бы, по моему мнению, крайне несправедливо требовать от этой почтенной дамы тех ученых приемов, к которым мы теперь привыкли и которых мы вправе ожидать от всякого сколько-нибудь опытного переводчика или издателя» [13, с. 375-376].

Таким образом, начиная с 1870-х гг. журнал «Русский архив» стал включать в свою практику рецензирование научных изданий. Сделано это было для того, чтобы отслеживать наиболее интересные работы, знакомить с ними читателей, а также следить за развитием отечественной исторической мысли.

Примечания

1. *Худолеев А.Н.* Дискуссионные проблемы отечественной исторической науки на страницах журнала «Русский архив» (1863-1870) // *Историки об историках. К юбилею профессора Г. П. Мягкова / под общ. ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковой.* – М.: Аквилон, 2022. – С. 122-130.

2. Памятники русской старины в Западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым: альбом: в 8 т. – Вып. 5. – Вильна-СПб.: Изд. Мин-ва внутр. дел, 1872. – 117 с.

3. *Попов Н.А.* Рец. на: Памятники русской старины в Западных губерниях. Выпуск 5. Вильна, 1872. // *Русский архив.* – 1873. – Т. 21. – Вып. 1-6. – С. СXXXVII-CXLIV.

4. Памятники русской старины в Западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым: в 8 т. – Вып. 6. – Вильна-СПб.: Изд. Мин-ва внутр. дел, 1874. – 206 с.

5. *Попов Н.А.* Западный край в его исторических памятниках // *Русский архив.* – 1875. – Т. 26. – Вып. 1-4. – С. 232-235.

6. *Белов Е.А.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // *Журнал Министерства народного просвещения.* – 1886. – Ч. 243. – С. 68-127, 233-305.

7. *Иловайский Д.И.* Историко-критические заметки // *Русский архив.* – 1889. – Т. 68. – Вып. 1-4. – С. 362-470.

8. *Белов Е.А.* Ответ моим критикам // *Журнал Министерства народного просвещения.* – 1889. – Ч. 262. – С. 215-225.

9. *Иловайский Д.И.* Моим возражателям // *Русский архив.* – 1889. – Т. 69. – Вып. 5-8. – С. 129-137.

10. *Голохвастов Д.Д.* Историческое значение слова «кормление» // *Русский архив.* – 1889. – Т. 68. – Вып. 1-4. – С. 650-655.

11. *Ключевский В.О.* По поводу заметки Д. Голохвастова об историческом значении слова «кормление». Письмо к издателю // *Русский архив.* – 1889. – Т. 69. – Вып. 5-8. – С. 138-145.

12. *Шугуров М.Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (подлинные записки княгини Дашковой) // *Русский архив.* – 1880. – Т. 43. – Вып. 9-12. – С. 150-217.

13. Лобанов-Ростовский А.Б. Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. – 1881. – Т. 44. – Вып. 1-4. – С. 366-379.

14. Шугуров М.Ф. Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой // Русский архив. – 1881. – Т. 45. – Вып. 5-8. – С. 132-140.

УДК 930:930(470)''20''

КОРЧЕМКИНА Е.Е.,
Россия, г. Майкоп

**Отражение проблемы взаимодействия природы и общества
в диссертационных исследованиях,
выполненных в СССР в 60-80-е гг. XX века**

В статье рассмотрен процесс изучения проблемы взаимоотношения природы и общества в диссертационных исследованиях, выполненных в СССР в 1960-1980-е гг. Автором статьи выделены основные направления, существовавшие в рамках изучения данной проблемы в указанный период.

Ключевые слова: советская историография, общество и природа, природопользование, историография, диссертация, историографический источник.

**Korchemkina E.E.,
Russia, Maykop**

**Reflection of the problem of interaction of nature and society in dissertation
research in the USSR in 60-80s of XX century**

Article considers the process of studying the problem of relationship between nature and society in dissertation research, carried out in USSR in 1960s-1980s. Author of the article highlights the main directions that existed within the framework of studying this problem during this period.

Keywords: soviet historiography, society and nature, nature management, dissertation, historiographical source.

В начале XXI в. в российском историографическом пространстве появляется интерес к диссертационным исследованиям как к особому историографическому источнику. Негласное правило для исследователей – не ссылаться на неопубликованные работы – долгое время исключало диссертации и авторефераты из списка перспективных объектов историографических исследований. Тем не менее, именно диссертационные исследования, по справедливому мнению П.С. Романова, содержат множество сведений науковедческого, библиометрического,

документоведческого характера, дают представления об актуальных направлениях научной мысли [1, с. 116].

Точка зрения о том, что диссертации «могут служить неким мериллом для понимания тенденций развития научно-исторического знания» [2, с. 27] представляется адекватно применимой к анализу отражения проблемы взаимодействия природы и общества в советской историографии в 60-80-х гг. XX в. Следует отметить, что её научное осмысление на разных этапах исторического развития нашей страны определялось и изменялось в соответствии с приоритетами идеологии и государственной политики.

Основы зарождения советского государства стали истоком доминировавшей впоследствии парадигмы об отмене частной собственности на землю, недра, леса, воды и другие природные ресурсы как самой первой предпосылки в истории к установлению нового отношения к природе [3, с. 6]. По мнению советских обществоведов, именно это новое отношение, закреплённое ленинскими декретами, создавало условия для планового и эффективного управления богатствами природы, принадлежавшими всему советскому народу.

Изучение методологических основ проблемы истории взаимодействия природы и общества для советских исследователей являлось базовым [4-12]. В диссертационных исследованиях нашли отражение мировоззренческие, эстетические и нравственно-ценностные аспекты охраны окружающей среды [13-16]. Не оставили без внимания отечественные обществоведы также вопросы научно-технической революции и охраны окружающей среды, роли науки в преодолении экологических проблем [17-23].

Значительный пласт по проблеме взаимоотношений общества и природы составили диссертационные работы исторической тематики. Такой аспект, как природопользование, занимал основной сегмент исследований. Активная деятельность государства в области освоения новых земель, добычи природных ресурсов диктовалась потребностями развития экономики на протяжении всего периода существования советского государства. Известно, какое важное значение придавалось в советское время освоению целины. Соответственно, в огромный корпус диссертационных исследований, предпринятых в СССР, вошли работы, посвященные освоению целинных районов Казахстана, Оренбургской области, мелиоративному и ирригационному строительству не только в республиках Средней Азии, но и в других регионах страны [24-28]. Энергетический и сырьевой потенциал страны обусловил актуальность диссертационных исследований, предметом изучения которых являлась организаторская роль Коммунистической партии Советского Союза в

деле освоения угольных бассейнов [29; 30; 31], создания и развития нефтегазодобывающей промышленности [32-35], региональных топливно-энергетических комплексов и разработки железорудных месторождений [36-44]. В тематике использования ресурсов определенное место заняли вопросы становления и развития лесного хозяйства и лесной промышленности европейского Севера СССР, Урала, Сибири и Дальнего Востока [45-49].

Помимо отраслевого изучения природопользования, отдельное направление составили диссертационные исследования, выполненные в русле изучения государственной политики охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, функционирования советской системы управления природопользованием [50-57].

Следует отметить, что анализ диссертационных исследований, выполненных в период развитого социализма, демонстрирует устойчивый интерес советских исследователей к осмыслению истории взаимоотношений общества и природы. С учётом деидеологизированного подхода несомненным представляется включение опыта советских историков в современное пространство историографического знания.

Примечания

1. *Романов П.С.* Анализ англоязычных диссертаций по библиотековедению: на основе электронной базы диссертаций 1903-2004 гг. // Библиотековедение. – 2006. – № 3. – С. 116-121.

2. *Алеврас Н.Н.* Магистратура в контексте диссертационной культуры: до-революционный опыт историко-научного сообщества в историографическом ракурсе // Харківський історіографічний збірник. – 2014. – Т. 13. – С. 20-40.

3. *Гладков Н.А.* Охрана природы в первые годы Советской власти (по материалам ленинских декретов). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 35 с.

4. *Кобылянский В.А.* Соотношение природы и общества (исследование методологических проблем): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1974. 162 с.

5. *Вороков Х.Т.* Диалектика социального и природного в социалистическом обществе: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Нальчик, 1974.

6. *Воропаева Г.М.* Проблемы взаимодействия человека и живой природы (некоторые философские аспекты): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.08. – Л., 1975.

7. *Лысов Г.А.* Отношение “человек-природа” и его социально-исторические измерения: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Ростов н/Д, 1978.

8. *Гирусов Э.В.* Методологические проблемы теории взаимодействия общества и природы: дис. ...д-ра. филос. наук: 09.00.08. – М., 1978.

9. *Ахметов Б.К.* Принципы историзма в экологии: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Алма-Ата, 1981. – 144 с.

10. *Богомяков В.Г.* Социально-философские аспекты взаимодействия общества и природы (в условиях интенсивного освоения новых районов): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Новосибирск, 1981. – 152 с.

11. *Ковач Я.* Проблема взаимодействия общества и природы: (становление, сущность и пути решения): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.03. – Ростов н/Д, 1983.
12. *Халапсис В.С.* Методологический анализ понятийного аппарата проблемы “общество-природа”: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1983. – 160 с.
13. *Лукьянов А.И.* Мировоззренческий аспект экологической проблемы: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Ростов н/Д, 1978. – 235 с.
14. *Вебер Э.А.* Ценностный аспект взаимодействия общества и природы: дис. ...канд. филос. наук. – Рига, 1980. – 193 с.
15. *Денисов В.Н.* Философский анализ нравственного отношения человека к природе: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1981. – 166 с.
16. *Малова О.Я.* Эстетические аспекты охраны окружающей природной среды: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.04. – М., 1982. – 186 с.
17. *Вьюницкий В.И.* Научно-техническая революция и проблемы взаимодействия общества и природы: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1975. – 149 с.
18. *Олейников Ю.В.* Методологические принципы анализа проблемы взаимодействия природы и общества в условиях научно-технической революции: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1978. – 140 с.
19. *Райнаи В.* Социальные проблемы научно-технической революции и охрана окружающей среды: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1979.
20. *Саидова Т.К.* Система связей общества и природы в условиях современной научно-технической революции: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 1979. – 180 с.
21. *Смирнова В.В.* Изменение характера природопользования в условиях научно-технической революции: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Минск, 1979. 169 с.
22. *Трухин В.П.* Философский анализ проблемы ответственности ученых в условиях экологизации науки: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Улан-Удэ, 1981. – 155 с.
23. *Брокс Я.А.* Роль науки в оптимизации отношений общества и природы: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01. – Рига, 1986. – 196 с.
24. *Куликов В.И.* Исторический опыт КПСС в освоении целинных земель: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.01. – М., 1977. – 413 с.
25. *Ковальский С.Л.* Коммунистическая партия – организатор освоения земельных ресурсов Казахстана в предвоенные годы социалистического строительства (1928 – июнь 1941 гг.): дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.01. – Алма-Ата, 1978. – 394 с.
26. *Полещук З.В.* Партийное руководство строительством оросительных систем в УССР (1966-1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Киев, 1978. – 193 с.
27. *Серета В.Д.* Деятельность КПСС по осуществлению программы мелиорации земель в годы восьмой пятилетки (1960-1970 гг.) (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Краснодар, 1978. – 234 с.
28. *Ходжиев Э.* История орошения и освоения Голодной степи (1971-1980 гг.): дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02. – Ташкент, 1982. – 389 с.

29. *Простак С.Л.* История становления и развития Прокопьевского рудника – ведущей угольной базы Урало-Кузнецкого промышленного комплекса (1920-1941 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Томск, 1978.
30. *Шуранов Н.П.* Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.01. – Новосибирск, 1978. – 525 с.
31. *Белянина З.А.* Деятельность партийной организации Кузбасса по развитию угольной промышленности в годы VIII пятилетки (1966-1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Томск, 1981. – 263 с.
32. *Сулейманов М.О.* Деятельность партийной организации Дагестана по развитию нефтяной и газовой промышленности в республике (1959-1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Махачкала, 1978.
33. *Афанасьев Н.П.* Партийное руководство развитием нефтегазовой промышленности в Коми АССР (1959-1965 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Л., 1980. – 203 с.
34. *Беленицын Н.А.* Деятельность КПСС по развитию нефтяной промышленности Сахалина (1951-1965 гг.): (На материалах Сахалинской партийной организации): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Л., 1981. – 216 с.
35. *Григоренко В.Г.* Борьба Коммунистической партии за развитие нефтегазовой промышленности в западных областях Украины (1959-1965 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. Львов, 1981. 220 с.
36. *Хатылаев М.М.* История золотодобывающей промышленности Советской Якутии (1923-1937 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.00. – Якутск, 1967. – 421 с.
37. *Юров А.Ф.* Из истории освоения железорудных богатств Курской магнитной аномалии (1918-1966 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.00. – М., 1967. – 206 с.
38. *Афанасьев В.Г.* Деятельность Ленинградской партийной организации по созданию топливно-энергетической базы в годы первых пятилеток (1929-1937 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Л., 1976.
39. *Купча Э.А.* Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по развитию и укреплению топливной промышленности в годы первой пятилетки: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – М., 1979.
40. *Шевляков С.Н.* Деятельность КПСС по созданию железорудной базы СССР в годы послевоенных пятилеток: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.01. М., 1979. 437 с.
41. *Батенев Л.М.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию горнорудной промышленности в 1926-1932 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Свердловск, 1980. – 215 с.
42. *Агарышев П.Г.* Работа партийных организаций Урала по развитию топливно-энергетической промышленности в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.01. – Челябинск, 1980. – 425 с.
43. *Мартюшов Л.Н.* Деятельность партийных организаций Урала по развитию горнорудной промышленности в годы семилетки (1959-1965 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Свердловск, 1981. – 238 с.

44. *Мельников М.Ф.* Коммунистическая партия – организатор планового освоения минерально-сырьевых ресурсов Западной Сибири (1926-1932 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – М., 1981. – 227 с.
45. *Макуров В.Г.* Развитие лесной промышленности Европейского севера СССР в послевоенный период (1946-1955 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Петрозаводск, 1975.
46. *Кузнецов А.Ф.* Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933-1937 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Свердловск, 1979. – 221 с.
47. *Утросина С.А.* Деятельность партийных организаций по восстановлению и развитию лесной промышленности и лесного хозяйства в 1921-1928 гг.: (на материалах Вятской губернии и Марийской автономной области): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Йошкар-Ола, 1981. – 211 с.
48. *Прядеин В.С.* Деятельность партийных организаций по развитию лесоперерабатывающей промышленности Урала в годы VIII пятилетки (1966-1970 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Свердловск, 1981. – 262 с.
49. *Законов В.А.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.): на материалах Тюменской, Томской и Омской партийных организаций: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Свердловск, 1983. – 256 с.
50. *Константинович С.А.* Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по охране, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов на этапе развития социализма (1959-1975 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Минск, 1981. – 196 с.
51. *Гордиенко Р.Н.* Организационно-методические аспекты совершенствования управления сферой природопользования: дис. ...канд. экон. наук: 05.13.10. – Л., 1981. – 172 с.
52. *Шибко В.Я.* Деятельность КПСС по улучшению социалистического природопользования. 1966-1975 гг.: на материалах партийных организаций УССР: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Днепропетровск, 1981. – 226 с.
53. *Алимов А.А.* Политика КПСС и Советского государства в области природопользования (1917-1925 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Л., 1982. – 238 с.
54. *Гриценко З.И.* Деятельность Коммунистической партии Украины по рациональному использованию природных ресурсов в сельском хозяйстве (1965-1975 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Харьков, 1982. – 236 с.
55. *Малютина Т.Н.* Деятельность Коммунистической партии по охране и рациональному использованию природных ресурсов Дальнего Востока (1961-1980 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Л., 1986. – 228 с.
56. *Лесных В.Н.* Деятельность КПСС по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов (1971-1980 гг.): на материалах партийных организаций Краснодарского и Ставропольского краев: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Краснодар, 1986. – 218 с.
57. *Довгялло М.С.* Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по организации охраны и рациональному использованию природных ресурсов (1976-1985 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01. – Минск, 1987. – 219 с.

ВОЛОЖАНИНА Е.Е., КОЛПАКОВ А.В.,
Россия, г. Омск

Да, был культ, но была и личность

В статье дан краткий обзор отечественной и зарубежной историографии, посвященной И.В. Сталину и мобилизационной экономике, созданной в эпоху его правления. Авторами статьи приведены оценки, данные исследователями роли И.В. Сталина в модернизационных процессах, происходивших в 1920-1950-х гг. в СССР.

Ключевые слова: историография, СССР, И.В. Сталин, модернизационные процессы, мобилизационная экономика, культ личности, де-сталинизация, ресталинизация, дискуссии.

**Volozhanina E.E., Kolpakov A.V.,
Russia, Omsk**

Yes, there was a cult, but there was also a personality

Article provides a brief overview of domestic and foreign historiography, devoted to I.V. Stalin and the mobilization economy, created during his reign. Authors of the article give estimates given by researchers of the role of I.V. Stalin in the modernization processes that took place in the 1920s-1950s in USSR.

Keywords: historiography, USSR, I.V. Stalin, modernization processes, mobilization economy, personality cult, destalinization, restalinization, discussions.

В современной России возник запрос и потребность общества на управленческий опыт И.В. Сталина, на внедрение в государственное строительство элементов советского народного хозяйства. Огромное количество книг, статей, фильмов свидетельствуют о процессе ресталинизации: величие государства и социальная справедливость. Сталинизм – это система взглядов на пути, формы и методы построения социализма, на сам социализм. Происходит идеализация в массовом информационном пространстве программных лозунгов и установок лидера СССР – И.В. Сталина. В речи, произнесенной 4 февраля 1931 г., Сталин четко определил необходимость пробежать историческую дистанцию индустриализации за 10 лет, иначе сомнут. Задержать темпы – значит отстать. Экономика сталинского периода – мобилизационная. Этот термин – «мобилизационный» – подкупает своей нацеленностью на масштабный результат.

В условиях государственных реформ представляется целесообразным и актуальным рассмотреть модернизацию советской России 1920–1930-х гг. как процесс коренных преобразований прежней общественной системы с целью ускоренного перехода от аграрного общества к индустриальному. Управленческая деятельность И.В. Сталина соответствовала насущным национальным интересам. Комплекс социалистических преобразований, реализованных в течение 1920-1930-х гг., вызывает непрекращающиеся дискуссии в истории и СМИ, неподдельный интерес студенческой молодежи к советской истории. В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть оценки, данные исследователями, роли И.В. Сталина в модернизационных процессах, происходивших в СССР в период его правления.

По данным Левада-Центра¹, число людей, которые называли человеческие жертвы сталинской эпохи неоправданными, за минувшие 10 лет сократилось с 60% до 45%, а одобрение деятельности И.В. Сталина достигло 70%.

После смерти И.В. Сталина против него была развернута настоящая информационная война – создание образа «кровавого диктатора» и «тирана». Эту кампанию провел публично Н.С. Хрущев, который на посту главы СССР передал Украине Крым и амнистировал бандеровцев. Писатель М.А. Шолохов однажды сказал по поводу И.В. Сталина следующую фразу: «Был культ, но была и личность». По нашему оценочному мнению, признание заслуг И.В. Сталина на государственном уровне будет способствовать утверждению исторической правды и исторической справедливости.

«Архивная революция» дополнила тему новыми историческими исследованиями. Количество публикаций о И.В. Сталине и его политике достаточно велико. Для освещения темы использовалась следующая литература: работы и статьи советских [1; 2], российских [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и зарубежных историков [11; 12; 13; 14; 15], воспоминания лиц из близкого окружения И.В. Сталина [16; 17].

В указанных работах рассмотрены процессы реализации модернизационных проектов СССР, намеченных в 1920-1930-е гг. под руководством И.В. Сталина и сопровождавшаяся эти процессы борьба за власть. Отметим, что большинство авторов, не историки – обычные писатели-публицисты, которые работают в жанре «фолк-истории» [3; 18; 19; 20]. Это в переводе означает «творим мифологемы и играем в софистику».

¹ Автономная некоммерческая организация “Аналитический Центр Юрия Левады” 5 сентября 2022 г. внесен в реестр иностранных агентов.

Советские историки Д.А. Волкогонов, Р.А. Медведев большое внимание уделяют культуре личности Сталина, при этом не объясняя масштаба личности лидера СССР [1]. Зарубежные историки: Сьюзен Батлер [12], Саймон Монтефиоре [14], Руперт Колли [13], Гровер Ферр [15] достаточно объективно оценивают роль И.В. Сталина в модернизационных процессах, сама ускоренная модернизация в СССР, в целом, по их мнению, была успешной.

Особый интерес вызывает работа американского специалиста Гровера Ферра по вопросам советской истории и политики [15]. Г. Ферр критиковал процесс десталинизации в СССР: «Из всех утверждений “закрытого доклада”, напрямую “разоблачающих” Сталина и Берию, не оказалось ни одного правдивого. Среди всех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого. Как выясняется, в своей речи Хрущев не сказал про Сталина и Берию ничего такого, что оказалось бы правдой. Весь “закрытый доклад” соткан сплошь из подтасовок такого рода» [15]. Всего Г. Ферр из доклада Хрущева выделил и постарался опровергнуть 61 утверждение.

Современные российские историки В.Н. Земсков [6], Ю.В. Емельянов [4], Ю.Н. Жуков [5] последовательно и обстоятельно показывают формирование военно-мобилизационной системы, утверждение единоличной диктатуры И.В. Сталина, процессы индустриализации, коллективизации и культурной революции. Сталина представляют прагматичным, справедливым, сильным лидером, который использовал диктатуру как средство достижения цели – вывести СССР в передовые державы.

Особенно отметим работу доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, главного специалиста Государственного Архива РФ О.В. Хлевнюка. Он заявил: «Я писал эту книгу для тех, кто (как и я сам) хотели бы понять Сталина и его эпоху, характер и логику действий советского лидера, оказавшего столь значительное влияние на развитие нашей страны» [7].

Тридцатилетний период истории – с начала 1930-х и до начала 1960-х гг. – сегодня расценивается как «экономическое чудо». Выражение «сталинская модернизация» связано не только с тем, что И.В. Сталин осуществлял в это время руководство партией, а с тем, что он стал «главным архитектором» мобилизационной модели экономики.

Ученые-экономисты В.Ю. Катасонов в работе «Экономика Сталина» [21] и В.В. Седов в «Мобилизационной экономике: советская модель» [22] выделили следующие основные черты мобилизационной экономики:

1. Общественная собственность на средства производства, землю, природные ресурсы. Они не являются товаром и не могут продаваться и покупаться на рынке. Частная собственность на средства производства, землю, природные, финансовые ресурсы и доходы от нее не допускаются.

2. Руководство экономикой осуществляет государство. С целью получения максимального эффекта от производственной деятельности осуществляется государственное планирование и централизованное управление всеми отраслями экономики. План утверждается высшим органом власти в стране, и его исполнение является обязательным. План в социалистической экономике выступает как регулятор пропорций распределения факторов производства, включая труд и цены.

3. Экономика носит мобилизационный характер. На выполнение плана направляются все внутренние ресурсы страны – финансовые, материальные, трудовые, организационные.

4. Темпы роста отраслей группы «А» (производство средств производства) опережают темпы роста отраслей группы «Б» (производство товаров потребления).

5. Целью и конечным результатом экономики является максимально полное удовлетворение потребностей всего общества в жизненно необходимых товарах и услугах.

6. Единственным источником создаваемого общественного продукта является труд. Значит, граждане имеют право на получение только трудовых доходов. Конечный продукт экономики является собственностью государства, которое организует его распределение между членами общества по труду и потребностям. Распределение по труду – через зарплату и розничную торговлю.

7. Особый приоритет – развитию оборонной промышленности как гарантии национальной безопасности и суверенитета в условиях агрессивного империалистического окружения.

8. Государственная монополия на внешнюю торговлю и государственная валютная монополия.

9. Устанавливалась двухуровневая финансовая система в экономике страны. Для обслуживания рыночных отношений (реализация продуктов конечного назначения) используется наличный рубль, а для административно-планового распределения промежуточной продукции используются безналичные рубли, которые выполняли функцию учетной единицы, необходимой для контроля и планирования производства и распределения. Свободное переливание денег из одного контура в другой не допускается.

Город на Волге 36 лет носил имя И.В. Сталина. К 80-летию со дня окончания Сталинградской битвы 1 февраля 2023 г. в Волгограде возле музея-панорамы «Сталинградская битва» был открыт памятник генералиссимусу И.В. Сталину и двум советским маршалам – Г.К. Жукову и А.М. Василевскому [23]. На церемонии открытия ветераны заявили, что это один из первых шагов по возвращению городу имени Сталина. По инициативе местных ветеранов Дзержинского района города Волгограда на жилых домах появилась портретная галерея героев Сталинграда. Портрет Сталина появился на фасаде жилого пятиэтажного дома. На улице Волгограда разместился плакат с приказом № 227 «Ни шагу назад».

5 марта 2023 г. в день 70-летия со дня смерти И.В. Сталина почтить его память пришли москвичи и гости столицы на Красную площадь к могиле лидера СССР [24].

Лживая природа «закрытого доклада» ставит нас перед необходимостью переосмысления сталинского периода советской истории и переоценки личности самого И.В. Сталина. Его фигура, освобожденная, как от оков идолопоклоннического «культа», так и от хрущевских наветов, и та направленность политики, которую он пытался проводить в жизнь, заслуживают того, чтобы занять центральное место в истории СССР.

Примечания

1. *Волкогонов Д.* Сталин. – М.: Новости, 1996. – 620 с.
2. *Медведев Р., Медведев Ж.* Неизвестный Сталин. – М.: Время, 2011. – 496 с.
3. *Грейг О.* Сталин. Тайные страницы из жизни вождя народов. – М.: Эксмо Алгоритм, 2011. – 130 с.
4. *Емельянов Ю.* Сталин. Путь к власти. – М.: Вече, 2002. – 243 с.
5. *Жуков Ю.* Иной Сталин. – М.: Вагриус, 2003. – 145 с.
6. *Земсков В.* Сталин и народ. Почему не было восстания. – М.: Алисторус, 2014. – 220 с.
7. *Хлевнюк О.В.* Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 71-77.
8. *Кожин В.* Правда сталинских репрессий. – М.: Алгоритм, 2007. – 448 с.
9. *Мартыросян А.Б.* Сталин: биография вождя. – М.: Вече, 2008. – 320 с.
10. *Рыбас С.* Сталин. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 901 с.
11. *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. – М.: Посев, 1986. – 216 с.
12. *Батлер С.* Сталин и Рузвельт. Великие партнеры. – М.: Эксмо, 2017. – 432 с.
13. *Колли Р.* Сталин. – М.: Rupert Colley, 2012. – 72 с.
14. *Монтефиоре С.* Молодой Сталин. – М.: Orion Publishers, 2007. – 512 с.

15. *Ферр Г.* Антисталинская подлость. – М.: Алгоритм, 2007. – 464 с.
16. *Власик Н., Рыбин А.* Сталин. Личная жизнь издательство. – М.: Алгоритм, 2012. – 140 с.
17. *Сталин В.* От отца не отрекаюсь. Запрещенные мемуары сына вождя. – М.: Яуза, 2016. – 260 с.
18. *Мухин Ю.* Почему народ за Сталина. – М.-СПб.: Питер, 2011. – 130 с.
19. *Радзинский Э.* Сталин. – М.: Вагриус, 1997. – 637 с.
20. *Экштут С.* Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас? – М.: Кучково поле, 2017. – 336 с.
21. *Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 416 с.
22. *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: советская модель. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. – 177 с.
23. *Шереметьева И.* Фронтовики встают на колени: в Волгограде установили бюсты Сталина, Жукова и Василевского. 1 февраля 2023 г. Памятники полководцам торжественно открыли 1 февраля 2023 года на площади у музея-панорамы “Сталинградская битва”. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/27459/4714821/>.
24. Память о Сталине – память о величии СССР. 06.03.2023. URL: <https://sovross.ru/2023/03/06/pamyat-o-staline-pamyat-o-velichii-sssr/>.

УДК 930/94(73):32.101

БУРАНОК С.О., СЕЛИФОНТОВА Д.Ю.
Россия, г. Самара

Русский «Пёрл-Харбор» в оценках периодической печати США: 2001-2020 гг.

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «"Русский Пёрл-Харбор": роль исторической метафоры в российско-американских отношениях 2001-2020 гг.» (МД-764.2022.2).

11 сентября 2001 г. в США в штате Нью-Йорк произошла катастрофа, которая потрясла весь мир и изменила ход истории, развитие дипломатических отношений между странами. Для США это событие ознаменовало наращивание военных сил и вступление в войну с терроризмом. Однако с того самого дня и до сих пор высказываются десятки разных теорий и предположений о террористах, врагах, которые являются виновными в произошедшем. В статье рассматривается вопрос об изменении мнений касательно интерпретации данного сюжета с течением времени.

Ключевые слова: периодическая печать, Пёрл-Харбор, США, Россия, терроризм, XXI в.

Russian “Pearl-Harbor” in the estimates of US periodical press: 2001-2020 years
Work was carried out within framework of grant of President of Russian Federation
“Russian Pearl Harbor: the role of historical metaphor in Russian-American relations
2001-2020” (MD-764.2022.2)

On September 11, 2001, a catastrophe occurred in USA, state of New York, which shocked the whole world and changed the course of history, the development of diplomatic relations between the countries. For United States, this event marked the buildup of military forces and the entry into the war on terrorism. However, from that very day until now, dozens of different theories and assumptions have been expressed about terrorists, enemies who are guilty of what happened. Article discusses the issue of changing opinions regarding the interpretation of this plot over time.

Keywords: periodical printing, Pearl Harbor, USA, Russia, terrorism, XXI century.

После катастрофы в Нью-Йорке в тот же день, 11 сентября 2001 г. было организовано заседание в Конгрессе США. Ряд политиков пытались оценить ситуацию и высказывали срочные меры, необходимые к принятию для вступления в войну с терроризмом [1].

Эволюция общественного мнения в Соединённых Штатах Америки касательно борьбы с терроризмом – это длительный и сложный процесс. С 11 сентября 2001 г., когда Россия первая поддержала президента Америки Джорджа Буша, произошло много действий, оказавших различное влияние на восприятие России как ближайшего друга Америки и как союзника, соратника и помощника в борьбе с терроризмом в мире [2].

В 2001 г. Россия воспринималась исключительно как дружественная страна, однако уже в 2002 г. всё ещё упомянутая как дружественная страна [3], в начале года – «союзник в борьбе с терроризмом», но к концу года интерпретация изменилась на «союзник, который может нарушать договор», «опасная страна, нарушающая безопасность США» [4], и к концу года вовсе сменилась на отсутствие восприятия России как союзника в борьбе за мир и безопасность [5].

В течение 2003 г. Россия воспринималась общественным мнением Соединённых Штатов Америки как союзник, но ключевая составляющая этого понятия изменялась в разные периоды 2003 г. от «опасный» до «бесконтрольный», но «всё ещё союзник» [6].

В 2007 г. Россия была представлена как «финансовый соратник» в борьбе с терроризмом. В начале 2008 г. Россию называли «лидирующим соратником» и «помощником США» (упомянув Афганистан). Однако когда речь зашла о Грузии, то Россия была поставлена на одну

ступень с терроризмом лишь из-за столкновения интересов в вопросе членства Украины и Грузии в НАТО [7].

К концу 2008 г. Россия была названа угрозой, с которой необходимо бороться. Но к 2009 г. общественное мнение США более лояльно расценивало сотрудничество с Россией как с «опасным союзником» [8]. Также в 2009 г. было определено, что на прежний уровень 2001 г. взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном более не вернуться [9].

В 2010 г. особое значение имела недостаточность уделяемого внимания российскими властями в борьбе с терроризмом, причем Российская Федерация была определена как «недостаточно внимательный союзник», но «всё ещё союзник» [10].

2011 г. завершил данный этап восприятия России и как «помощника», «союзника», и как «врага» [11], обозначив Россию и вовсе «неподходящим кандидатом для сотрудничества», однако, не предоставляющим угрозы и опасности. Данный вывод был сделан из-за опасений США о нарастании российского влияния в Центрально-Азиатском регионе [12].

С 2012 г. определяется новый этап и новая парадигма восприятия Российской Федерации на Западе. В 2012 г. Россия твёрдо была определена как «союзник» и как страна, имеющая ведущее значение в борьбе с терроризмом. В 2013 г. ключевое значение имело понятие «вынужденного сотрудничества с Российской Федерацией». А в сложный для формирования общественного мнения 2014 г. Соединённые Штаты Америки воздержались от определения России и как врага, и как союзника. Однако впервые за 14 лет Соединённые Штаты Америки заявили о собственных ошибках, допущенных разведкой [13].

На начало 2015 г. Россия была обозначена как «не союзник», «оказывающий ненужную поддержку без предупреждения», однако после терактов в Париже Россия была названа «нечестным союзником», но оказывающим большую поддержку в достижении и поддержке мира.

Через 15 лет после Великой трагедии США 11 сентября 2001 г. в 2016 г. была издана статья, в которой был проведён анализ союзников Соединённых Штатов Америки в достижении мира и безопасности, причем президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин был назван «лучшим союзником Америки за все 15 лет» [14].

2017 год – это начало третьего этапа в формировании общественного мнения Соединённых Штатов Америки касательно России и ее помощи, оказываемой в борьбе с террористическими угрозами. В 2017 г. авторы описывают «новую Россию», вступающую в закулисные игры и расстраивающую отношения США с другими западными странами,

однако не упоминают о России ни как о союзнике, ни как о враге или угрозе [15].

Третий этап формирования мировоззрения американцев носит крайне негативный в отношении России характер. 2018 г. полон статей и исследований, характеризующих Россию как ответственную за кибератаки, ответственную за подрыв демократии на Западе и ответственную за вмешательство в президентские выборы в Соединённых Штатах Америки. Кроме того, Российская Федерация была поставлена на одну ступень с терроризмом [16].

В 2019 г. Российская Федерация была названа «агрессивной державой», которая «совершает иностранные террористические акты, вмешиваясь в политику других государств военным путём». Речь идёт о присоединении к РФ Крыма. На момент 2020 г. ситуация принимает неожиданный размах, и ключевым моментом в общественном мнении американцев предстаёт «Российский неонацизм». Кроме того, было заявлено о сотрудничестве Российской Федерации с террористическими группировками ради достижения собственной внешней политической выгоды и успеха на международной арене. Россия была признана «не союзником», а «врагом» [17].

Таким образом, за последние 20 лет произошла эволюция общественного сознания США в аспекте восприятия Российской Федерации и борьбы с терроризмом. Многие авторы искренне упоминают о России как о союзнике, с которым сложно сотрудничать. Особенно ярко это выделяется на первом этапе сотрудничества Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации. Однако на втором и, особенно, на третьем этапе Россия всё меньше упоминается как союзник.

Примечания

1. *Gold M., Farley M.* World Trade Center and Pentagon attacked on Sept. 11, 2001: Los Angeles Times. 12.09.2001.
2. *Johnson C.* Blowback: The Nation, 27.09.2001.
3. Center for strategic and international studies. Saudi Arabia Enters the 21st Century: The Military and Internal Security Dimension VIII. The Saudi Air Defense Force. – P. 28.
4. Administration of George W. Bush, 2001 / Remarks With President Putin and a Question-and-Answer Session With Crawford High School Students in Crawford. – Nov. 15. – P. 1671.
5. Hearing before the select committee on intelligence of the US senate. 107th Congress. Second session. – Washington, 2002. – P. 2326.
6. Hearing before the select committee on intelligence of the US senate. 107th Congress. Second session. Washington, 2002. – P. 192001.

7. *Klein A.* Konrad Adenauer Stiftung Report Part Title: CASE STUDY “The Costs of Terror: Report Subtitle: The Economic Consequences of Global Terrorism”. – P. 5.
8. Report for Congress. – March 1, 2007. – P. 2.
9. *Thorun Ch.* Russia’s Response to the 11 September 2001 Terrorist Attacks. – 2009. – 460 p.
10. *Strauss K.* The Situation of Financial Intelligence Units in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. – Basel Institute on Governance. – 2010. – 19 p.
11. *Peyrouse S.* RUSSIA-CENTRAL ASIA: ADVANCES AND SHORTCOMINGS OF THE MILITARY PARTNERSHIP. – Carlisle: US Army War College. – 2011. – 35 p.
12. NATO News. 01.06.2011.
13. *Monaghan A.* Flattering to deceive? Change (and continuity) in post election Russia. – NATO Defence College. – 2012. – P. 5.
14. The Washington Times. – 13.10.2015.
15. CNN. – 17.11.2015.
16. Forbes. – 11.09.2016.
15. CNN. – 17.11.2015.
16. Forbes. – 11.09.2016.
17. The New York Times. – 06.04.2020.

Сведения об авторах

АЛЕКСЕЕНКО Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа Краснодарского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Россия, г. Краснодар).

АБУЛХАНОВА Рида Габдельнуровна – хранитель фондов МАУК «Историко-краеведческий музей города Набережные Челны» (Россия, г. Набережные Челны).

БЕСЕДИНА Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

БУРАНОК Сергей Олегович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (Россия, г. Самара).

БУРКОВА Татьяна Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

БУРЫКИНА Людмила Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

ВЕРШИНИНА Дарья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Пермь).

ВОЛОЖАНИНА Елена Ефимовна – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории Омского автотранспортного колледжа (Россия, г. Омск).

ГАРУНОВА Нина Нурмагомедовна – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Дагестанского государственного университета (Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала).

ГОРШЕНИН Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, доцент кафедры фармации Медицинского университета «Реавиз» (Россия, г. Самара).

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, г. Орёл).

ДИК Георгий Валериевич – священник, преподаватель медицинского колледжа «Монада», руководитель Православного культурно-просветительского центра Свято-Николаевского собора г. Евпатория (Россия, Республика Крым, г. Евпатория).

ДОЛГИХ Аркадий Наумович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, г. Липецк).

ЕЛЕУХАНОВА Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана (АНК) Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Республика Казахстан, г. Караганда).

ЖАБЧИК Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

КАПУСТИНА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела организации заблаговременной работы Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области (Россия, г. Гусь-Хрустальный).

КИРИЛЛОВА Алина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (Россия, г. Елизово).

КОЛПАКОВ Арсений Валентинович – студент 3-го курса Омского автотранспортного колледжа (Россия, г. Омск).

КОРЧЕМКИНА Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

КОСОЛАПОВ Владимир Власович – краевед, индивидуальный экскурсовод, член Краснодарского отделения РОИИ, член Российского Географического Общества (РГО) (Россия, г. Геленджик).

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом Института археологии РАН (ИА РАН) (Россия, г. Москва).

КОШОКОВА Саньят Январбиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

КУРУСКАНОВА Наталия Петровна – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)» (Россия, г. Краснодар).

ЛОПИН Константин Борисович – историк, ведущий специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани» (Россия, г. Краснодар).

ЛУПЕНКО Елизавета Аркадьевна – полковник внутренней службы ФКУЗ МСЧ-48 ФСИН России (Россия, г. Липецк).

МАЛИШ Марьяна Адамовна – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующей кафедрой рекламы и дизайна НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ» (Россия, г. Краснодар).

НАРОЖНЫЙ Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (Россия, г. Карачаевск).

НАРОЖНЫЙ Евгений Иванович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (Россия, г. Карачаевск).

НУЖДИН Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург).

ПОНОМАРЕВА Варвара Витальевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории русской культуры Исторического фа-

культета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва).

ПСИХОМАХОВА *Аминат Рашидовна* – кандидат исторических наук, преподаватель ГБПОУ Департамента здравоохранения города Москвы «Медицинский колледж № 5» (Россия, г. Москва).

РУЦИНСКАЯ *Ирина Ильинична* – доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва).

САЛФЕТНИКОВ *Дмитрий Анатольевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

САЛЧИНКИНА *Ангелина Ростиславовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

СЕЛИФОНТОВА *Дарья Юрьевна* – магистр 1-го курса, лаборант отдела научных исследований и грантов Самарского государственного социально-педагогического университета (Россия, г. Самара).

СИЗОВ *Сергей Григорьевич* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Философия и история» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (СибАДИ) (Россия, г. Омск).

ТАГИРОВА *Патимат Тагировна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Дагестанского государственного университета (Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала).

ТОКМАКОВА *Полина Дмитриевна* – студентка 4-го курса исторического факультета, лаборант отдела научных исследований и грантов Самарского государственного социально-педагогического университета (Россия, г. Самара).

УЛЕЗКО *Борис Васильевич* – кандидат исторических наук, доцент, председатель Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории, зам. главного редактора Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)» (Россия, г. Краснодар).

ФАРОИ *Татьяна Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Заслуженный юрист Кубани (Россия, г. Сочи).

ФЕДОСЕЕВА *Лариса Дмитриевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

ХАРИТОНОВ *Евгений Михайлович* – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ХОРУЖАЯ *Светлана Владимировна* – доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ХУДОЛЕЕВ *Алексей Николаевич* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбас-

ского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Россия, г. Новокузнецк).

ЦЫБУЛЬНИКОВА Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Россия, г. Армавир).

ШТЫРБУЛ Анатолий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, эксперт РАН (Россия, г. Омск).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Секция I «Актуальные проблемы мировой истории»</i>	
Нуждин О.И. «Так называемый дофин де Вьеннуа»: об одном аспекте договора в Труа 1420 г.	4
Вершинина Д.Б. Домоводство в контексте дискуссий о женских ролях в американском обществе первой половины XX века	9
Буранок С.О. Образ «Нового Пёрл-Харбор» и международные отношения	13
Токмакова П.Д. «Русский Перл-Харбор»: биохимическая угроза в оценках американского общества	17
Улезко Б.В. Производство станков с числовым программным управлением в КНДР	20
<i>Секция II «Актуальные проблемы российской истории»</i>	
Долгих А.Н., Лупенко Е.А. О судьбе института губных старост XVI – начала XVIII веков: к вопросу о национальных особенностях российской реформы.....	28
Пономарева В.В. Сироты в женских институтах Российской империи. 1764 г. - начало XX в.	34
Бурыкина Л.В., Федосеева Л.Д. Интерполяция Кавказской области в экономическую орбиту Российской империи во второй половине 20-х гг. XIX в.	39
Гребенкин А.Н. Участие чинов Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения в обеспечении безопасности великих князей и княгинь в России в начале XX в.	45
Курусканова Н.П. Тобольская группа ПСР (дофевральский период). 55	
Капустина О.В. Натурализация социального обеспечения в РСФСР в начале 1920-х гг.	65
Штырбул А.А. Лезовэсеровское движение в Советской России – СССР в период НЭПа: последние очаги	70
Горшенин А.В. Опыт советского микробиолога З.В. Ермольевой в переводе научной монографии конца 1920-х гг. по химии иммунитета	78
Салчинкина А.Р., Харитонов Е.М., Хоружая С.В. Казаки в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: боевой путь 2-го и 4-го гвардейских кавалерийских корпусов	81
Цыбулькиова А.А. Женщины-военнослужащие 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в боях за Ачикулак ...	85
Сизов С.Г. Основные направления борьбы советских властей с вооруженными укронацистскими формированиями на территории Западной Украины в 1944-1953 гг.	92

Секция III «Историческое краеведение: современное состояние и тенденции развития»

Кочкаров У.Ю., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Шлем из кочевнического захоронения № 1 кургана 4 курганной группы Дмитриевская-1-82 (Кавказский район Краснодарского края).....	98
Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. О шлемах с козырьком с территории Северного Кавказа (XIII-XIV вв.)	104
Дик Г.В. Открытие духовной семинарии в Таврической епархии	111
Лопин К.Б. Место церкви в жизни малого населенного пункта второй половины XIX в. – начала XX в. (на примере церкви Святого Пантелеймона Целителя в станице Славянской)	115
Абулханова Р.Г. Лесозавод «Республиканец» в г. Набережные Челны: страницы истории	124
Елеуханова С.В. Социальное положение детей спецпереселенцев в Казахстане в 1930-е годы	128
Беседина Е.А., Буркова Т.В. К 100-летию пионерской организации: коммеморативные практики в Ленинграде-Петербурге	131

Секция IV «Методика преподавания исторических дисциплин в средних и высших учебных заведениях»

Кошокова С.Я. Перспективы реализации новой концепции преподавания истории России в КубГАУ	140
Салфетников Д.А. Преподавание истории Великой Отечественной войны в среде студенческой молодежи как важный фактор сохранения исторической памяти	143

Секция V «Вспомогательные исторические дисциплины»

Косолапов В.В. История античной Ахеи в топонимах	149
Алексеев О.И. Китайские тракторы на российском рынке сельскохозяйственной техники: современное положение и перспективы.....	158
Фарои Т.В. Российское законодательство об иностранных агентах в 2022-2023 гг.	166

Секция VI «История русской и мировой культуры»

Психомахова А.Р. Роль адыгских просветителей в исследовании фольклора.....	174
Рудинская И.И. Скульптурные памятники Урала в первых региональных путеводителях: особенности интерпретации	180
Малиш М.А. Актуальные вопросы культурного развития современного цифрового общества.....	186

Секция VII «Проблемы историографии и источниковедения»

Кириллова А.И. Происхождение этрусков: научный дискурс и от-	
---	--

ражение в учебной литературе.....	191
Гарунова Н.Н., Тагирова П.Т. Имперская социокультурная практика (на примере Северного Кавказа XIX века) в процессе присоединения и освоения иноэтничных окраин (по материалам исследований Е.А. Гуровой)	195
Жабчик С.В. Архивные источники об участии кубанского казачества в русско-турецких войнах XIX в. на Балканском театре	198
Худолеев А.Н. Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала «Русский архив» (1870-1880-е гг.)	203
Корчемкина Е.А. Отражение проблемы взаимодействия природы и общества в диссертационных исследованиях, выполненных в СССР в 60-80-е гг. XX века	207
Воложанина Е.Е., Колпаков А.В. Да, был культ, но была и личность	213
Буранок С.О., Селифонтова Д.Ю. Русский «Пёрл-Харбор» в оценках периодической печати США: 2001-2020 гг.	218
Сведения об авторах	223
Содержание	227

Научное издание

**КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

**Материалы XIV Международной
научно-практической конференции
(г. Краснодар, 2 июня 2023 г.)**

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка Курускановой Н.П.

Издательство ИП Колмогоров И.А.

Подписано в печать 18.05.2023 г. Формат 60x84x1/16
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 13,6. Уч.-изд. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № 492.

Отпечатано в типографии:
«Точка печати», ИП Шилов К.Е., г. Краснодар, ул. Сормовская, 5/7.